

ИГРА ПЕРВЫХ

Юлия КАЧАЛОВА

Annotation

Боги тоже любят играть в игры. Аллар и Хунгар – вечные антагонисты – борются за влияние на физический мир и на души людей. Ставки в их игре велики, и от того, кто из них победит – Свет или Чёрная Пустота, – зависит не только судьба человечества, но и будущее Вселенной. Решающую партию в этой игре предназначено сыграть людям, в которых воплощены сильнейшие из духов Света и Тьмы. К девочке Альке и её другу Лёшке, обычным с виду подросткам, попадает талисман старшего из богов. Очень скоро ребята узнают, что мир висит на волоске. Они должны действовать – и быстро!

Юлия Качалова

Игра Первых

© Качалова Ю., текст, 2016

© Катаргина А., иллюстрации, 2016

* * *

Посвящается моей дочери Александре

Характер человека есть его демон.

Гераклит Эфесский

Совершенный Абсолют – источник всего, нераздельный в существовании и *не-существовании*.

Ашмар (Безликий, Хранитель равновесия) – старший из богов, порождённый Совершенным Абсолютом до Его разделения.

Изначальное Пламя (Нечто) – аспект **существования** Совершенного Абсолюта, возникший при Его разделении.

Первозданная Тьма (Ничто) – аспект *не-существования* Совершенного Абсолюта, возникший при Его разделении.

Большой взрыв – результат противостояния Изначального Пламени и Первозданной Тьмы.

Боги-антагонисты – Аллар (Свет) и Хунгар (Чёрная Пустота), возникшие в момент Большого взрыва.

Аллар (Свет) – порождение Изначального Пламени. Источник света и материи во Вселенной Ашмара.

Хунгар (Чёрная Пустота) – порождение Первозданной Тьмы. Источник тёмной энергии и тёмной материи во Вселенной Ашмара.

Вселенная Ашмара – физический мир, возникший в момент Большого взрыва из смешения Изначального Пламени и Первозданной Тьмы.

Сады Аллара – световая вселенная.

Войд – вселенная Хунгара.

Демоны – вечные духи, изначально сочетающие Свет и Чёрную Пустоту в равных пропорциях. Воплощаются во всех живых существах во Вселенной Ашмара с целью эволюции к избранному богу – Аллару, Хунгару либо Ашмару.

А-демоны – духи, эволюционирующие к Аллару. В истинном образе (вне воплощений) являются Светом и пребывают в Садах Аллара.

Х-демоны – духи, эволюционирующие к Хунгару. В истинном образе (вне воплощений) являются Чёрной Пустотой и пребывают в Войде.

Демоны Ашмара – духи, служащие Хранителю равновесия. В истинном образе (вне воплощений) сочетают двойственную сущность Света и Чёрной Пустоты. Могут пребывать где угодно, включая Сады Аллара и Войд.

Уровень демона – показатель эволюции демона в избранном направлении.

Первый уровень – высший уровень демона (даётся только А-демонам и Х-демонам, но не демонам Ашмара).

Игра Первых – поединок демонов Света и Чёрной Пустоты, имеющих первый уровень. Чреват крушением равновесия.

Источник: Записано со слов Ми Ринпоче, просветлённого Учителя, известного как Триждырождённый.

Статья незакончена, нуждается в уточнениях.

Ашмар был старшим из богов и успел застать эпоху единства, хотя лишь под самый конец. Ибо, поручив ему хранить равновесие, Совершенный Абсолют разделился на Изначальное Пламя и Первозданную Тьму, и единство сменилось непримиримой борьбой. Тьма пыталась поглотить Пламя, а оно стремилось заполнить её огнём. Их яростная битва закончилась Большим взрывом, из которого родились боги-антагонисты – Свет и Чёрная Пустота, и возникла Вселенная. Ашмар установил для неё законы равновесия, однако неугасающие схватки богов-антагонистов постоянно грозили его нарушить.

Когда появились миры, пригодные для жизни, Ашмар породил демонов, вложив в каждую искру Света и толику Чёрной Пустоты. И было им сказано: «Вам даровано право выбирать, какому богу служить. В мирах, пригодных для жизни, вы будете воплощаться. Тот, кто от воплощения к воплощению станет внимать Свету, наполнится им. Тот, кто устремится к Чёрной Пустоте, уподобится ей. Сильнейшие сразятся за своих богов в поединке, именуемом игрой Первых».

Бессчётные века прошли, прежде чем развернулась игра Первых. Она завершилась катастрофой! Демон Света погиб, а сила бога Чёрной Пустоты неизмеримо возросла. Тёмная энергия, разрывающая всё – от ядер атомов до галактик, – затопила Вселенную. Ашмар не допустил Большого разрыва, но на месте звёздных скоплений образовались гигантские пустоты, и новое равновесие не походило на прежнее.

Лучшему из своих демонов Ашмар поручил следить за тем, чтобы следующая игра Первых, которая рано или поздно начнётся, не привела к столь же губительным последствиям. Демон нашёл мир, где воплощались избранники богов-антагонистов, и, приняв форму кристалла, стал дожидаться срока, когда они вступят в решающий поединок.

Книга 1
Живая память

Глава 1

Вещественное доказательство

Небывалая жара, установившаяся в середине июля, накрыла город непроницаемым колпаком. Ни дождика, ни свежего ветерка! Кондиционеры имелись в немногих квартирах, и, когда на восточной окраине загорелись торфяные болота, горожане стали задыхаться.

Жителям нового микрорайона, отстроенного на западе, повезло больше остальных. Гарь от торфяников до них не добралась, а остатки лесного массива, примыкавшие к их высоткам, дарили немножко кислорода. Но и здесь родители изыскивали любые возможности, чтобы отправить детей прочь из города, а владельцы собак выгуливали своих питомцев лишь в тёмное время суток.

В одну из душливых ночей хозяева двух немолодых мопсов припозднились с прогулкой. Время близилось к полуночи, и аллея, на пару километров углублявшаяся в лес, пустовала. Страдая отдышкой и вывалив языки, мопсы еле плелись. Зачем, спрашивается, хозяевам приспичило тащиться на аллею? Поздно ведь! Никто из знакомых уже не гуляет! Обошли бы разок вокруг дома, и на боковую.

Неожиданно собачки замерли. Запах! Резкий и пугающий! Что это? Откуда? Мопсы напряжённо втянули воздух сморщенными носами. С хищниками они никогда не сталкивались, поэтому ответа на первый вопрос не имели. Зато указать, где находится источник страшного запаха, могли точно: в конце аллеи. Хозяева наконец догадались, что мопсы хотят домой, и повернули обратно. Запах последовал за ними. Собачьи инстинкты подсказывали: если нечто, потенциально опасное, движется, нужно бежать!

Мопсы засеменили так быстро, как могли. Запах настигал! Теперь он шёл справа, из непроглядного лесного мрака. К изумлению хозяев, псы, давным-давно забывшие, что значит бегать, припустились с щенячьей резвостью.

– Кажется, собачек что-то испугало, – встревожилась женщина.

– Да чего им бояться? – отмахнулся мужчина. – Они тут каждый кустик знают.

Обладай хозяева хоть вполовину нюхом своих питомцев, то поняли бы, чего бояться – кусты-то были знакомыми, но вот то, что за ними таилось... По счастью, обогнав людей и собак, источник страшного запаха стал удаляться. В том же направлении, что и они, – к домам.

* * *

Этой ночью мама поставила Альке раскладушку на балконе. Там было немного прохладнее, чем в комнате, но сон всё равно не шёл. Следующие две недели Альке предстояло провести на даче у тёти Липы, папиной сестры, и это совершенно не радовало. Тётя Липа работала в школе завучем и в каждом человеке обнаруживала огромное количество недостатков. В прошлые годы поездки на дачу заканчивались тем, что, не выдержав и недели придинок, Алька умоляла маму забрать её домой. Представляя свои ближайшие перспективы, девочка крутилась на раскладушке и горько вздыхала.

Вот если бы с ней поехал Лёшка! Рядом с другом она вынесла бы и десяток тётей Лип! Алькино воображение живо нарисовало, как на даче её встречают десять одинаковых

завучей. Тёти Липы хором затягивают: «Мой долг заниматься твоим воспитанием, поблажек не жди от меня...» И тут появляется Лёшка! На нём, как обычно, голубые джинсы и белая футболка, пепельные вихры скрыты под восточной чалмой. Лёшка хитро подмигивает Альке и достаёт волшебную флейту. Звучит незатейливый мотивчик: «Божья коровка, улети на небо...» Тёти Липы стремительно уменьшаются и превращаются в ярких жучков. Алька усаживает их по пять на каждую ладонь и выносит в сад. Бывшие завучи расправляют красно-оранжевые, в чёрную крапинку, крылышки и взлетают! Девочка захихикала...

В общем, если бы с ней поехал Лёшка, было бы здорово! Увы, реальность заключалась в том, что друг вместе со своими родителями сейчас далеко и до его возвращения минимум три недели. Алька печально вздохнула, но через мгновение упрямо сжала губки. А вот и не обязательно! Реальность совсем не такая, какой представляют её скучные люди, подобные тёте Липе!

Несмотря на то что Альке шёл двенадцатый год, она верила: если сильно-сильно чего-нибудь захотеть, желание непременно исполнится. Например, она возьмёт и пожелает, чтобы завтра закончилась жара. Тогда родители не отправят её на дачу. А ещё она пожелает, чтобы Лёшка вернулся раньше. А ещё... Затылок налился тяжестью, в теле возникло лёгкое оцепенение, которое предшествует сну, как вдруг... Из-за невысокой перегородки, разделявшей смежные балконы, послышался сдавленный шёпот. За шесть лет, которые Алька прожила в новом доме, оттуда ни разу не доносилось ни звука! Девочка удивлённо прислушалась.

* * *

– Уф, кажется, оторвались!

– Не радуйся! Скоро проклятый зомби явится и сюда.

– Так и будем вечно бегать, путать следы?! Сил моих уже нет! Что бы мы ни делали, он отыскивает нас повсюду!

– Пока эта штука с нами, он не отвяжется. Остаётся единственный способ...

– Ты уверен, что это сработает?

– Я ни в чём не уверен!

– Йа, что это? Двигается со стороны леса... Ты видишь или мне кажется?

– Вот чёрт! Он уже здесь!

Внезапно в носу у Альки защекотало, она сморщилась, судорожно вздохнула и... громко чихнула. Шёпот на соседнем балконе оборвался. Девочка послушала-послушала, но больше не уловила ни слова. Наверное, разговор ей померещился. Алька почти уснула, как раздался глухой звук, точно кто-то спрыгнул на балкон сверху. Звук повторился. Неужели к ним лезут воры?! Алька почти перестала дышать.

– Ах, какое прелестное личико! – услышала она восхищённый возглас. – Настоящая принцесса!

Несомненно, восторгались ею (больше-то на балконе никого не было), и Альке сделалось весьма приятно. Она считалась хорошенькой – вьющиеся светлые волосы, глаза цвета горного мёда, пухлые губки, всегда готовые к улыбке, ямочки на щеках... Но, честно говоря, среди её одноклассниц таких же «принцесс» насчитывалось двенадцать на дюжину.

Страх улетучился, сменившись любопытством.

– Мы тебе вреда не причиним, – вкрадчиво прошепел голос прямо ей в ушко, – совсем наоборот! Не бойся, открой глаза! Мы покажем тебе вещь, которая делает тебя волшебной! Ты ведь хочешь стать волшебной? Тогда открой глазки!

Противиться искушению «стать волшебной» было выше Алькиных сил, и она разомкнула веки. Правда, на всякий случай, совсем чуть-чуть. Возле её раскладушки нетерпеливо переминались с ноги на ногу два низкорослых человечка с идентичными лицами. Тот, что обращался к ней, нервно улыбался. Второй шагнул к Алькиному изголовью, поднял руку, и над её бровями закачался кулон на цепочке. Девочка распахнула глаза пошире, однако разглядеть вещь, которая «делает её волшебной», никак не удавалось.

– Смотри, принцесса, смотри! – нащёптывал улыбчивый коротышка. – Правда, красивая штука? И волшебная, уж поверь! Несруки слов на ветер не бросают!

«Десять. Девять. Восемь...» – считал в обратном порядке державший украшение. Голос его звучал невыразительно, и Алька уже всматривалась не в качающийся кулон, а в цифры, проступающие огненным росчерком на чёрном бархате. «Два. Один. Ноль!»

Искра света вспыхнула в пустоте, и мир для Альки исчез.

* * *

Разбудил её шум, доносившийся снизу. Во дворе кипела жизнь!

– Давай, давай на себя! – руководил сиплый бас. – Правее! Теперь заноси!

– Пожалуйста, осторожнее! – беспокойно восклицал женский голос с лёгким иностранным акцентом. – Там стекло!

Алька выглянула во двор. Двор у них был тихий, усаженный молодыми липами, с зелёными газонами и ровными асфальтовыми дорожками. С балкона открывался вид на кусочек леса, прилегающие к нему дома, школу и стадион. Тихим двор мог считаться лишь условно, насколько это возможно в столь густонаселённом месте. Сегодняшний гам свидетельствовал о переезде. В их доме сдавалось немало квартир, и переезды являлись делом обычным.

Рабочие разгружали машину, извлекая из кузова крытые контейнеры и зачехлённую мебель. Руководила разгрузкой дама в соломенной шляпке, одетая в фиолетовую футболку и бирюзовые шорты. Ей «помогали» две пушистые кошки, крутившиеся возле ног хозяйки. Алька залюбовалась ими (кошками, а не ногами в бирюзовых шортах). Одна имела тёмно-коричневую окраску с мраморными разводами, вторая – совершенно белая. Но особенно впечатляли даже не красота и ухоженность кошек, а их гигантские размеры. Пожелай эти красавицы встать на задние лапы, могли бы положить передние на плечи коротышек...

Стоп! Ночные гости! Алька уставилась на балконную перегородку, через которую вполне мог пролезть не очень крупный человек. Мама время от времени просила папу изолировать балкон, но у того всё не доходило руки. Тем более что соседняя квартира пустовала. Владельцы в ней не жили и в аренду не сдавали. Может, коротышки и являются хозяевами? Но зачем они залезли ночью к ним на балкон? Очень странный способ вступать в добрососедские отношения... Нет, глупости! Из обрывка подслушанного разговора следовало, что кто-то их напугал. Однако добивались они лишь одного: чтобы Алька открыла глаза и посмотрела на вещь, которая делает её волшебной. Что происходило после этого обещания, девочка не помнила. «Наверное, всё-таки сон, – вздохнула Алька, – только во сне

люди ведут себя так по-дурацки!» И всё же в глубине души оставалась малюсенькая надежда, что ночной визит происходил на самом деле и она скоро станет волшебной.

* * *

На даче жара переносилась действительно легче. Тётя Липа с утра до вечера спасала от засухи свой сад и огород и почти не занималась воспитанием племянницы. Так что Алька каталась на велике, купалась в измельчавшем пруду и дрессировала соседского щенка овчарки. Две недели пролетели незаметно, и Алька даже удивилась, что родители приехали за ней так скоро.

Когда добрались до дома и вышли из машины, Алька заметила даму с замечательными кошками на поводках, заходившую в соседний подъезд. Женщина помахала маме как хорошей знакомой.

– Кто это? – любопытствовала Алька.

– Француженка, мадам Добрэн.

И мама рассказала, что её попросили поработать над переводом книги французской исследовательницы.

– Я была очарована и содержанием, и автором! Это и есть мадам Добрэн! Удивительно обаятельная женщина с тремя высшими образованиями. У мадам Добрэн здесь какой-то проект, я помогла ей снять квартиру в нашем доме, и она уже с полмесяца живёт в первом подъезде.

* * *

На следующий день Алька слонялась по двору, отчаянно скучая. До Лёшкиного возвращения оставалась почти что неделя, никто из одноклассников и знакомых также ещё не вернулся в город. Вдруг она увидела француженку в сопровождении двух пушистых красавиц, на которых были надеты розовые ошейники с медальонами в виде сердечек. К семейству кошачьих Алька питала исключительную слабость! В мире не существовало ни единой кошки, мимо которой она прошла бы равнодушно, не попытавшись вступить в разговор и приласкать.

– Здравствуйте, мадам Добрэн, – обратилась к иностранке девочка. – Какие у вас великолепные кошечки! Можно их погладить?

– Бонжюр, милая! Мейн-куны не терпят панибратства, поэтому гладить не советую.

Но Алька сделала вид, что не расслышала, и, присев, принялась рассматривать мейн-кунов. Челюсти у обладательниц ошейников с медальонами были развиты, как у рысей, на ушах имелись кисточки.

– Какие вы прелестные, какие у вас красивые ошейнички...

Протянув руку к белой, Алька принялась ласково почёсывать шейку. Потом повторила то же самое с коричнево-мраморной. Кошки пару минут проявляли настороженность, затем глухо заурчали, давая понять, что ласка принята.

– Ещё никто не производил на Пусю и Тусю такого хорошего впечатления при первом знакомстве, – улыбнулась мадам Добрэн. – Как тебя зовут?

– Аля.

– Приглашаю в гости! Буду рада познакомиться поближе.

Алька с готовностью приняла предложение мадам Добрэн, чьи комплименты, а главное, расположение Пуси и Туси привели её в приподнятое настроение.

Француженка ввела гостью в комнату, вдоль стен которой были расставлены стеллажи, а на них – два большущих аквариума. В подсвеченной воде плавали ярко окрашенные рыбы.

– Это рыбы-бабочки, эти – красавчики, спинороги, губаны, – по очереди представляла мадам Добрэн обитателей аквариумов.

Позволив Альке вдосталь налюбоваться рыбами, иностранка усадила девочку в кожаное кресло, а сама устроилась напротив. Их разделял небольшой стеклянный столик, на котором стояли бутылка с минеральной водой и коробочка с печеньем. Сверху свисал абажур в форме раскрытой раковины с лампочками-жемчужинами. Хозяйка налила гостье и себе воды, положила в рот печеньице и принялась рассказывать о рыбах:

– Все они с коралловых рифов. Их красота доставляет огромное наслаждение, но она отнюдь не безобидна. Чем ярче рыбы, тем они задиристей. Некоторые демонстрируют цветистость лишь в определённые периоды, но те, что постоянно сохраняют свою раскраску, сущие бестии.

Француженка говорила о повадках разных рыб целый час, причём так, словно сама всю жизнь дышала жабрами и лишь перед встречей с Алькой сменила плавники на бирюзовые шорты.

* * *

Казалось, мадам Добрэн знает обо всём на свете! Её познаний хватило бы не на три, а на десять высших образований! Альке так понравилось слушать истории новой знакомой под урчание Пуси и Туси, что она стала навещать француженку ежедневно.

Во время одного из визитов Алька вспомнила о коротышках, обещавших сделать её волшебной. И, улучив подходящий момент, девочка выложила свой сон мадам Добрэн. Та отреагировала самым неожиданным образом – вскочила и возбуждённо забегала по комнате. Мейн-куны перестали урчать и настороженно поводили ушами. Глаза мадам Добрэн метали громы и молнии.

– Проходимцы! Мошенники! Пачкуны!

Остальных слов, звучавших по-французски, ошеломлённая Алька не поняла, но, судя по разъярённому тону, слова эти были весьма нелестными. Наконец мадам Добрэн остановилась и опустилась в кресло:

– Извини, милая. Твой рассказ напомнил мне очень неприятный эпизод из моей жизни, связанный с парой вероломных проходимцев. Всякий раз, вспоминая их, выхожу из себя.

Плеснув себе воды, француженка сделала глоток и окончательно успокоилась.

Алька растерянно спросила:

– Думаете, коротышки, которые мне приснились, и есть те самые вероломные проходимцы? Значит, они не были сном?

Мадам Добрэн пожала плечами:

– Явь, милая, в отличие от снов, оставляет вещественные доказательства. У тебя они есть? – И посмотрела на гостью очень внимательно.

Алька отрицательно покачала головой.

– Вот видишь! Тогда не о чем беспокоиться.

Но что-то в её голосе и взгляде настораживало. Девочка торопливо простилась и поспешила домой.

* * *

«Вещественные доказательства. У тебя они есть? Не о чем беспокоиться», – снова и снова прокручивалось в голове, пока Алька, забыв про лифт, бегом поднималась на свой пятый этаж. Вдруг она поняла, что в интонациях мадам Добрэн было не так. Иностранка не спрашивала, а утверждала: «У тебя они есть!»

– Как я не догадалась посмотреть внимательней, не осталось ли следов, – ругала себя девочка. – Но если остались, я их найду!

Она устремилась на балкон. Центральная часть балкона всегда оставалась свободной, зато в левом углу скопилось много всякой всячины: зимние шины, папины инструменты, искусственная ёлка, коробки с игрушками. Прикинув, сколько времени может уйти на поиск неведомо чего в этой свалке, Алька печально вздохнула.

Лёшка советовал развивать интуицию, играя в «тепло – холодно». Вот и попробуем! Закрыв глаза, Алька сосредоточилась и сделала два робких шага влево. «Холодно», – хихикнули ощущения. Девочка вернулась к исходной позиции и шагнула вперёд, к широкому окну. «Холодно», – дунул из окна горячий ветер. Алька медленно двинулась вправо. «Тепло», – шепнул голос внутри. Ого! Следовало осмотреть выбранное направление.

Пока Алька гостила у тёти Липы, папа так и не изолировал их балкон, зато родители составили в правый угол кухонные полки и холодильник, планируя вскоре вывезти всё это к бабушке в деревню. Холодильник закрыл доступ к напольному шкафчику. Сделанный для хранения солений и варений, шкафчик мог служить прекрасным тайником. Но прежде к нему следовало расчистить путь.

Алька поднатужилась и попыталась сдвинуть холодильник, однако ничего не вышло. Повторила попытку, холодильник даже не шевельнулся. Не на шутку рассердившись, она удвоила усилия, представляя, как бьётся в неравном поединке с огромным противником и проигрывает ввиду более скромной весовой категории. За этим занятием её и застала мама, вернувшаяся домой:

– Господи, что ты делаешь?!

– Mamochka! Тяжеловес сумо побеждает! Помоги скорее!

Мама расхохоталась, глядя на вспотевшую физиономию дочери, и помогла отодвинуть холодильник.

– Тебе не кажется, что борьба сумо – малоподходящее занятие для девочки?

– Просто я хотела угостить мадам Добрэн бабушкиным вареньем. Можно?

– Конечно, милая! Сейчас достану.

– Нет, мамочка, разреши мне самой выбрать. Ну, пожа-а-луйста...

Мама глянула на неё с лёгким подозрением, но быстро прогнала сомнения. Алька всегда была правдивой и открытой девочкой и не имела от мамы секретов.

– Ладно, только не разбей банки.

– Конечно, мамочка! Я буду очень-очень осторожна!

Когда мама удалилась на кухню, Алька просунула руку внутрь и принялась ощупывать нижнюю поверхность шкафчика. Внезапно её пальцы наткнулись на предмет, совсем не похожий на банку. Она схватила находку и спрятала в карман своих «бермудов». Как раз вовремя, потому что вернулась мама:

– Что-то выбрала?

– Спереди одни пустые банки. А вон до той никак не могу дотянуться.

Мама выудила из недр шкафчика баночку вишневого и отправилась готовить обед, а Алька побежала к себе в комнату.

– Ух ты... – восхищённо бормотала девочка, разглядывая находку. – Так вот что мне показывали ночные гости! И в самом деле волшебная вещь!

Золотая цепочка длиной сантиметров тридцать с крупными звеньями. На цепочке золотой диск, диаметром с ладонь, весь покрытый таинственными символами тончайшей чеканки. В центр диска-оправы вставлен прозрачный кристалл такого же оттенка, как морская вода на мелководье в солнечный день.

Находка дышала стариной. Так однажды выразилась мама, когда они зашли в антикварный магазин. «Здесь всё дышит стариной», – заявила мама, а папа, сморщив нос, заметил, что «пахнет здесь, как в любой лавке старьёвщика». Тогда Алька молча с ним согласилась. Но сейчас, глядя на украшение, она ощутила, что такое запах старины. Даже не старины, а невообразимой древности! И не только запах! Кулон будто обладал собственной волей и настойчиво требовал, чтобы она посмотрела через кристалл.

Мама позвала обедать, и находка вновь была водворена в карман. После обеда Алька спустилась во двор, окутанный жаркой дремотой. Никто из знакомых не показывался, лишь под одной из лавочек спала дворовая кошка, прозванная из-за кожной инфекции Лишайкой. Девочка уселась напротив и стала искоса за ней наблюдать. Лишайка во сне то вздрагивала, то настороженно поводила ушами – несомненно, её сон был насыщен событиями. «Интересно, что ей снится?» – подумала Алька. Достала кулон, повертела его в руках и, зажмурив один глаз, вторым посмотрела через кристалл на кошку. Внезапно голова закружилась, к горлу подступила тошнота, словно от долгого вращения на карусели, и...

* * *

Лишайка не спала. Если бы кошки умели плакать, наверняка бы всплакнула, поскольку ощущала себя самым несчастным созданием на свете. Из-за проклятых лишаёв родители не разрешали детям прикасаться к ней, ласковые почёсывания и поглаживания доставались другим, Лишайке же перепадали лишь камни от жестоких мальчишек.

Потрясённая Алька опустила кулон в карман и некоторое время осмысливала открывшееся ей. Ай да вещь! Позволяет читать мысли! Или она всё нафантазировала? Девочка снова достала кулон и навела кристалл на кошку.

«А эти квартирантки, Пуся и Туся, – думала Лишайка, – щеголяют в ошейниках с сердечками! Небось были бы у них лишаи, им не только дорогого ошейника, простого бантика не досталось бы!»

Лишайка вовсе не была тщеславной и не мечтала о чужеродном предмете на шее как об украшении. Просто бантик являлся для кошки символом того, что она кому-то нужна, знаком принадлежности к избранной категории существ, которых любят. Но, увы, среди этих

счастливец ей места не находилось! Лишайка горестно вздохнула и дёрнула хвостом.

Алька оторвала кристалл от глаза. Так, значит, она действительно теперь может читать мысли?! Ей ужасно захотелось поделиться этой новостью с кем-то. И честно говоря, даже со всеми. Взять и закричать на весь двор: «Я умею читать мысли!» Но импульс глупого бахвальства был быстро подавлен. «Фи, как стыдно! – укоризненно сказал строгий внутренний голос. – Ведь не ты читаешь мысли, а кристалл! Чем напрасно хвастаться, лучше позаботься о Лишайке».

Алька поспешила домой. Воспользовавшись тем, что мама погрузилась в работу, на цыпочках пробралась на кухню и достала из холодильника баночку с остатками сметаны. Заскочив к себе в комнату, сняла с шеи плюшевого кота галстук-бабочку и бесшумно выскользнула из квартиры. Мама категорически запрещала общаться с Лишайкой, поэтому объяснять, зачем понадобились сметана и галстук плюшевого кота, Альке совсем не хотелось. Кошка по-прежнему дремала под лавочкой.

– Лишаечка, милая, вылезай! Смотри, что я тебе принесла!

Пока кошка обнюхивала нежданно свалившееся счастье, девочка аккуратно застегнула ей на шею галстук-бабочку. Но погладить Лишайку всё же не решилась, чтобы не расстраивать маму. Вдруг Алька услышала голос мадам Добрэн. Иностранка приветливо махала ей с балкона, приглашая к себе. Это было очень кстати – если уж кому и рассказывать о волшебной вещи, так всеведущей хозяйке Пуси и Туси!

* * *

Конечно, у Альки чесался язык от желания быстрее поделиться своей тайной, но она решила воспитывать характер и, как учил папа, мысленно сосчитать до двадцати, прежде чем открывать рот. На счёте восемь мадам Добрэн распахнула дверь в комнату, где Алька ещё не бывала. Подоконник, заставленный горшками с пушистыми шариками декоративных кактусов, пестрел от их ярких цветочков – красных, жёлтых, оранжевых, розовых... Мадам Добрэн принялась рассказывать, как называются растения, откуда родом, какую почву предпочитают, в каком уходе нуждаются. Угол комнаты занимала круглая тумба с большим цветочным горшком. Из горшка торчало зелёное мясистое тело, усыпанное длинными иглами и увенчанное маленьким золотистым бутонем.

– А вот и самый уникальный экземпляр в моей коллекции! Как я слышала, этот кактус цветёт раз в сто лет...

Закончить рассказ об уникальном кактусе француженка не успела, поскольку зазвонил телефон, и она вышла из комнаты. Алька достала из кармашка кулон, поднесла кристалл к глазу и... мир стал совсем иным.

Волны света наплывали одна на другую, перебрасывались пылинками, нежно ласкали бутон, который созрел сто лет. И вот он наконец набух и на рассвете должен раскрыть лепестки. Однако не хватает воды! Не нужно много, несколько капель, и распухнет цветок! Но без воды бутон засохнет! Надо успокоиться, из-за тревоги сок становится слишком вязким, не может добраться до бутона, не в состоянии напитать его. Но успокоиться не получалось, тревога становилась всё сильнее...

«Кто-нибудь, помогите! Воды!» Вопль о помощи прозвучал в Алькиной голове так явственно, что девочка вздрогнула. Спрятав кулон в карман, она схватила лейку и полила

кактус.

– Кактусы – растения, привыкшие к дефициту влаги, – раздался голос мадам Добрэн. – Их вредно поливать часто.

– Но кактус просил воды! – воскликнула Алька. – Если его не полить, цветок засохнет, не распустившись.

Француженка пристально посмотрела на гостью:

– Мне кажется, ты хочешь что-то рассказать.

Они прошли в «Аквариум» – так Алька поименовала гостиную. Закончив считать до двадцати, девочка достала вещественное доказательство и протянула мадам Добрэн:

– Вот! Коротышки мне не приснились! Я нашла эту вещь на балконе! Она действительно волшебная и умеет читать мысли! Поэтому я полила кактус. Посмотрела на него через кристалл и узнала, о чём он думает. А ещё я смотрела через кристалл на Лишайку. Она завидует Пусе и Тусе, потому что их любят, а её никто не любит. То есть Лишайка думает, что никто её не любит, но это неправда. Я в сех кошечек люблю!

Француженка, хмурясь, покрутила в пальцах кулон и вернула его гостье:

– Послушай, милая, давай ещё раз вернёмся к твоему «сну». Расскажи мне его, не упуская ни единой мелочи. С появлением вещественного доказательства дело приобретает совсем другой оборот.

Выслушав Алькин рассказ, иностранка уточнила:

– Ты говоришь, это случилось накануне моего появления?

Девочка кивнула.

– Значит, проходимцы подбросили тебе талисман примерно три недели назад. Времени вполне достаточно, чтобы они замели свой след, это раз, – размышляла вслух мадам Добрэн, – и сегодня ты воспользовалась талисманом, это два.

– Но я ничего плохого не сделала, – начала оправдываться Алька, – угостила Лишайку и полила кактус. И всё, честное слово!

– Милая, пока человек не пользуется вещью, у него с ней нет отношений. Но стоит воспользоваться, как начинают формироваться незримые узы. Ты посмотрела через кристалл дважды и теперь как-то связана с ним. Очень тебя прошу, больше не делай этого! И никому не рассказывай о талисмане! Не отдавай его, если тебя будут к этому склонять! Насколько мне известно, волшебные вещи нельзя отнять силой или украсть. Существует единственный способ передать их другому лицу – подарить или отдать добровольно. Поэтому...

– Так, значит, я могу никому не отдавать талисман, если не захочу?

– Тебя могут обмануть или заставить! В ритуале добровольной передачи не предусмотрена проверка, насколько искренне он проведён. Поэтому не позволяй ввести себя в заблуждение, обольстить или запугать! – Мадам Добрэн вдруг замолчала и критически посмотрела на побледневшую гостью. – Последнее, похоже, мне удалось. Эй, выше нос! Обещаю тебе помочь!

Глава 2

Запугивание

Дома девочку ждали неприятности. Мама держала в руках плюшевого кота и выглядела чрезвычайно рассерженной.

– Где его галстук? Я же просила тебя не подходить к этой кошке!

И Альке пришлось рассказать о злосчастной Лишайкиной судьбе. Мама продолжала сердиться, но папа согласился, что больной кошке живётся несладко. Похвалил Альку за чуткость и пообещал узнать, как можно вылечить Лишайку, взяв с дочери слово не прикасаться к кошке до её полного исцеления. Этой ночью из-за духоты Альке вновь постелили на балконе. Девочка думала, что папа обязательно найдёт способ помочь Лишайке. Кошка станет здорова, её позволят гладить, она будет мурлыкать звонко-звонко... Веки отяжелели, мысли стали путанными, и Алька провалилась в сон. Снились ей два маленьких, очень грязных человечка, которые ночью пробрались в квартиру мадам Добрэн, чтобы украсть уникальный кактус. Они натыкались на что-то впотьмах, пыхтели и чертыхались шёпотом:

– Чёрт побери! Понаставили хламу!

– Да тише, идиот! Весь дом перебудишь!

Алька чуть не подпрыгнула! В правом углу балкона знакомые коротышки натужно сопели, пытаясь отодвинуть холодильник и освободить путь к тайнику. Сейчас они обнаружат отсутствие талисмана, начнут вводить её в заблуждение, обольщать и запугивать. Против обольщения Алька ничего не имела, но перспектива запугивания заставила её вжаться в раскладушку в тот миг, когда она услышала:

– Его тут нет! Девчонка похитила талисман!

– Она была под гипнозом! Отодвинься, я сам достану.

– Говорю тебе, талисмана нет!

– Да уйди ты с дороги!

Раздался звон стекла, сдавленные крики:

– Чёрт! Чёрт!

С воплем: «Мамочка!» – Алька бросилась прочь с балкона. Мама едва успела заснуть и никак не могла взять в толк, что так встревожило дочь.

– Это коротышки, – возбуждённо объясняла Алька. – Они пытались украсть редкий кактус у мадам Добрэн, а потом залезли к нам на балкон и разбили банку!

Папа взял фонарик и отправился на балкон. Вернувшись, сказал, что никого там нет, но холодильник действительно сдвинут с места, дверца шкафчика приоткрыта и банка разбита. Однако щель между холодильником и дверцей столь узкая, что пролезть туда мог только ребёнок. Не больше Альки. При этом папа посмотрел на дочь весьма выразительно. Мамины брови поползли вверх:

– Ты опять играла в борьбу сумо с холодильником? Пыталась достать варенье?

– Говорю же, это не я!

– Если ты разбила банку, не пытайся свалить вину на кого-то ещё, – строго заметил папа. – Учись отвечать за свои поступки!

Заснули все лишь под утро. Мама переживала, что Аля стала говорить неправду, папа оправдывал поведение дочери богатым воображением. Алька же, убедившись, что талисман по-прежнему в кармане её «бермудов», печально думала, что, один раз скрыв от родителей правду, она потеряла их доверие.

Проснулась она от Лёшкиного звонка. Ура!!! Друг наконец-то вернулся!

Они познакомились, когда обоим было лет по пять. Их дом только заселялся, родители Лёшки и Альки давали друг другу советы по ремонту и выручали инструментами. Потом решили совместно отдохнуть на море, сочтя, что детям в компании будет веселей. Действительно, ребяташки мгновенно сдружились. В школу они пошли одновременно, оказались в одном классе за одной партой и с тех пор были неразлучны.

Учился Лёшка легко и вполне мог быть круглым отличником, однако имел сложные отношения с некоторыми учителями, особенно с математичкой. Стоило Еве Адамовне перейти к новой теме, Лёшка принимался решать задачи не так, как она учила, а по-своему. Ещё и спорил с учительницей, доказывая, что способы решений, предусмотренные программой, неинтересны. Со многими ребятами из школы и двора у Лёшки отношения также не складывались. Он презирал тупость и трусость и крайне обидно высмеивал эти качества в знакомых. Дело частенько доходило до драк. Но с Алькой не конфликтовал почти никогда. А если ссорился, то не дольше чем на один день!

Лёшка предлагал прокатиться на великах. Алькин велосипед остался на даче у тёти Липы, поэтому отправились в лес на Лёшкином, имевшем багажник. Девочку так и подмывало рассказать о волшебном талисмане, но, помня наказ мадам Добрэн, она держала язык за зубами. На аллее гуляли мамыши с колясками, малыши и пенсионеры. Лёшка свернул на тропу, поднимающуюся на холм. Трястись на жёстком багажнике по корневищам было малопривлекательно, да и Лёшке крутить педали в горку при двойной нагрузке оказалось не очень легко. Поэтому вскоре ребята спешили и повели велосипед за руль. Сняв с себя обязанность водителя, друг принялся болтать без умолку, оставив Альке, как обычно, роль благодарного слушателя. Сперва он описывал, где побывал, потом перешёл к карточным фокусам:

– Когда вернёмся домой, я покажу классный фокус! Отгадаю любую твою карту!

И тут Альку словно бес попутал.

– Подумаешь, карты! Я могу отгадать любую твою мысль!

Лёшка насмешливо прищурился.

– Вот сейчас ты думаешь, что я вру. Совершенно напрасно.

– А число, которое я загадал, отгадать слабо?

– Отвернись, мне нужно сконцентрироваться.

Лёшка честно повернулся к ней спиной. Алька быстренько достала кулон, поднесла кристалл к глазу и поспешно сунула талисман обратно в карман:

– Три тысячи восемьдесят два.

– Вау!!!

В голосе друга прозвучало искреннее восхищение. Добиться от Лёшки подобной реакции было почти невозможно, и Альке сделалось приятно вдвойне.

– Я не знал, что ты телепатка! Колись, Аль, у тебя это давно?

– Не очень.

Девочка уже раскаивалась в своей несдержанности. Ведь мадам Добрэн просила её... А Лёшка теперь пристанет как банный лист!

– И каково читать чужие мысли?

Алька попробовала вернуть разговор в карточное русло, но карты мгновенно потеряли для Лёшки всякий интерес. Он принялся с жаром развивать идею, что бы делал, обладая телепатическим даром. Отпала бы нужда в разведках, исчез терроризм, преступность была бы уничтожена на корню. Распинаясь, как поставить телепатию на службу человечеству, Лёшка остановился. С Алькиной стороны велосипед обошла хромающая старушка в шляпе с низко опущенными полями, и девочка явственно услышала:

– Отдай талисман, воровка!

– Лёша! Назад! Быстрее!

Увидев, что подруга испугана, Лёшка, не задавая лишних вопросов, вскочил в седло. Алька запрыгнула на багажник, и велосипед помчался к аллее, благо теперь тропа шла под горку. Впереди показался асфальт, и Алька перевела дух. Вдруг на тропу выпрыгнула ещё одна старуха. Как раз перед ними! Лёшка дёрнул руль в сторону, чтобы избежать столкновения, велосипед потерял устойчивость, и ребята полетели в разные стороны.

– Бандит! В тюрьму тебя мало! – орала старуха.

– Что здесь происходит? – раздался чей-то суровый бас.

На маленькой парковке перед аллеей стоял полицейский автомобиль. Офицер, наблюдавший велоаварию, приблизился к месту происшествия.

– Что происходит?! – верещала «потерпевшая», тыча в Лёшку волосатым пальцем. – Разве вы сами не видите?! Убийство пожилых людей! Посредством наезда! Доведения до инфаркта! Актик на хулигана составить! Требую!

– Актик никуда не денется. А вы, мамаша, резво скаканули, прямо как заяц из кустов! И прямо-таки под колёса! Вас что-то испугало?

– Змею увидела! Гадюку!

– Это меняет дело. А то мне показалось, вы намеренно пытались остановить это транспортное средство. – Полицейский указал на покалеченный велосипед. – Посредством наскока. Ну, а если из-за гадюки, то состава преступления нет. Повезло, что парень быстро среагировал, иначе вам пришлось бы «скорую» вызывать. Ну, так как? Едем в отделение актик составлять?

– Так и быть, претензии снимаются. Будем считать, несчастный случай из-за гадюки.

«Потерпевшая» поковыляла прочь. Патрульный подошёл к Лёшке, разбившему локоть, колено и получившему множественные ссадины. Алька слетела с багажника более удачно, зато угодила в крапиву, и теперь, морщась от жжения, отряхивала одежду. Внезапно вновь явственно прозвучало: «Отдай талисман, воровка». В нескольких шагах от девочки стояла старуха в шляпе с низко опущенными полями.

* * *

Когда во двор въехал автомобиль патрульной службы, мама беседовала с мадам Добрэн возле первого подъезда. Увидев ободранных ребят, выбирающихся из машины, она бросилась к офицеру:

– Что случилось?!

– Авария, – ответил патрульный, – наезд велосипедом на препятствие.

– Препятствие?! – ахнула мама. – Какое?

– Корень, – поспешно откликнулся Лёшка. – Мы под горку ехали, набрали скорость, а на дороге – корень. Я-то, дурак, принял его за змею, дёрнул руль в сторону и не справился с управлением. Велик вот поломал, даже бросить пришлось. Ох, будет мне от родителей!

Полицейский хмыкнул и хлопнул мальчика по плечу:

– Бывай, герой! Впредь веди аккуратней, особенно если с тобой дама! А змей больше не опасайся. Не водятся они в этом лесу!

* * *

На следующее утро мама заявила, что последний день перед отъездом в деревню они посвятят уборке и сборам. Тогда как Алька надеялась, во-первых, встретиться с Лёшкой, которому и впрямь влетело от родителей. Во-вторых, рассказать о вчерашнем происшествии мадам Добрэн. Но, чтобы не огорчать маму, она послушно вытирала пыль, мыла полы и собирала вещи, время от времени поглядывая в окно. Наконец с уборкой и сборами было покончено, и Алька принялась выпрашивать разрешение на прогулку. Мама отпустила её на час, попросив купить булочек.

– Постарайся на сей раз обойтись без историй! – со значением подчеркнула она.

Вообще-то булочки можно было купить в соседнем доме, однако мамины любимые продавались в магазине, располагавшемся на въезде в их микрорайон. Идти до него вдоль главной дороги, которая вела к ним от шоссе, было минут двадцать. Алька решила порадовать маму и сбегать туда, а уж потом навестить Лёшку и мадам Добрэн.

С одной стороны дороги вздымались многоэтажные здания, с другой – за глухими заборами прятались частные коттеджи. Люди попадались только на остановках, зато дорога являла собой на редкость оживлённое место. По ней нескончаемым потоком в обе стороны двигались легковые автомобили, маршрутки, автобусы, самосвалы-уборщики и грузовики.

Проделав полпути к магазину, Алька поравнялась с невысоким пешеходом. Невзирая на жару, одет он был в тёмный мятый костюм, глаза укрывали чёрные очки. Задрав к небу голову и постукивая перед собой тросточкой, он нерешительно двигался по тротуару в ту же сторону, что и девочка. «Слепой», – догадалась Алька! Тросточка слепого то и дело соскальзывала на проезжую часть, он останавливался и прислушивался к движению. Очевидно, ему требовалось на другую сторону.

– Вам помочь перейти дорогу? – предложила Алька.

– Я буду очень, очень благодарен за помощь! – воскликнул слепой. – Мне нужно попасть туда, где продаётся дом.

Алька помнила объявление о продаже одного из коттеджей. Ловко подхватив девочку под локоток и постукивая тросточкой, слепой двинулся рядом. Когда они перешли на другую сторону и от главной дороги их скрыл забор, Алька почувствовала, что незнакомец всё крепче сжимает её локоть и уже без помощи тросточки уверенно тащит за собой.

– На сей раз тебе не улизнуть, воровка! Отдашь талисман как миленькая!

Добровольная помощница похолодела и крепко-крепко сжала в кармане золотой диск с кристаллом. Лжеслепой подтащил её к какой-то калитке, и та отворилась, словно их ждали.

Алька увидела второго коротышку. Подобно радушному хозяину, тот умильно разводил руками:

– Наконец-то, красавица! Я ни секунды не сомневался, что ты вернёшь вещицу, которую бедные Несруки забыли на твоём балкончике. Так и этак братцу втолковывал: «Не способна принцесса прикарманить чужое!» Ну давай доставай, что там у тебя?!

Пока её запугивал лжеслепой, Алька твёрдо решила талисман не отдавать. Однако слова второго поколебали её уверенность. В самом деле, до того как она нашла спрятанное на балконе украшение, им владели «бедные Несруки». Следовало вернуть вещь хозяевам. Кулачок, сжимавший в кармане кулон, разжался. И всё же Алька чувствовала скрытый подвох. Коротышка тем временем усилил давление.

– Неужели я ошибался?! И прав был Йа, говоря: «Если бы она нашла потерянный кошелёк, то ни за что бы его не возвратила?»

– Хватит взывать к её совести, Ю, – мрачно произнёс лжеслепой. – Девчонка – воровка! А поскольку она несовершеннолетняя, отвечать будут её родители. Лично я направляюсь подавать на них иск. Экспертиза точно установит, кому принадлежит талисман.

И он решительно повернулся к Альке спиной. Второй коротышка сделал вид, что направляется за братом.

– Подождите! – закричала девочка. – Заберите талисман! Только не впутывайте маму и папу!

Несруки одновременно обернулись и протянули руки, но в этот миг с высокого забора на них, злобно шипя, обрушились две огромные кошки.

* * *

Не помня себя, Алька влетела во двор своего дома, набрала код на двери первого подъезда и, лишь оказавшись у двери мадам Добрэн, перевела дыхание. Оглядев красную, взмокшую от бега девочку, француженка покачала головой:

– Пройди в гостиную.

Когда мадам Добрэн вкатила столик, сервированный к чаю, Алька несколько успокоилась. Сердцебиение унялось, а пунцовый румянец сменился обычным цветом лица.

– Где Пуся и Туся? – спросила гостя, уже догадываясь, кто атаковал братцев.

– На задании, – улыбнулась хозяйка. – Так что же с тобой приключилось?

Выслушав, как два дня подряд Альку преследовали и запугивали коротышки, мадам Добрэн спросила:

– Ты отдала им талисман?

Девочка отрицательно покачала головой.

– И правильно! Потому что они просто блефовали. Никакой иск они не подадут, так как при разбирательстве их первым делом спросят: «Что вы, господа, делали ночью на чужом балконе?» Так что, милая, успокойся.

Узнав, что её обманули и маме с папой ничего не грозит, Алька расслабилась. Однако не до конца. В том, что противные Несруки продолжают за ней гоняться, сомнений не было. В городе, деревне, на даче у тёти Липы – везде! И в конце концов добьются своего!

Между тем француженка продолжала:

– Но боюсь, не только эта пара проходимцев желает завладеть талисманом. Для тебя

слишком опасно оставлять его у себя.

– Тогда, может быть, вы его заберёте?

Алька достала кулон из кармашка, полюбовалась им напоследок и протянула француженке.

– Смотри мне в глаза и пожелай, чтобы талисман перешёл ко мне.

Пальцы мадам Добрэн коснулись золотого диска, Аллька перестала видеть что-либо, кроме глубоких чёрных глаз иностранки. Голова на мгновение закружилась, но очень быстро головокружение прошло. Талисман исчез в кармане шёлкового халата француженки. Мадам Добрэн улыбнулась:

– Разливай чай, а я погляжу, не вернулись ли Пуся и Туся.

И действительно, не успела Аллька налить в чашки ароматный напиток, как в комнату с чрезвычайно важным, хотя слегка потрёпанным видом прошествовали мейнкуны и принялись вылизываться. Их урчание выражало крайнюю степень довольства собой. Вдруг Аллька вспомнила, что мама отпустила её лишь на час, а булочки так и не куплены, и стала прощаться.

– Завтра мы уезжаем в деревню, я ведь увижу вас, когда вернусь?

– Мы с тобой непременно увидимся, милая, – пообещала мадам Добрэн.

* * *

Папа приехал за ними в самом конце лета. Подмигнув дочери, он сообщил, что дома её ждёт сюрприз, да не один! Всю дорогу, занявшую из-за пробок целый день, Аллька выведывала, какие сюрпризы её ждут, но папа лишь отговаривался, что всему своё время.

С первым сюрпризом девочка столкнулась на пороге. Лоснящаяся, совершенно здоровая Лишайка тёрлась о ноги папы, мамы и Алльки, издавая звонкое, счастливое мурлыканье.

Следующий сюрприз поджидал Алльку в собственной комнате. Вдоль длинной стены теперь стояли широкие стеллажи, а на них два аквариума, в которых лениво шевелили плавниками яркие рыбки с коралловых рифов. Вместо прежней люстры с потолка свисал абажур в форме раковины. Никогда Аллька не испытывала такого восторга, как при виде подобного великолепия!

– Это подарки мадам Добрэн, – пояснял папа. – Она покинула город через несколько дней после вас. Перед отъездом сообщила, что в ближайшее время будет вынуждена много путешествовать, а с таким хрупким хозяйством сложно переезжать с места на место. И если мы не возражаем, она оставит кое-что тебе на память. Кстати, вот ещё один её подарок. – Папа указал на кактус с цветком изумительной красоты. – Мадам Добрэн уверяла, что кактус будет цвести сто лет, и им успеют полюбиться не только твои дети, но и внуки!

Глава 3

Странные сны

Со дня знакомства с мадам Добрэн прошло восемь месяцев. Мысли девочки часто возвращались к француженке. И чем дальше, тем больше крепла Алькина уверенность в том, что хозяйка Пуси и Туси – не обычная женщина, пусть и с тремя высшими образованиями, а... волшебница! Алька не говорила об этом ни родителям, не верившим в волшебство, ни даже Лёшке, чтобы друг её не засмеял. Только Лишайке, цветущему кактусу и коралловым рыбкам. И те дружно с ней соглашались: «Конечно, мадам Добрэн – настоящая волшебница».

Зима, тянувшаяся целую вечность, наконец отступила.

Когда Алька выздоровела после ангины, сугробы превратились в грязные лужицы. Заметив, как подруга поскучилась за время болезни, Лёшка всячески старался её растормошить. Показывал Альке выращенные в колбе кристаллы, предлагал собрать из шкафа машину времени, учил пить воду носом, как йоги. Последнюю неделю Лёшка зачитывался книгой о приключениях двух побратимов и не на шутку загорелся идеей сделать Альку своим кровным братом. Демонстрируя скальпель, стащенный из дому, Лёшка доходчиво объяснял процедуру братания:

– Надо надрезать кожу, соединить наши раны и, когда твоя кровь сольётся с моей, дать клятву верности. Тогда ты станешь моим кровным братом, а твой враг – моим врагом! Алька ничего не имела против того, чтобы обзавестись кровным братом в Лёшкином лице, но процедура братания ей категорически не понравилась. Особенно смущал вид скальпеля. Прямо отказаться она опасалась, поскольку друг мог обидеться, и, не придумав лучшей отговорки, сказала: – У меня нет врага.

– Не беспокойся, – отнёс её довод Лёшка, – враг – дело наживное. Сегодня нет, завтра появится. Обязательно найдётся тот, кому ты не нравишься.

– А нельзя стать твоим братом без надрезов? – осторожно спросила Алька. – Давай мы получим естественные раны. Например, я оцарапаю локоть, а ты обдерёшь коленку. Тогда мы их соединим и...

– Не хочешь брататься, так и скажи, – надулся Лёшка. – А ждать, пока ты соизволишь расцарапать свой локоть, я не собираюсь!

– Наверняка существуют другие способы, – не сдавалась Алька. – Если бы мы могли спросить у мадам Добрэн, она обязательно посоветовала что-нибудь ещё! Знаешь, мне иногда кажется, что она – настоящая волшебница!

Лёшка, слегка ревновавший к француженке, передразнил:

– «Мадам Добрэн! Мадам Добрэн!» Только и твердишь как попугай! Ну, и беги к своей волшебнице! – Однако, увидев, как жалобно у подруги задрожали губы, немедленно раскаялся: – Будь, по-твоему. Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе. Давай найдём твою мадам Добрэн и спросим.

– Найдём?! – Алькины глаза округлились. – Каким образом? Номера своего телефона она не оставила и ни одной весточки за всё время не подала.

– Надо подумать.

Отложив скальпель, Лёшка запустил пятерню в свою густую шевелюру, как обычно, когда решал задачи. С минуту он морщил лоб, потом заявил:

– Одевайся и пойдём на стадион.

– Что мы будем там делать?

– Ты, женщина, будешь ждать, а Алекс – Могучий Бутс, то есть я, думать!

Алька сомневалась, что стадион – удачное место для думанья, но возражать не стала. Спасибо и на том, что Лёшка переключился, не машет скальпелем и не требует немедленно приступать к братанию.

Стадион оказался пуст. Девочка осталась у входа, а Лёшка начал накручивать круги, с каждым разом увеличивая скорость. Сначала Алька наблюдала за ним с лёгким удивлением, но постепенно забеспокоилась. Его залитое потом лицо побагровело и утратило осмысленное выражение. С ним явно творилось неладное. «Нужно срочно его остановить! Это мой лучший друг и без пяти минут кровный брат».

Алька бросилась на стадион. Прямо на неё летел Алекс – Могучий Бутс, она едва успела отскочить в сторону, чтобы избежать столкновения.

– Да стой же ты! – закричала Алька вдогонку просвистевшему вихрю.

Крики всё же дошли до Лёшкиного сознания, поскольку он начал слегка притормаживать. Описав ещё два круга, остановился.

– Чего это я? – очумело спросил Лёшка, с трудом переводя дыхание.

Алька вновь встревожилась, но напрасно. Отдышавшись, Алекс – Могучий Бутс хлопнул себя по лбу:

– Вспомнил! Я проверял главный принцип своей новой теории!

– Какой теории?

– Ответственного гения, разумеется!

Алька фыркнула, а Лёшка принялся развивать свою мысль:

– Большинство гениев ведут себя совершенно безответственно, потому что позволяют приходить к ним озарению во сне.

– И что здесь безответственного?

– Не дрыхнуть надо, когда тебя озаряет, а стимулировать мозг! Бегом или там спортивной ходьбой, если здоровье бегать не позволяет.

– Почему бегом? – изумилась девочка.

– Ну, ты даёшь! – Лёшка даже присвистнул от её бестолковости. – Когда человек напряжённо думает, что он делает?

– Шевелит извилинами? – предположила Алька.

– Этого никто не видит! Что мы видим?

Лёшка заложил руки за спину и стал демонстративно вышагивать взад-вперёд.

– Думающий человек ходит, – назидательно подытожил он.

– Предположим, – не стала спорить Алька. – И что с того?

– Движение стимулирует мыслительный процесс! Мы ведь хотим найти мадам Добрэн?

– Конечно! Только не знаем как.

– А каким образом мы можем узнать? Нас должно озарить! Главный принцип моей теории гласит: «Движение стимулирует озарение!» Вот я и бегал, проверял его.

– И как?

Друг насупился:

– Проверишь тут, когда всякие под ноги бросаются и не дают нужную скорость развить.

Лёшкины голубые глаза вспыхнули мрачной решимостью и снова стали терять осмысленное выражение.

– Подожди! – закричала Алька. – Ты уже доказал правоту своей теории!

– Уверена? – В голосе мальчика мелькнула робкая надежда, что не придётся повторять научный подвиг. В общем-то, он изрядно выдохся, но не собирался в этом признаться даже себе.

– Абсолютно уверена! Такая замечательная мысль могла прийти тебе в голову только в момент озарения!

– Но ведь это было раньше! – Лёшка даже всхлипнул от разочарования. – Я пришёл к ней до того, как начал стимулировать мозг!

Вдруг он посветлел лицом.

– Эврика! Искривление пространства-времени! Сначала следствие, а потом причина, где-то я об этом читал! Ты гений!

Прищурившись, друг уставился на Альку очень внимательно. Девочка попятилась к выходу, догадываясь, что будет дальше.

– Ты ведь была телепаткой? Была! Значит, гений. Ну, пожалуйста, Аль, пробегись! Всего-то кружок-другой. Как ты не понимаешь, что одного результата недостаточно для подтверждения принципа! Прояви ответственность!

Горько вздохнув, Алька занялась лёгкой атлетикой.

* * *

А когда вернулась домой, то обнаружила в почтовом ящике открытку, отправленную из Парижа! Мадам Добрэн писала, что навестит её не позднее чем через неделю! Алька тут же сообщила новость Лёшке, но тот обрадовался не столько приезду иностранки, сколько подтверждению теории ответственного гения.

Девочка с трудом дождалась возвращения родителей, чтобы за ужином поделиться радостной новостью. Однако должного впечатления та не произвела. Мама и папа выглядели расстроенными. Оказалось, что заболела бабушка и маме срочно надо ехать к ней, а папа должен завтра отправиться в какую-то важную командировку.

– Придётся просить Липу недельку пожить у нас, – заключил папа и пошёл звонить сестре.

Алька состроила такую гримасу, словно ей предложили поцеловать жабу. На даче тётю от исполнения профессионального долга отвлекал огород, но представить себе жизнь с завучем без этого смягчающего обстоятельства! О-о-о...

* * *

После водворения в доме тёти Липы мрачные прогнозы Альки сбылись. Тётя Липа объявила, что, взяв племянницу на попечение, намерена с полной самоотдачей исполнять долг педагога. А долг свой она видела в том, чтобы превращать маленьких несносных существ в стоящих людей. Однако Альке не суждено было пасть жертвой её педагогических усилий, ибо в самом скором времени у тёти Липы объявился враг. Стала им Лишайка.

Папина старшая сестра вообще недолго любила кошек, а Лишайка, по её мнению, имела «криминальное прошлое», что вызывало у тёти Липы чувство особой брезгливости. В первый же вечер она согнала Лишайку с её излюбленного кресла в гостиной. С точки зрения

кошки, подобная бесцеремонность от чужака значила, что на территорию дома вторгся агрессор. И Лишайка объявила войну.

В Алькиной комнате тётя Липа и Лишайка бывали редко. Доступ кошки ограничивался из-за плотоядного интереса к рыбам. Что до тёти Липы, то родители настояли на том, чтобы у девочки имелось собственное пространство. К племяннице тётя являлась лишь пожелать спокойной ночи, зато властвовала во всех других уголках квартиры. Однако эта власть была поставлена под сомнение. Кошка подкарауливала тётю Липу, когда та направлялась в гостиную смотреть телевизор, в туалет или на кухню, и бросалась на жертву со шкафа, не забывая выпустить когти.

Тётя Липа тоже пыталась застать ненавистную тварь врасплох. Но у неё это получалось реже, поскольку кошка обладала чутким слухом и отлично умела прятаться. Однако у всех имеются зоны уязвимости. У Лишайки таким местом являлась кухня, где стояли её мисочки с водой и едой. Кошке теперь удавалось кормиться, только когда поблизости не было её врага. Если же тётя Липа замечала, что Лишайка пытается прокрасться на кухню, то швыряла в неё тапком или замахивалась мухобойкой. Кошка заметно отошала.

Поначалу Алька радовалась, что Лишайка мешает тёте выполнять педагогический долг. Однако «пострадавших» становилось всё больше: были разбиты два цветочных горшка, заварочный чайник и мамина любимая ваза. Представляя, какое впечатление это произведёт на родителей, Алька пыталась вразумлять противниц. Но те оставались глухи к доводам разума. Тётя Липа заявляла, что если хозяева не поставили наглую тварь на место, то для неё это дело принципа. Кошка, облизывая застигнутые мухобойкой места, делала вид, что совершенно не понимает, какие могут быть претензии к ней.

Алька по телефону уверяла маму и папу, что они все вместе отлично уживаются, но это являлось откровенной ложью. Все издёргались, всем было плохо, включая Альку, которая быстро убедилась в том, что там, где царит атмосфера вражды, находиться крайне неприятно. Она попробовала пожаловаться Лёшке, но друг не проявил должного сочувствия, а лишь самодовольно заявил:

– Вот видишь, я был прав! Враг – дело наживное.

– Ну и братайся с тётей Липой или Лишайкой, – обиделась Алька.

«Слава богу, – думала девочка, – завтра приедет мадам Добрэн». В десять вечера тётя, по своему обыкновению, зашла пожелать ей спокойной ночи, и Алька поразилась её затравленному виду. Плотно прикрыв за собой дверь, тётя Липа нервно зашептала:

– Эта тварь не кошка, а исчадие ада! Всю спину мне разодрала! Если ты не запрёшь зверюгу на ночь в своей комнате, у меня случится гипертонический криз!

Из-за этого самого криза, который случился у бабушки, мама была вынуждена уехать. Алька перепугалась и поспешно бросилась искать Лишайку. Кошка тоже утомилась от борьбы и без возражений перебралась в Алькину комнату, где ей не грозили ни тапки, ни мухобойка.

От расстройства девочка даже забыла включить ночник, хотя привыкла спать со светом. Долго ворочалась с боку на бок, но под звонкое мурлыканье Лишайки всё-таки задремала. Посреди ночи кошка начала яростно скрестись в дверь, требуя выпустить её по неотложным надобностям, однако Алька никак не могла стряхнуть оцепенение и подняться. Только что ей приснился очень необычный сон!

Она находилась в громадной пещере, набитой людьми и едва освещённой редкими тусклыми факелами. Скопление народу было не столько видимо, сколько ощущалось по

шорохам и дыханию. Некоторое время толпа молчала, потом люди начали заунывно бормотать.

*Сто лет во мраке кромешном прошло,
Мы жили надеждой одной,
Что в Доме охоев вновь станет светло,
Когда зацветёт Колхой.
Но как сказал когда-то пророк,
Година лихая придёт,
Наступит Колхоя цветенья срок,
Но он не осветит свод Священного зала.
Напрасно Жрец Взывает к нему с мольбой.
Владычеству Света приходит конец.
Сердца наполняются тьмой.*

Алька отчётливо запомнила слова их не то молитвы, не то жалобы.

– Ничего себе, – удивлялась девочка, – я не читала подобных стихов. Самой мне такое в жизни не сочинить. Всё очень, очень странно...

Открыв глаза, она обнаружила, что странности продолжают. Ночник не горел, занавески были плотно задёрнуты, дверь заперта, а по комнате неведомо откуда разливалось тёплое сияние. Алька соскользнула с постели, выпустила Лишайку и... увидела источник непонятого света. Цветок кактуса, подаренного мадам Добрэн! Его нежные лепестки источали мягкий свет столь же естественно, как другие цветы запах. Просто невероятно! Нет, она-то какова?! Столько ночей подрыхнуть рядом с чудом, не подозревая о нём!

– Колхой, – прошептала девочка в восхищении. – Вот как ты, оказывается, называешься! Теперь я понимаю, что имели в виду люди в пещере. Бедненькие! У них там так темно, и ты им так нужен. Ничего, я сейчас снова засну и подарю им тебя во сне.

* * *

Утром её разбудил звонок. Мадам Добрэн предлагала встретиться в ближайшем кафе «Шоколадница» в шесть вечера. В этот день Альке удавалось всё! Она получила пятёрку по математике и помирилась с Лёшкой, извинившись за вчерашнюю грубость.

Без пяти шесть Алька влетела в «Шоколадницу», а уже через секунду её обнимала мадам Добрэн – самая настоящая, пахнущая духами с тонким ароматом жасмина! И вот они уже пьют капучино с яблочным штруделем.

Выяснив, что мэйн-куны остались на попечении подруги мадам Добрэн, Алька принялась рассказывать обо всём, что происходило в её жизни. Слушая, как Лёшка бегал, стимулируя озарение, чтобы найти способ связаться с ней, французенка хохотала до слёз:

– Ой, не могу! Надо же такое придумать!

Потом Алька рассказала, что Лёшка предлагает побрататься. И спросила, не существует ли менее кровавого способа, чем тот, на котором настаивает друг.

Мадам Добрэн улыбнулась:

– Суть братания состоит в том, чтобы заглушить в мужчинах стремление к соперничеству, объединив их искусственно созданными узлами крови. Однако в случае тебя и Лёши подобного ритуала не требуется, потому что ты девочка. Вы можете считать друг друга названными братом и сестрой, и для этого не нужно проливать кровь. Вполне достаточно сильного совместного переживания.

Алька вздохнула с облегчением. Теперь она знала, как отвергнуть Лёшкино предложение, не обидев друга. Оставалось лишь поделиться сегодняшним сном и открытием, что цветок кактуса испускает свет. Эту часть рассказа мадам Добрэн слушала с большим вниманием.

– Колхой... – пробормотала француженка, когда девочка закончила. – Я знала, что кактус – уникальное растение и, возможно, этот экземпляр последний на земле. Ко мне он попал случайно, и я слышала о нём лишь легенду. В ней действительно говорилось, что кактус сто лет вынашивает бутон, который затем превращается в цветок, не увядающий на протяжении последующих ста лет. О том, что цветок способен испускать свет, я ничего не знала. Просто фантастика! А твой сон очень интересен. И часто тебе снится такое?

Алька призналась, что нет. Обычно ей снились какие-то яркие впечатления дня, забавно переплетённые между собой, но в целом совершенно заурядные.

– Может, ты что-то похожее прочитала недавно, увидела по телевизору или в кино?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Значит, живая память, – сделала непонятный вывод мадам Добрэн. – Возможно, однажды тебе будет известно о Колхое намного больше, чем мне.

Подобное предположение показалось Альке невыносимым.

– Как я могу знать больше? Ведь вы волшебница! – вырвалось у неё.

Мадам Добрэн удивилась:

– Ты считаешь меня волшебницей? Жаль огорчать тебя, милая, но это не так.

Алька готова была расплакаться от разочарования.

– Я не волшебница, – повторила француженка, – но это не значит, что в мире нет ничего волшебного. Ты помнишь талисман?

Девочка кивнула. Ещё бы!

– Всё это время я собирала информацию о нём и кое-что узнала. В частности, благодаря одному своему волшебному свойству. Оно называется «живая память», об этом мы поговорим завтра. Сейчас уже поздно.

Уговорившись встретиться в том же месте и в то же время, они простились.

* * *

Тётя Липа была весьма разгневана поздним возвращением племянницы. Но поток её возмущения не успел излиться на Алькину голову, потому что девочка неожиданно спросила:

– Тётя Липа, что, по-вашему, объединяет брата и сестру? Какое сильное совместное переживание было у вас с папой в детстве? Расскажите, пожалуйста, для меня это очень важно.

Тётя Липа молча прошествовала на кухню, поставила перед Алькой тарелку с гречневой кашей и грузно опустилась на стул напротив. Опасливо косясь на своего врага, в кухню бесшумно прокралась Лишайка и бочком подобралась к мисочке с кормом. Тётя не

отреагировала, погрузившись в воспоминания. Наконец после продолжительной паузы заговорила:

– Ему тогда лет двенадцать было, как тебе сейчас. Родители отсутствовали – в командировках всё время пропадали. Помню, я обед разогревала, а он со своим дружкой заходит да за дружка держится. Вся штанина левая пропиталась кровью, а в ноге дыра. На карусели, объясняет, поранился. Я в «скорую» звонить, а мне отвечают, езжайте своим ходом в травмпункт. Пока мы добирались, он всё меня подбадривал, а сам уже бледный как смерть: крови-то много потерял...

Тётя Липа помолчала, перебирая воспоминания, и продолжила:

– И ещё был случай, когда тонул он на моих глазах. С приятелем на спор решил стремнину переплыть, а плавать тогда толком не умел и как раз посередке пошёл под воду. Возле берега в лодке сидели рыбаки, стали мотор заводить. Я в воду к нему на помощь бросилась, и моё платье под мотор лодки попало. Рыбаки мотор отключили, погребли к нему на веслах. Только я всё же первая успела.

Алька поразились речи тёти Липы. Говорила не взрослая женщина, привыкшая всех поучать, а девчонка, насмерть перепуганная за младшего братишку. Вскочив, Алька бросилась к тётушке на шею.

– Какая вы замечательная, тётя Липа, – всхлипывала девочка, – я вас правда очень люблю! И папа очень любит!

Тётя Липа судорожно прижимала племянницу к своей обширной груди и тоже шмыгала носом.

– Полно, детка, полно. – Чтобы не дать чувствам взять над собой верх, тётя Липа оглянулась на кошку: – А тебе, бестия, чего положить? С курицей пакетик или с печёнкой?

Этой ночью Лишайка снова устроилась в Алькиной постели. Но уже не из соображений безопасности (чутьё подсказывало, что враг отныне превратился в подателя пищи и более ничем не грозит), а из простого удовольствия. Приятно засыпать рядом с тем, кто тебя обнимает и ласково почёсывает, и кошка отвечала благодарным урчанием, которое убаюкивало Альку.

«Всё-таки мадам Добрэн – самая настоящая волшебница, сколько бы ни отнекивалась! Не успела приехать, как все проблемы стали разрешаться сами собой», – думала девочка, погружаясь в сон.

* * *

О! Это был фантастический сон! Алька парила, словно птица, а под ней проплывали горные хребты, хвойные леса, пастбища... Девочку-птицу не покидало ощущение, что она движется в какое-то определённое место, описывая всё более узкие круги, которые должны сомкнуться в одной точке. Вот здесь! Движение прекратилось, и она зависла над вершиной холма.

Круглую, выложенную каменными плитами площадку окружали кольцом старые сосны, их высокие и ровные стволы в закатных лучах сияли червонным золотом. Круто вниз сбегали широкие белые ступени, а в центре площадки застыло изваяние. Алька-птица снизилась, чтобы лучше его рассмотреть.

Странное впечатление производила статуя, и веяло от неё чем-то нечеловеческим. Две

фигуры со сросшимися, как у сиамских близнецов, спинами смотрели в противоположные стороны. Одна, выполненная из полупрозрачного материала золотистого оттенка, словно светилась изнутри. По мере движения, что вправо, что влево, цвет темнел, утрачивал прозрачность и становился аспидно-чёрным. Помимо сросшихся спин, близнецы имели общую руку, обращённую в сторону ступеней. Вторая рука светлой половины была простёрта вперёд, пальцы сложены в благословляющем жесте. Рука чёрной половины, согнутая в локте, казалось, пыталась кого-то схватить и вдавить в землю. Лица близнецов имели одинаковые черты, но как же они отличались! Улыбающийся лик светлого дышал покоем и умиротворением, гримаса чёрного заставляла цепенеть.

Вокруг изваяния зависла плотная тишина, не нарушаемая ни птичьим гомоном, ни шумом ветвей. Но вскоре откуда-то снизу послышались слабые звуки шагов. Девочка-птица воспарила повыше. Вот показались два человека, медленно взбирающиеся по высоким каменным ступеням. Глубокий старец, обессиленный долгим подъёмом, и молоденькая девушка, на которую он опирался. Старик неподвижно замер на краю площадки, с трудом переводя хриплое дыхание. Девушка тоже немного передохнула, потом почтительно отпустила локоть своего спутника и осторожно приблизилась к изваянию. Низко склонившись перед сросшейся рукой, произнесла:

– О, Ашмар, величайший из богов, благослови мой скромный дар!

С этими словами, девушка сняла одно из ожерелий, во множестве нанизанных на её стройную шейку, и надела на кисть божества. Едва отёрнула руку, как ожерелье затрещало синими искрами и бесследно исчезло.

Явно через силу, девушка стала обходить статую и остановилась перед чёрной фигурой. Не глядя на устрашающий лик, сняла самые длинные янтарные бусы, поспешно накинула их на хищную длань и прошептала:

– Прими мой скромный дар, могущественный Хунгар, и отврати свой гнев!

Янтарные капли зашипели, потекли расплавленной смолой и превратились в чёрный пар. Девушка поспешила продолжить обход. Остановившись перед светлым божеством, подняла голову, лицо её мгновенно прояснилось.

– О, Аллар, несущий свет! С любовью подношу тебе мой скромный дар и прошу твоей милости!

Украсив пальцы бога ожерельем, девушка преклонила колени и залюбовалась улыбкой Аллара. Бусинки начали понемногу светлеть, а затем вспыхнули, словно яркие звёзды.

Девушка вернулась к спутнику, наблюдавшему за её ритуалом. Знаком старик приказал ей оставаться на месте и двинулся к изваянию. Встав напротив сросшейся руки, выпрямился и произнёс неожиданно сильным и звучным голосом:

*Не сердолик и не янтарь,
Великий и чудесный дар
Приносит ныне на алтарь
Смиранный твой слуга...*

Старец запнулся и резко выбросил вперёд руку: на цепочке покачивался кулон! В золоте оправы – прозрачный кристалл, схожий по оттенку с морской водой на мелководье в солнечный день. Время шло, старик молчал. Неожиданно он воскликнул: «Аллар», метнулся

к светлому богу и повесил талисман на его пальцы.

Ничего не произошло, только тишина стала совершенно непереносимой. Старик с пронзительной мольбой вглядывался в улыбающийся лик. Вдруг чёрная фигура зашевелилась в нечеловеческих усилиях оторваться от светлой половины. Раздался страшный хруст, и вдоль сросшейся спины и руки пошли разломы, пронизанные синими сполохами. Камни, из которых была выложена площадка, завибрировали и стали трескаться. Корабельные сосны ломались, как сухие тростинки. И над этим хаосом яростно гремело:

– Отдай амулет Хунгару!

Цепочка на пальцах светлого бога разорвалась, словно кто-то с силой дёрнул кулон. Талисман упал на трескающуюся плиту. Из ближайшей трещины вырвалась струя багрового пламени, и тело старика превратилось в пылающий факел.

* * *

Вырвавшись из кошмара, которым неожиданно завершился такой интересный сон, Алька некоторое время слышала лишь частые удары своего сердца. Постепенно до неё начали доноситься будничные звуки наступившего утра. Явилась Лишайка и начала мурлыкать с энтузиазмом, не оставлявшим сомнений в готовности кошки позавтракать. Правда, тётя Липа, перед тем как уйти на работу, её покормила, но Лишайка ничего не имела против второго завтрака. Солнечные лучи проникали сквозь задёрнутые шторы, за окном весело чирикали воробьи, во дворе взывала к хозяину сигнализация какой-то чересчур чувствительной машины. Царила милая, привычная суэта, но Алькины чувства пребывали не здесь, а на загадочном холме, рядом с изваянием богов и... талисманом!

После школы девочка поспешила на встречу с мадам Добрэн, та предложила прогуляться. Солнечный день плавно переходил в сумерки, насыщенные особой весенней синевой и свежестью.

– Я собиралась рассказать тебе о живой памяти, – начала мадам Добрэн. – Память – преинтересная штука! Года в два ты наверняка помнила погремушку, с которой играла в семь месяцев. А сейчас помнишь?

Алька попыталась вспомнить. Разумеется, у нее ничего не вышло.

– Чем старше ты становишься, тем сильнее сдвигается граница твоей памяти. Люди помнят, что было вчера, могут восстановить события месячной давности. Но чем дальше от того, что называется «сейчас», тем более смутными становятся очертания их собственной жизни. Мгновения, составлявшие годы и десятилетия, исчезают в тумане забвения. Однако в этом тумане есть яркие точки – события, которые, несмотря на свою удалённость, могут представлять так же явственно, как сейчас, и проживаться заново во всей полноте ощущений.

Алька, чьи мысли продолжали вращаться вокруг младенчества, сообщила:

– Мама рассказывала, что в девять месяцев я уверенно ходила, держась за её палец, но отпустить его боялась. Однажды мама открыла ящичек серванта. Мне стало так любопытно, что я, забыв о страхе, поковыляла к ящичку. И с тех пор стала ходить сама. Но я этого совсем не помню! Только с маминых слов.

– При желании и некотором навыке ты можешь вспомнить, как слегка покачивался пол, когда ты делала первые самостоятельные шаги. Вспомнить прикосновения своих пальцев к вожделенному ящичку и яркие предметы, которые в нём хранились.

Перед глазами девочки вдруг отчётливо возникли кружева, катушки с разноцветными нитками, блестящая тесьма...

– Теперь представь, что тебе может открываться живая память не только твоя, – продолжала мадам Добрэн. – Например, память твоей мамы или папы. Или неожиданно открывается живая память кого-то, кто жил задолго до нашего времени. Часто детей считают фантазёрами, но детские сообщения гораздо правдивее, чем полагают взрослые, поскольку в раннем возрасте многие способны воспринимать чужую живую память. И кошмары, которые снятся детям, не всегда связаны с проблемами пищеварения, как думают родители и врачи. Некоторые страшные сны являются живой памятью!

Вспомнив вчерашний сон, Алька вздрогнула. Мадам Добрэн решила, что стало слишком свежо, и предложила закончить прогулку.

– С годами живая память уходит. Иначе скопилось бы слишком много переживаний, связанных с прошлым, и слишком мало внимания уделялось бы настоящему и будущему. Но у некоторых людей живая память сохраняется и во взрослом возрасте.

Мадам Добрэн умолкла, задумавшись о чём-то. На следующий день француженка была занята и пообещала позвонить Альке в субботу утром.

Тётя Липа встретила племянницу в таком прекрасном расположении духа, в каком девочка её отродясь не видела.

– Завтра из-за границы прилетает мой одноклассник. Он пригласил меня поужинать в ресторан. Если я задержусь, тебе не будет очень страшно засыпать одной?

Алька заверила, что ничуть не страшно. Лёжа в кровати, она перебрала в уме события дня. Порадовалась за тётю Липу. Вспомнила рассказ мадам Добрэн о живой памяти. Затем Алькина мысль скакнула и перенеслась на три недели вперёд, когда она будет праздновать свой день рождения. Засыпая, девочка думала, что мама испечёт маковый рулет, придёт мадам Добрэн, начнёт рассказывать о... Под звонкое мурлыканье Лишайки и мягкое сияние Колхоя она провалилась в крепкий сон без сновидений.

Глава 4

Рискованное предприятие

На следующий день, как и предсказывали синоптики, погода испортилась. После уроков Лёшка, вместо того чтобы отправиться «стимулировать мозг», пригласил Альку в гости продемонстрировать профессиональный телеобъектив, купленный его папой. Пока ребята добирались до дома, девочка передала другу всё, что сказала мадам Добрэн насчёт ритуала братания. Подумав, Лёшка признал, что всеведущая иностранка права: брат из Альки действительно выйдет крайне посредственный, а сестра куда ни шло. Но чтобы они могли считаться названными братом и сестрой, он должен вытащить подругу из какого-нибудь скверного переплёта, в который ей непременно следует угодить. Алька совершенно не стремилась попадать в «скверный переплёт», поэтому обрадовалась, когда Лёшка переключился на другую тему и взхлёб стал расписывать достоинства нового телеобъектива.

Получив в руки камеру, Алька с восторгом принялась рассматривать голубя, сидевшего на карнизе соседнего дома. Голубь выпячивал грудь, пытаясь привлечь внимание расположившейся рядом голубки, а та косилась на ухажёра одним глазком и отодвигалась от него, перебирая лапками. Голубиная парочка была видна как на ладони, словно находилась в двух шагах, а не за триста метров. Потом Алька настроила объектив на двух еле видимых прохожих и чуть не выронила камеру из рук.

– Осторожней! – испугался Лёшка. – Ты чего?! Увидела привидение?

– Это они... – Губы девочки задрожали.

– Ну-ка да й. – Лёшка выхватил у подруги камеру и навёл на объект. – И что особенного? Двое парней, которые ростом не вышли, зато вырядились! Замшевые курточки и кепи, пижонские зонты. А какое сходство! Небось однайцовые близнецы. По-моему, они ругаются.

– Они всегда ругаются, – тоскливо согласилась Алька.

– Ты с ними знаком а? – у дивился Лёшка.

Алька так и не успела рассказать ему о коротышках и талисмане. Когда она вернулась из деревни, у Лёшки накопилось много собственных впечатлений. Конечно, его интересовали телепатические способности подруги, но Алька призналась, что утратила их, и, выразив короткое соболезнование, Лёшка больше не возвращался к этой теме.

– Ну, давай колись, чего ты так перепугалась?

– Несруки...

– Что тебе не с руки? – обалдел Лёшка. – Ты же без пяти минут моя названная сестра!

– Да не мне не с руки! Эти двое – братья Несруки. Фамилия у них такая или кличка. Помнишь старуху в лесу, из-за которой ты велик поломал? Никакая это была не старуха, а один из них! Второй тоже поблизости околачивался! Несруки меня преследовали, чтобы...

Алька вдруг замолчала.

– Если ты мне не доверяешь, то можешь и дальше играть в молчанку, – оскорбился Лёшка. – Только на меня в этом случае не рассчитывай!

И Алька рассказала всё от начала до конца. Лёшка восхищённо присвистывал, слушая, и изредка задавал наводящие вопросы. Особенно его заинтересовал талисман, позволяющий читать мысли.

– И ты отдала такую классную шгуковину своей «волшебнице», ни словечком мне не обмолвившись?!

– Ты же ещё не вернулся, когда я нашла талисман, – оправдывалась Алька. – Поэтому я показала его мадам Добрэн, а она попросила никому о нём не рассказывать. Считала, что это опасно!

Лёшка презрительно сплюнул с балкона, давая понять, что уж его-то опасностями не запугаешь.

– И вот теперь вернулась мадам Добрэн, и опять появились Несруки, – упавшим голосом закончила рассказ Алька. – Наверное, снова начнут меня преследовать...

– Не паникуй! Я же обещал, что вытащу тебя из скверного переплёта! Дело яснее ясного. Они тебя похитят, упекут в подвал и начнут выпытывать, кому ты отдала талисман. Тут появлюсь я и...

– Что ты?! Они же гипнотизёры! Загипнотизируют тебя в два счёта, и будешь валяться как бесчувственное бревно.

– О воздействии на психику я не подумал. – Лёшка запустил пальцы в волосы. – Значит, им нельзя позволить тебя похитить!

– А как раз сегодня тётя Липа вернётся поздно, у неё свидание с одноклассником, – всхлипнула Алька.

– Может, переждёшь у нас до прихода своей тёти?

– Что ты! Если она вернётся и не застанет меня дома, с ней случится гиперкриз!

Тогда Лёшка позвонил маме, объяснил, что его подруга боится оставаться дома одна, и получил разрешение побыть в гостях до прихода Алиной тёти.

Передислоцировавшись, ребята приготовили бутерброды и перекусили. По Лёшкиной просьбе Алька повторила историю ещё раз, дополнив рассказом о живой памяти. Она уже собралась поведать другу о своём сне, как зазвонил городской телефон.

– Это мама!

Алька бросилась в коридор. Звонила не мама! Мужской голос торопливо произнёс: «Талисман в опасности», – и в трубке зазвучали короткие гудки.

Сердце у Альки упало. Лёшка предложил немедленно сообщить о звонке француженке, однако телефон мадам Добрэн был отключён. В десять тридцать вернулась оживлённая тётя Липа с роскошным букетом в руках, и Лёшка ушёл.

* * *

На другой день тётя разбудила Альку ни свет ни заря и сообщила, что они едут на дачу. Тётя Липа обожала свой сад и огород и строго следовала рекомендациям лунного календаря:

– По лунному календарю в этом году последние дни апреля и первые мая – самое подходящее время для посадки! Какая удача, что эти дни приходятся на выходные! Так что собирай вещички, мы должны успеть на двенадцатичасовую электричку. Я пока что съезжу к себе за рассадой!

Тётя умчалась так быстро, что Алька даже не успела спросить, как быть с Лишайкой. Пока девочка размышляла над этим вопросом, зазвонил телефон.

– Бонжюр, милая! Я тебя не разбудила? – приветливо спросила француженка.

– Мадам Добрэн! С вами ничего не случилось?!

– Тебя что-то встревожило?

Алька рассказала о появлении своих бывших преследователей и Лёшкином предположении, что Несруки собираются её похитить и выпытать, кому она передала талисман. Потом о таинственном звонке, сообщившем, что талисман в опасности. Когда девочка закончила, мадам Добрэн взволнованно воскликнула:

– Нам нужно встретиться как можно скорее!

– Не получится! Тётя Липа собирается на дачу, мы должны успеть на двенадцатичасовую электричку.

– Ты не против, если я составлю вам компанию? Вместе с твоим другом. Мы обставим дело следующим образом...

План франуженки сработал безукоризненно! Когда вернулась тётя Липа, Алька сказала, что мадам Добрэн предлагала в выходные позаниматься с ней и Лёшей французским языком, используя уникальную методику с полным погружением. Тётя Липа ценила тягу к знаниям и слышала от родителей племянницы много восторженных отзывов о высокообразованной иностранке. Поэтому растерялась:

– А как же поездка на дачу? Я не могу тебя оставить одну на несколько дней.

– Мадам Добрэн готова поехать с нами, если вы не возражаете. Она предложила отвезти нас на машине. Мы нисколько не помешаем вам! Ну, пожалуйста, ведь это уникальная возможность заниматься с носителем языка!

И тётя сдалась. Тот же аргумент подействовал и на Лёшкиных родителей. Тётя Липа их заверила, что дачный дом вполне просторен, неудобств от занятий ребятишек ей не будет, а упускать редкую возможность... В общем, Лёшку отпустили.

Ровно в двенадцать к подъезду подкатил белый джип. В него погрузили картонную коробку с рассадой, кошачью переноску с Лишайкой, закрытую корзину с Колхоем (кактус попросила взять с собой мадам Добрэн), рюкзаки Альки и Лёшки, и компания тронулась в путь. Добравшись до места, сначала обустроивались, обедали, потом тётя Липа устроила экскурсию по саду и огороду, затем Алька повела гостей осматривать окрестности. После ужина хозяйка занялась сортировкой рассады, а ребята и мадам Добрэн отправились в помещение, отведённое им для занятий.

Это была просторная комната с камином, обставленная диваном с множеством подушек, кушеткой и креслом. Пол покрывал плотный шерстяной ковёр с рисунками, позаимствованными из учебника геометрии: разноцветные треугольники, ромбики и окружности, вписанные друг в друга, на приятном кофейном фоне. Имелась в комнате дверь, выведившая прямо в сад.

Разожгли камин. Алька с Лёшкой устроились на ковре, обложившись диванными подушками, франуженка в кресле напротив.

Мадам Добрэн начала рассказ:

– Я получила талисман при весьма трагических обстоятельствах. Не удивляйся, Аля, ты была не первой, кто отдал его мне. Точнее, он попал к тебе, после того как его у меня похитили Несруки.

– Вы же говорили, что талисман нельзя украсть, – изумлённо воскликнула девочка.

– Это правда, – подтвердила мадам Добрэн. – Несруки были моими помощниками, и я сама настроила на них кристалл. А братцы прикарманили кулон и скрылись. Потом спрятали его на твоём балконе, затем ты отдала талисман мне. Я не стала открывать тебе всё это сразу, потому что мне самой в то время многое было непонятно. Но давайте обо всём по порядку.

С раннего детства меня преследовали видения. Сначала родители считали их обычными кошмарами, когда приступы участились, обратились к врачам. В одной из клиник, где я проходила обследование, работал старенький доктор. Подробно расспросив меня о видениях, он пришёл к выводу, что это не фантазии, а обрывки чужих жизней. Он-то и рассказал мне о живой памяти и посоветовал учиться управлять своим даром. Поначалу это казалось невозможным, однако со временем мне стало удаваться вызывать видения и блокировать их появление по собственному желанию. Правда, управление сводилось лишь к тому, что я научилась включать и выключать дар. А уж куда он меня забросит, фрагмент чьей жизни приоткроет, на это влиять не получалось. Пока ко мне в руки не попал талисман.

Путешествуя по живой памяти, я видела события, относящиеся к разным эпохам, и увлеклась историей и археологией. Однажды меня пригласили в экспедицию, которой руководил известный профессор, мечтавший найти следы цивилизации, исчезнувшей из-за природных катаклизмов. С самого начала нам необыкновенно везло. Прибыв на место, выбранное для раскопок, уже через месяц работ мы наткнулись на древнее захоронение. Украшения, обнаруженные в нём, заставили нас онеметь от восторга.

Мы упаковывали находки, чтобы отправить их в институт для дальнейшей экспертизы, профессор намеревался продолжать работы. Но нас оповестили, что в районе раскопок наблюдается повышенная сейсмическая активность и два ближайших населённых пункта пострадали от сильных землетрясений. Нужно было сворачиваться без промедлений. Пока рабочие разбирали лагерь, профессор предложил мне в последний раз обойти окрестности. Его не оставляла мысль, что поблизости от захоронения должно находиться святилище исчезнувшего народа. Мы направились к одному из холмов. Внезапно мне показалось, что метрах в тридцати от нас мелькнула чья-то тень и скрылась за валуном. Я вскрикнула, схватила профессора за рукав, и в тот же миг землю под нашими ногами тряхнуло.

– Быстро возвращаемся! – крикнул профессор.

Мы поспешили обратно, и тут я услышала звук. Обернувшись, увидела валун, который нёсся на нас. И вновь мелькнула тень. Теперь я была уверена, что она принадлежит очень высокому человеку.

Земля снова вздрогнула, профессор споткнулся и упал. Прямо на него, набирая скорость, катился валун. Я схватила профессора за руки и изо всех сил дёрнула в сторону, но другой камень сшиб меня с ног. Когда я пришла в себя, профессор лежал без чувств – обе его ступни были раздавлены. Через некоторое время он открыл глаза. «Уходи, – прошептал мне профессор и, стиснув зубы, достал из кармана куртки небольшой замшевый мешочек. – Я хочу, чтобы отныне этой вещью владела ты». Спрятав мешочек в рюкзак, я попыталась связаться с лагерем по рации, никто не отвечал. Тогда я побежала за помощью. Как ни чудовищно было оставлять профессора, но другого выхода я просто не видела. А когда вернулась с людьми и носилками, он уже не дышал.

Мадам Добрэн замолчала – воспоминание об ужасном происшествии давалось ей нелегко.

– Прошло несколько лет, прежде чем я решилась посмотреть на дар профессора. Все эти годы меня преследовала гримаса ужаса, застывшая на его мёртвом лице. Но однажды я всё-таки развязала замшевый мешочек и обнаружила в нём кулон. Изящество, безупречность исполнения и, главное, древность украшения свидетельствовали о том, что эта вещь из захоронения. С одним «но»! При раскопках мы не обнаружили золотых предметов, а оправа и цепочка кулона были сделаны из золота. В общем, я решила исполнить последнюю волю

профессора и оставила талисман у себя.

Вскоре я открыла чудесное свойство кристалла проникать в чужое сознание. Меня так и подмывало экспериментировать, и я обзавелась помощниками. Ими стали братцы Несруки. Я настроила на них кристалл, а они...

– Похитили талисман? – тихо спросила Алька, слушавшая историю, затаив дыхание.

Француженка кивнула:

– Не сумели противиться искушению. Но, хотя братцы ещё те прохиндеи, их можно не опасаться. Несруки вынуждали тебя, Аля, вернуть талисман, однако вреда не причинили бы.

Лёшка разочарованно вздохнул. Враги выходили какими-то несерьёзными!

Мадам Добрэн строго на него покосилась:

– Думаю, звонили они, предупреждая, что талисман в опасности. Собственно, мы приближаемся к тому, ради чего здесь собрались.

Мальчик приободрился: всё-таки приключения ещё возможны.

– Твой рассказ, что кто-то испугал братцев, заставил меня задуматься. Когда ты вернула мне кулон, я встретила со своими бывшими помощниками и расспросила их. Затем использовала живую память, чтобы выяснить судьбы прежних хозяев талисмана. И открылась очень неприятная закономерность... С человеком, в руках которого оказывалась эта вещь, вскоре происходил несчастный случай, а талисман переходил к новому владельцу. Наконец я решилась на путешествие по живой памяти, которого очень боялась. Сконцентрировалась на мгновении, когда в последний раз видела профессора живым, и через какое-то время стала ощущать...

Вот я лежу и стараюсь дышать часто-часто, чтобы отвлечься от нестерпимой боли. Вдруг на моё лицо падает тень, я поднимаю глаза и вижу незнакомца. Лицо, заросшее косматой бородой, совсем близко, я чувствую его зловонное дыхание и хочу закрыть глаза, но взгляд, чёрный и пустой, не отпускает. Я слышу голос, похожий на клёкот: «Отдай амулет Хунгару».

– Хунг ару?! – вскричала Алька.

– Тебе это имя о чём-то говорит? – встрепелась мадам Добрэн.

– Ашмар, Аллар, Хунгар... – пролепетала девочка и сбивчиво пересказала свой сон.

Когда Алька закончила, мадам Добрэн поднялась и сообщила, что идёт спать.

– Советую и вам отдохнуть. Чувствую, завтра понадобятся силы!

* * *

И как в воду смотрела! После завтрака Лёшка вызвался помочь тёте Липе, заявив, что в два счёта перекопает весь огород. Начал он с бодростью трактора, и Алька, вооружённая граблями, значительно отстала от друга. После второй грядки Лёшкин темп слегка снизился, после третьей пот с него тёк ручьями. Вспахивая четвертую, Лёшка тоскливо оглядывал фронт работ, и огород казался ему огро-о-омной плантацией. Алька всё ещё возилась со второй грядкой, когда её друг с мужеством обречённого приступил к пятой. Но лечь на ней костями ему не позволила тётя Липа.

– Ай да помощник! – всплеснула руками хозяйка. – Не успела я выпить чашку кофе, он уже половину огорода перелопатил! Ну, спасибо вам, ребята. Бегите принимайте душ, мадам Добрэн ждёт.

Через полчаса Алька и Лёшка сидели в комнате для занятий и потягивали апельсиновый сок, а француженка возбуждённо расхаживала взад-вперёд. Наконец она остановилась:

– Мне нужна ваша помощь. Но если вы согласитесь, то окажетесь втянутыми в очень рискованное предприятие.

– Что мы должны сделать? – с готовностью спросил Лёшка, опасаясь, как бы мадам Добрэн не передумала втягивать их в рискованное предприятие.

– Для начала послушать, затем подумать. За талисманом кто-то охотится, и тех, к кому он попадает, быстро настигает смерть под видом несчастного случая.

– Вы думаете, их убивают? – нахмурился мальчик.

– Не сомневаюсь, что все несчастные случаи подстроены, – вздохнула мадам Добрэн.

– Но как этот... кто-то... находит людей, к которым попадает талисман?

– Полагаю, что талисман является своего рода приёмником и передатчиком. Когда человек смотрит через кристалл, тот каким-то образом настраивается на его сознание и начинает посылать сигналы. Видимо, охотник их ловит. По ним и отыскивает того, кто смотрел через кристалл.

– А как же вы, я, Несруки? – испуганно воскликнула Алька. – Почему он нас не нашёл?

– Несруки всё время его пугали, разделяясь, и охотник бросался то за одним, то за другим... В общем, гонялся за двумя зайцами, поэтому ни одного не поймал. Когда Несруки подкинули кулон тебе, то надеялись, что преследователь от них сразу отстанет. Не тут-то было! Охотник следовал за братцами по пятам до тех пор, пока ты не посмотрела через кристалл. Но уже на следующий день ты отдала свою находку мне и уехала в деревню. А я, получив талисман, постоянно путешествовала, нигде надолго не задерживаясь. Преследователю было непросто угнаться за мной. Однако звонок, сообщивший, что талисман в опасности, говорит о том, что он уже близко.

– В опасности не талисман, а вы, – прошептала девочка.

Лёшка по привычке запустил пятерню в волосы и наморщил лоб. Через минуту его голубые глаза вспыхнули.

– Мадам Добрэн, я придумал! Отдайте эту штуку мне! Кристалл настроится на меня, и охотник от вас отвяжется!

– И увяжется за тобой! – вскричала Алька.

– Я найду способ с ним справиться! Не сомневайся, Аль!

– Лёша, чтобы найти этот способ, нужна информация. А её слишком мало! Живая память мне открыла, что погоня за талисманом ведётся с незапамятных времён. Но я так и не выяснила, кто жаждет его получить и с какой целью. До вчерашнего дня я была уверена, что «Хунгар» – название тайной организации. Однако, как следует из Алиного сна, это – имя бога. Что ещё сильнее сбивает с толку. Вообще непонятно, с кем мы имеем дело...

Мадам Добрэн замолчала.

– Тогда какую помощь мы можем вам оказать? – не выдержал Лёшка.

– Отправиться в путешествие по живой памяти. Это единственный доступ к информации, которая поможет найти решение.

* * *

Француженка сообщила тёте Липе, что после обеда начнётся полное погружение и

продлится до позднего вечера. Методика требует, чтобы в это время ребят не отвлекало абсолютно ничего. Хозяйка горячо заверила, что ни её собственной ноги, ни Лишайкиной лапки не появится в комнате, пока дети постигают знания по самой современной технологии обучения. Тётя Липа отнесла в помещение для занятий три пледа и подушки (для более комфортного погружения, не иначе), пакет с бутербродами, термос с душистым чаем и вручила мадам Добрэн ключ.

Через час после обеда Лёшка и Алька вошли в комнату, где их уже дожидалась иностранка. Когда они устроились рядышком на ковре, мадам Добрэн положила между ними талисман. Лёшка, впервые увидевший волшебную вещь, пожирал её глазами. Алька ощутила, что ему стоит большого труда не схватить кулон в руки, и ткнула друга локтём в бок. Француженка заперла дверь, задвинула жалюзи и сняла крышку с корзины, в которой покоился Колхой. При виде светящегося цветка у Лёшки рот открылся от изумления.

– Аля, подозреваю, что оба твоих сна взаимосвязаны, поэтому Колхой может оказаться полезен, – пояснила мадам Добрэн и попросила ребят положить пальцы на оправу кристалла. – Я желаю передать вам талисман! Да направит он вас в путешествии по живой памяти! Помните, ваша задача – узнать как можно больше!

У друзей закружилась голова, подступила тошнота и мгновенно прошла. Француженка начала обратный отсчёт.

«Десять». Светящийся цветок, наполнявший полумрак комнаты мягким тёплым сиянием, завораживал. От него невозможно было отвести глаз.

«Девять». Плечи поникли, затылки налились тяжестью.

«Восемь». Поток мыслей замедлился.

«Семь». Пропали ощущения в ногах и спине.

«Шесть». Пальцы словно приросли к диску-оправе, стали такими же золотыми.

«Пять». Мысли исчезли, в голове пустота.

«Четыре». Ничего не видно, кроме золотистого света.

«Три». Свет собрался в сферу.

«Два». Сфера стала сжиматься.

«Один». Превратилась в нестерпимо яркую точку.

«Ноль». Точка взорвалась, и знакомый мир для ребят исчез!

Глава 5

День рождения Синголь

Синголь лишилась родителей двенадцать лет назад, и с тех пор её жизнь превратилась в сплошное кочевье. Каждый из многочисленных родственников пытался залучить маленькую сиротку к себе, и, чтобы никого не обижать, ей приходилось переходить из дома в дом.

Дети в семьях симхаэтов стали большой редкостью, что значило лишь одно: история народа Симха близится к завершению. Одни утверждали, будто причиной тому хвостатая звезда, пролетевшая пятьдесят лет назад. Другие объясняли, что дети перестали рождаться из-за неведомой болезни. Но про себя все винили Хунгара – чёрного бога, наставшего проклятие на их головы.

Детские голоса всё реже радовали слух симхаэтов, и в маленькой Синголь вся родня утоляла свою родительскую жажду. Каждый баловал девочку, как мог, правда, нотаций и нудных проповедей ей тоже доставалось с лихвой. Синголь втайне завидовала своим малочисленным сверстникам, имевшим всего двух родителей, а не два десятка опекунов.

Последний год Синголь провела в доме тётушки Симхости, и на этом её кочевая жизнь заканчивалась. Завтра ей исполнится пятнадцать лет, что по обычаям симхаэтов означало вступление в брачный возраст. Синголь будет признана совершеннолетней и сможет по своему усмотрению выбирать себе жилище. Завтрашний день обещал стать пышным празднеством, и Синголь заранее предчувствовала торжественную скуку.

Тётушка Симхости принялась суетиться с раннего утра. Она выбегала, вбегала, хлопала дверьми, громыхла посудой и время от времени преданно заглядывала племяннице в глаза. К полудню число хлопочущих тётушек сильно возросло. От их зычных голосов, грохота и чада у Синголь разболелась голова, и её освободили от кухонных дел, отправив готовить наряд к предстоящему торжеству. Только когда добровольные помощницы удалились, Синголь решила покинуть свою комнатку. Судя по количеству приготовленных угощений, Симхости желала всей родне мучительной смерти от обжорства. Однако остановиться тётушка не могла и продолжала шнырять взад-вперёд.

– Присядь ты наконец! – взмолилась Синголь.

– Сейчас, моя птичка ненаглядная! Не каждый день такой праздник случается! – Добродушные глазки Симхости наполнились было слезой, но тётушка тут же снова выскользнула за дверь.

Синголь задумалась. Завтра она объявит родственникам о своем решении жить у Старца. Как они это воспримут? Конечно, ей не запретят перебраться в пещеру отшельника, но могут обидеться, а обижать любящую родню очень не хотелось. На пороге опять возникла Симхости.

– И чего это Апанхур всё у нашего дома шастает?! – Тётушка недоумённо повела пухлыми плечами.

Когда-то Апанхур был могучим воином и талантливым военачальником. Под его руководством симхаэты сумели отразить нашествие дикарей и теперь жили спокойной жизнью. Но двенадцать лет назад Апанхур потерял любимую жену, и чёрный Хунгар забрал его разум. Соплеменники стали его сторониться, да и безумец редко появлялся среди людей. Большую часть времени он обитал в горах, промышляя охотой, а когда навещался в селение, у хозяек пропадали то куры, то ягнята, то крынки с молоком. Но симхаэты

закрывали на это глаза, отчасти из уважения к прежним заслугам Апанхура, отчасти из жалости.

– Оголодал небось бедняга, – вздохнула тётушка и вложила в руки Синголь вкусно пахнущий свёрток. – На-ка, детка, вынеси ему. А то потом опять птицы не досчитаешься.

Девушка неохотно поплелась к двери – дикий вид Апанхура и звериный запах, исходивший от него, пугали Синголь. Но не настолько, чтобы отказаться от поручения и потом целый час выслушивать упрёки Симхости. Выйдя из тепла, Синголь зябко поёжилась – к вечеру заметно похолодало. Сумерки сменились чернотой, и поначалу девушка никого не заметила. Облегчённо вздохнув, она собралась вернуться в дом, как вдруг от ствола акайи отделилась высокая тёмная фигура и метнулась к ней. Синголь вздрогнула, но, пересилив себя, протянула Апанхуру свёрток. Однако безумец не шевельнулся, впился в неё немигающим пустым взглядом ожившего мертвеца, а спустя секунду вновь смешался с ночью.

– Неужто не взял? – изумилась Симхости, когда племянница возвратила ей свёрток. – Совсем чокнутый!

– Точно... – согласилась Синголь, пытаясь подавить страх, скользким червячком заползший в сердце.

* * *

Праздник, вопреки её ожиданиям, оказался не таким уж скучным. Утомительной была лишь торжественная часть. Борясь с икотой и зевотой, напавшими на неё одновременно, Синголь отчаянно старалась придать своему лицу выражение внимания и не икать слишком громко. Потом начали дарить подарки, и виновница торжества оживилась. Чего только ей не надали! Одних нарядов она получила столько, что в течение месяца могла бы менять их каждый день.

Самый потрясающий дар преподнёс своей любимице старый Симхарух. Дед заслуженно слыл среди соплеменников лучшим мастером по янтарю и камню. Однако на сей раз он превзошёл самого себя! Когда настала его очередь, Симхарух бережно достал из корзины нечто, завернутое в белый плат, откинул ткань, и все увидели выполненную из тёмно-золотого янтаря скульптуру. Бюст девушки был установлен на изящном постаменте из белого дерева. Янтарная девушка смотрела на восхищённых зрителей широко распахнутыми глазами. Её носик был задорно вздёрнут, на губах играла улыбка, щёки украшали прелестные ямочки, а на выпуклый лоб падали завитки кудрей. Короче, это была вылитая Синголь! Подарок Симхаруха вызвал бурю восторгов, Синголь без устали обнимала и целовала деда.

Устав от речей и избытка чувств, гости уселись за столы, ломившиеся от яств. Были поданы жареная баранина, тушёная зайчатина, запечённые куропатки, скатанные в рулетики лепёшки со всевозможной начинкой. А также овощи, фрукты, орехи и кувшины с хмельными напитками, настоянными на меду. Коварные планы тётушки Симхости не осуществились. Родичи дружно работали челюстями, число угощений таяло на глазах, но умирать никто не собирался. Наоборот, все повеселели, кое-кто даже захмелел, и в числе первых – уморившаяся от приготовлений Симхости.

Когда гости насытились, пришло время воспоминаний. Синголь веселилась от души, слушая, как её тётушки, бабушки, дядюшки, дедушки рассказывают о далёких днях своей

молодости, вспоминая всякие смешные истории.

– Помнишь, как я достал твой Знак? – Симхарух со смехом толкал в бок супругу.

– Как забыть-то! – улыбалась бабушка. – Ты в награду поцелуй потребовал! Дескать, мой браслет тебе не нужен, ты и сам их каждый день мастеришь. А я подумала: вот наглец!

– Но ведь согласилась! – ухмылялся дед.

– Так иначе ты б не отвязался!

Затем позвали мальчиков, ожидавших начала ритуальной игры, именуемой «Знак невесты». Чтобы набрать нужное число игроков, пришлось созвать не только сверстников Синголь и парней постарше, но даже совсем малолеток. Игроки разделялись на две группы: одна команда наряжалась дикарями, вторая команда изображала защитников. «Дикари» и защитники с разных сторон должны были незаметно подобраться к размещённому на возвышении Знаку «невесты». Если игроки обнаруживали себя, начиналась схватка. В ход пускались плоды акайи, орехи, игрушечные стрелы, и всё кончалось рукопашной свалкой. Первому, кто завладеет Знаком (обычно им являлось ожерелье, браслет или пояс), «невеста» вручала приз.

Своим Знаком Синголь избрала чудесный подарок Симхаруха, ведь это почти что она сама! За столь драгоценный Знак «дикари» и защитники устроили яростную битву. Синголь визжала от восторга, подскакивала и, если бы не её особое положение, непременно влезла бы в эту кучу малу. Наконец один паренёк выбрался из клубка сражающихся. Его пальцы почти коснулись янтарной головки, как вдруг та горсткой осколков осыпалась на постамент, а мальчику на руку упала стрела с острым металлическим наконечником. Не игрушечная стрела – боевая!

Ничего не замечавшие в пылу битвы игроки ещё продолжали свою шумную возню, когда послышались крики взрослых. Потом все разом смолкли и обернулись туда, куда указывал паренёк, державший стрелу.

За невысоким ограждением стоял Апанхур с тяжёлым луком в руках. Увидев его, Синголь почувствовала, что червячок страха растёт, превращается в удава и начинает её заглатывать. Потрясённое молчание нарушил Симхарух:

– Убирайся отсюда! – негодуяще прохрипел старик. – Мы многое прощали тебе, Апанхур, но теперь всё! Ты погубил мою лучшую работу, испортил праздник нашей девочке, не испытывай больше нашего терпения!

Однако охотник, не обращая на старика внимания, перешагнул через ограду и двинулся к Синголь. Приблизившись вплотную, Апанхур заговорил. Голос, которого соплеменники не слышали годами, плохо ему повиновался, впрочем, безумец был немногословен:

– Свой подарок ты отдашь мне!

Апанхур развернулся и зашагал прочь. Едва он скрылся, со всех сторон послышались возгласы, слившиеся в сплошной гул возмущения. Но Синголь, о которой на миг все забыли, не слышала ничего, кроме звона в ушах.

* * *

Немного придя в себя после происшествия, Синголь сообщила родне, что решила пожить у Старца. Слишком взбудораженные выходкой Апанхура родственники не придали должного значения её словам. Пещера отшельника не подходящее место для юной девушки, и

никто не сомневался в том, что Синголь там не задержится. Потому её не отговаривали всерьёз и лишь спрашивали, уместно ли докучать своим присутствием такому почтенному человеку, как Старец.

Раньше отшельник частенько спускался в селение: врачевал больных, помогал разрешать споры, указывал, где что лучше выращивать. Но годы брали своё, и Старца в селении видели всё реже.

Пещера отшельника была знакома Синголь почти с самого рождения. Её родители учились у Старца целительству и часто брали малышку с собой. После того как родители пропали без вести, девочка точно приклеилась к Старцу. Когда Синголь подросла, он стал её учить. Голос отшельника звучал всегда тихо и приветливо, но казалось, что его слушаются не только люди, но и звери, птицы, травы, словно Старец знал их тайные языки. Однажды Синголь попросила научить её этим языкам. Отшельник погладил девочку по кудрям:

– Прежде научись смотреть на всё с пониманием и без страха.

– Разве можно ничего не бояться? – удивилась Синголь. – Я вот ужасно боюсь Хунгара! Стоит приблизиться к изваянию...

– И я боюсь Хунгара, – прервал её Старец. – Но не изваяния в святилище, а того, что внутри меня.

– Как это внутри? – не поняла Синголь.

– Ашмар – это природа человека. Кажется, некоторые люди чаще руководствуются волей Хунгара, другие Аллара, но полностью свободных от того или от другого нет. С преступником может что-то случиться, и он превратится в праведника. С порядочным человеком может что-то произойти, и он станет преступником. В каждом из нас присутствуют и Хунгар, и Аллар.

Слова Старца впечатались в память Синголь.

* * *

Ночью она почти не спала и, едва рассвело, занялась сборами. Причитания тётушки мешали собираться.

– Пожила бы дома ещё недельку, – всхлипывала Симхости, завязывая какие-то тюки, – никуда небось твоя пещера не денется!

Но у девушки были основания поторапливаться. Отшельник обещал прийти к ней на праздник, его отсутствие тревожило. Кроме того, после вчерашнего она стала бояться Апанхура прямо-таки до колিক. «И чего ему от меня надо? – недоумевала Синголь. – Сам разбил мой лучший подарок, а ещё что-то требует! Правильно говорит тётушка, совсем чокнутый!»

Закончив со сборами, Синголь вышла прощаться. Симхости поджидала её снаружи.

– Вот, подарочки твои, припасы на первое время, утварь кое-какая. В хозяйстве всё пригодится! – Тётушка указала на три здоровенных вьюка, собранных у входа.

Синголь расхохоталась – всё-таки Симхости неисправима!

– А где ослик?

– Какой ослик? – Тётушка, вытаращив глаза, стала растерянно озираться в поисках недостающего ослика.

– Который повезёт всё это!

Синголь выудила из мешка с подарками три ниточки янтарных бус для приношения богам. Положила в котомку несколько лепёшек и выдолбленный из куска дерева сосуд с водой, простилась с Симхости и отправилась в путь.

Утро выдалось чудесным – ясным, без единого облачка. Солнце ещё не начало припекать, свежий горный ветерок раздувал новенькую тунику, подаренную Синголь вчера. Но потихоньку дорога стала забираться всё круче, и к полудню, когда солнце зависло прямо над головой, девушка выбилась из сил. Большая часть пути осталась позади, и Синголь решила передохнуть, укрывшись в тени одинокой сосны. В этом месте ей следовало свернуть с найденной дороги и добираться до пещеры Старца по едва приметной тропке. Дорога же широкими белыми ступенями карабкалась вверх, к святилищу богов.

Синголь прилегла на тёплую хвою и незаметно задремала. А когда проснулась, солнце отбрасывало длинные косые лучи. Над ней склонился старый отшельник и легонько потряхивал её за плечо.

– Я проспала целый день! – ахнула девушка, вскакивая на ноги.

– Да, дитя.

Голос Старца звучал очень слабо, ещё больше девушку поразил его облик. За те три дня, что Синголь его не видела, отшельник постарел лет на десять. Старец измученно опустил на хвою, привалившись спиной к стволу сосны. Слова давались ему с трудом.

– Выслушай, не задавая вопросов, – тихо молвил он. – Знаю, что к тебе навещался Апанхур. Ему нужно это. Возьми.

Отшельник протянул девушке тряпицу, в которую было что-то завернуто, и пристально посмотрел ей в глаза. Так пристально, словно пытался увидеть самое дно души, у Синголь даже голова закружилась.

– Я надеялся обучить тебя пользоваться этой вещью, чтобы ты могла служить симхаэтам, но уже не успею. А ты не убережёшь её от Апанхура, Хунгар в нём очень силен. Встретаться с ним тебе ни в коем случае нельзя. Не убережёшь... – Старец закашлялся, а когда снова заговорил, слова были едва слышны. – Принеси эту вещь до захода солнца в дар богу... А...

Отшельник умолк, силы окончательно покинули его. На пергаментном лице старика живыми оставались одни лишь глаза, которые властно направляли Синголь к широким каменным ступеням, ведущим к изваянию богов.

Девушка спрятала за пазуху завернутый в тряпицу предмет и начала подъём. Поначалу она часто оглядывалась, но взгляд Старца подталкивал: «Торопись!», и Синголь прибавила шаг. В её мыслях царил полнейшая неразбериха. Котомка с бусами, предназначенными для подношения богам, забыта внизу! Какому богу нужно принести дар Старца? Ашмару или Аллару? Как же всё глупо! Постепенно Синголь перестала ломать себе голову и всецело отдалась восхождению. Пот заливал ей глаза, ноги в коленях сделались деревянными, и каждый шаг требовал усилий. Девушка оглянулась в последний раз – сосна, под которой остался Старец, казалась крошечной, а солнце неумолимо садилось. Синголь ступила на священную землю.

Тишина разлилась здесь, как густой кисель, в котором вязли и угасали все звуки: не скрипели ветви, не шумел ветер в высоких кронах – всё замерло. Синголь тоже остановилась и перевела дух. Нечеловеческая мощь, исходившая от изваяния, тяжело придавливала к земле. Девушка нащупала спрятанную за пазухой вещь. Рука Ашмара словно призывала её отдать. Но вдруг отшельник имел в виду Аллара? Солнце окончательно зашло, а Синголь всё сомневалась. «Помолюсь Аллару, пусть лучезарный бог наставит меня!» – решила девушка.

Изваяние по ритуалу следовало обходить по движению солнца, то есть мимо Хунгара. Даже если не смотреть на чёрного бога, ужасного ощущения его присутствия невозможно избежать. Сейчас, в сумерках, такое испытание было выше сил Синголь! «Я ведь не провожу ритуал принесения даров. Это не мой дар, мне просто нужно поднести эту вещь богу. И совершенно точно не Хунгару, – малодушно оправдывалась она сама перед собой. – А чтобы помолиться Аллару, вовсе не обязательно проходить мимо Хунгара! Вот завтра принесу свои бусы и сделаю обход, как положено по ритуалу».

Обойдя статую, Синголь остановилась и почувствовала прилив сил. «Не бойся, я с тобой», – подбадривала улыбка Аллара. Девушка опустилась на колени, как вдруг воздух со стороны ступеней пришёл в движение. Кто-то поднимался быстро и по-звериному бесшумно. Синголь мигом вскочила и попятилась к соснам. Едва успела затаиться за широким стволом, как показалась голова поднимавшегося. Апанхур!!! У девушки вырвался вопль, и она в ужасе бросилась в глубь священной рощи. Охотник погнался за ней. Вот роща осталась позади, Синголь мчалась вниз по открытой сумеречной местности, усыпанной низкорослыми колючками. Здесь гору прорезала глубокая трещина, и к этому чёрному разлому неотвратно приближалась обезумевшая от страха девушка. Апанхур настигал её, хриплое дыхание охотника уже обжигало спину. Синголь рванулась в сторону и... не ощутила под ногами земли. Её руки инстинктивно взметнулись вверх, желая удержаться хоть за что-то, острые иглы впились в ладони, и вырванное с корнем растение вместе с девушкой полетело во тьму.

Глава 6

Дом охоев

Смутные времена настали в Доме охоев. Жрец Света, бывший одновременно главой Дома (или, как говорили, Отцом охоев), слишком одряхлел, чтобы отражать злобные нападки Кирхоя, из кожи вон лезшего в попытках спихнуть престарелого главу и самому занять его место. Алзик по молодости не разбирался в политических играх, да и в истории охоев до сей поры не случалось подобных прецедентов.

Управлять Домом не составляло труда, потому что охой были законопослушны, трудолюбивы и легко поддавались влиянию личности, чуть более энергичной, чем они сами. Эта личность неизменно становилась главой Дома и сохраняла статус Отца охоев до конца жизни. После смерти очередного правителя проходило какое-то время, пока на сцене не появлялось новое действующее лицо, желавшее взвалить на себя заботу о соплеменниках. Иногда даже целое поколение не могло выдвинуть главу Дома, и охой жили сами по себе. В столь необычную ситуацию, что при живом Отце кто-то метил на его место, охой попали впервые. Кирхой тем временем собрал вокруг себя шайку из молодых оболтусов, тяготившихся повседневной работой, и объявил её войском. Воины освобождались от обычных обязанностей и жили на довольствии своих семей. За это они должны были защищать Дом от внешних врагов и поддерживать внутренний порядок. Никакой надобности в войске у охоев не было, но некоторых, особенно самих «воинов», воодушевляли страстные речи Кирхоя, постоянно твердившего об опасности, грозящей соплеменникам отовсюду. Большинство охоев не одобряли дурацкие нововведения, но предпочитали делать вид, что их это не касается.

Юному Алзику совсем не нравился Кирхой, но его также не устраивал древний закон, запрещавший людям Горы выходить в Большой мир. Нарушителя ждало изгнание, означавшее верную смерть. Подгорный Дом служил охоям колыбелью, крепостью и могилой – ничего, кроме своих тёмных пещер, они не знали и не желали знать. Конечно, когда-то всё было не так.

* * *

Предки охоев жили на побережье и звались о-хайями, людьми моря. Больше всего о-хайи любили свой берег, опоясанный скалами; крепкий ветер, швырявший в лица солёные брызги, и несмолкающий гул прибоя. Море являлось их кормильцем и божеством.

Кончилось всё в одночасье. Свирепые и многочисленные дикари напали внезапно и перебили почти всё племя, а жалкая горстка людей моря, оставшихся в живых, скрылась в тёмных пещерах. Им повезло, они вышли к подземной реке и, следуя вдоль её русла, добрались до Горы. Подземная река, трудясь миллионы лет, намыла многоярусную сеть пещер, пригодных для жизни. В теле Горы о-хайи нашли чистейшие подземные ключи и хрупкие чёрные камни, горевшие неярко, зато дававшие обильный жар. С их помощью можно было обогревать пещеры и готовить. В верхнем ярусе пещер в невероятных количествах обитали летучие мыши, спящих зверьков собирали голыми руками. Кое-где река вырывалась из-под земли, эти места изобиловали рыбой и водорослями, пригодными для пищи. И о-хайи

остались в пещерах. Правда, они уже не походили на сильных, весёлых людей, которые дышали солёным ветром и плясали на жемчужном песке. Страх, гнавший их подземными тропами, больше не отпускал сердца. О-хайи завалили камнями выходы, а пришельцев, случайно проникавших в пещеры, безжалостно умерщвляли. Тогда же появился закон, запрещавший выходить наружу. Они перестали называть себя людьми моря и превратились в охоев. «О-хой» – человек подземелья, пещеры, горы. Колхóй – божественный покровитель племени, принявший форму колючего цветка, – освещал предкам охоев страшный подземный путь и дарил надежду. Так гласят предания, а как было на самом деле, никто не знает.

Со временем охой вполне обжили утробу Горы. Глаза их, привыкшие к темноте, перестали выносить дневной свет. Им причиняли боль даже рассеянные солнечные лучи, достигавшие кладовых подземных жителей. Лишь свет, стекавший с лепестков Колхоя, не жёг глаза охоев. Жизнь нескольких поколений была озарена сиянием Колхоя, а потом цветок начал вянуть. Своды Священного зала – обширной пещеры, в центре которой в каменной чаше был помещён Колхой, – стали меркнуть и, наконец, погрузились во тьму.

Пять поколений охоев не знали света, а затем раскрыл лепестки новый бутон Колхоя. Этот день стал великим праздником в Доме охоев. Наверное, тогда-то и появились первые Жрецы, хранители цветка, большую часть своей жизни посвящавшие наблюдениям за Колхоем. Но ни молитвы, ни магические ритуалы, ни жертвоприношения не отвратили неизбежного. Через сто лет цветок вновь засох. Нашлись смельчаки, предложившие выйти в Большой мир на поиски нового цветущего покровителя, но Жрец объявил эти мысли святотатством:

– Божественный Колхой решает, когда дать свет, а когда забрать. Смиритесь!

* * *

Для Алзика и его современников рассказы о светящемся цветке были легендой. Хотя, по словам Жреца, время цветения Колхоя приближалось, не очень-то верилось, что это произойдёт в ближайшем будущем. Священный зал оставался холодным и мрачным, а кактус – таким же мёртвым, как и во времена Алзикова прадедушки. Может, Жрецы что-то напутали со сроками, а может, иссякла светоносная сила Колхоя. При этой мысли Алзика охватывала тоска. Он всем сердцем стремился увидеть свет и уже видел его однажды.

Родичи и соплеменники принимали чрезмерную любознательность Алзика чуть ли не за болезнь. Но в конце концов отказались от попыток сдерживать исследовательский пыл маленького упряма и ограничивались лишь предупреждениями, что рано или поздно он свернёт себе шею. Конечно, они были правы! Подгорный Дом скрывал бездонные колодцы, неразличимые в скользком мраке, и петляющие туннели, хранящие кости заблудившихся. Жуткие твари выползали порой из тёмных углов, а о Хозяине озера Хой-Лор лучше было не поминать вовсе. Подобные обстоятельства могли загасить страсть к путешествиям у кого угодно, только не у Алзика.

Сколько юноша себя помнил, ему хотелось выбраться наружу. Там раскинулся Большой мир, и на что он был похож – никто не мог ответить. Старшие или расписывали ужасы, подсказанные их воображением, или утверждали, что там вообще ничего нет. Лишь пустота, которая заполняется то слепящим огнём, то блаженной тьмой. Когда Алзик подрос, ему запретили касаться этой темы. Он прекратил задавать вопросы, но стал подолгу пропадать,

обследау малоизвестные уголки Дома охоев. И однажды нашёл путь!

В Большом мире было тепло, и воздух так благоухал, что у Алзика закружилась голова. Он уткнулся лицом во что-то мягкое, похожее на сухие водоросли, и тело его сотрясалось от рыданий. Потом слёзы иссякли, но он ещё долго лежал ничком, впитывая звуки и запахи Большого мира. Сухой стебелёк щекотал ему шею, звенел многоголосый стрекочущий хор, что-то ухало вдалеке. Охой перевернулся на спину, положил руки под голову и стал смотреть вверх. Ветерок обдувал его заплаканное лицо, мириады ярких точек искрились ласковым светом. Алзик лежал неподвижно, зачарованный этим зрелищем и запахами земли. Небольшой зверёк подошёл, обнюхал юношу, ткнувшись в щёку мокрым носом, и нехотя удалился. Постепенно сверкающие точки побледнели, небо стало светлеть. В глазах появилось жжение. Алзик долго тёр веки, потом понял, что наступает время слепящего огня и пора возвращаться.

Ощущения, запахи, звуки Большого мира, картина чёрного купола, мерцающего бесчисленными огнями, – всё это навеки запечатлелось в сердце юноши. Может показаться странным, но Алзик больше не повторял вылазок наружу. Ночь, проведённая вне Дома, изменила его. Раньше он действовал, движимый простым любопытством и жаждой увидеть свет. Теперь же впервые попытался осмыслить себя вне Дома охоев, а Дом и соплеменников – вне Большого мира. Это было мучительно. Алзик любил свой подгорный Дом, но Большой мир он тоже полюбил!

* * *

Тем временем Кирхой набирал силу и, надо отдать ему должное, умело завлекал людей. Родичи Алзика никак не могли взять в толк, чего упрямится старый глава Дома, которому давно пора на покой. Почему бы просто не передать свои полномочия этому чудаку Кирхою, так стремящемуся стать Отцом охоев? Кирхой часто заходил к соседям, искренне интересуясь их делами, и те охотно делились с ним своими заботами. Кирхой участливо поддакивал и незаметно переводил разговор на своё.

– Не понимаю, как вы, человек такого ума и проницательности, позволяете этому бездельнику Жрецу морочить себе голову? – восклицал Кирхой. – Вы делитесь с ним пищей, согреваете его пещеру, почитаете его, а за что? За то, что он целыми днями сидит возле сушёной колочки и кормит вас лживыми молитвами? «Яви, Колхой, глазам свой свет, его мы ждали много лет...» Да кому он нужен, свет-то? Может быть, когда глаза наших предков не дружили с темнотой, от света была хоть какая-то польза. Но теперь-то зачем нам свет?

– Колхой издавна чтится как покровитель Дома, – робко возражали охой, напуганные таким святотатством.

– На что годится покровитель, столь же немощный как его Жрец? – пожимал плечами Кирхой. – Он хоть раз проявил свою силу? Разве свет защитит охоев от врагов? Нет! Свет только привлечёт их к нашему Дому. Свет не нужен нам!

Страх, пришедший со скалистого берега о-хайев, оказался более живучим, чем память о светлых днях. Стоило Кирхою упомянуть мистических врагов, как страх мгновенно пробуждался, и за отсутствием реальной угрозы тоже становился мистическим, а значит, неодолимым. В сердцах слушателей речи Кирхоя зарождались сомнения, а некоторым казались чуть ли не откровением. По расписанию Жрецов, день Возрождения света приближался, но

всем уже было ясно, что Колхой не осветит их тёмный Дом.

* * *

В канун дня Возрождения света Алзика послали в одну из кладовых, где под открытым небом хранились в стогах сухие водоросли. Охой не опасались вторжения с этой стороны, отвесные стены разлома служили надёжной защитой. Кладовая была излюбленным местом Алзика. Когда проходило время слепящего огня, юноша уединялся там и, любуясь узенькой полоской неба, предавался мечтам о запретном Большом мире. Сейчас рези в глазах не ощущалось, и Алзик, привалившись спиной к стогу, задрал голову кверху. Внезапно послышался нарастающий свист, и охой отпрыгнул в сторону. Прорвав оградительную сеть, в стог вломилось нечто здоровенное.

Немного выждав, Алзик вскарабкался на стог, осторожно подобрался к углублению, оставленному «приветом» из Большого мира, и увидел наполовину утопленную в сухих водорослях человеческую фигуру. Охой подполз ближе, чтобы получше рассмотреть упавшего. Лицо человека покрывали какие-то нити, похожие на мягкие волокна. Алзик немножко помедлил, потом нерешительно протянул руку и убрал их с лица. Кожа, до которой дотронулись его пальцы, оказалась тёплой, гладкой и упругой, а открывшиеся черты почти детскими. Девушка! Совсем молодая, не старше его самого. Алзик смахнул нити со лба незнакомки, отметив, что прикосновение к её лицу удивительно приятно. Если девушка и умерла, то совсем недавно.

«Может, она всё-таки жива?» – подумал охой, продолжая освобождать голову незнакомки от непонятных волокон. Однако дальше лба дело не продвинулось. Невероятное количество длинных нитей намертво приклеилось к коже. Намотав на руку большой их пук, Алзик поднатужился, рванул, и... девушка с криком распахнула глаза.

* * *

Лысый мальчишка испуганно отшатнулся, опять больно дёрнув её за волосы. Синголь пришла в ярость.

– Если у тебя такой способ здороваться, то мне нечем ответить! – воскликнула она. – Зато твои уши вполне доступны!

Симхаэтка попыталась выбросить вперёд правую руку, чтобы ухватить наглеца за ухо, но пронзительная боль заставила её опять вскрикнуть. Да что же все против неё ополчились! Вырванная при падении колючка острыми иглами впиалась в кожу ладоней и ткань туники. Дерзкий мальчишка отпустил наконец кудри симхаэтки и кубарем скатился со стога. Закусив губу, Синголь осторожно освободила ладони от игл и в сердцах тряхнула правым рукавом. Колючка полетела вслед мальчишке.

Некоторое время девушка переводила дух, дрожа от боли и негодования, затем, постанывая, принялась вытаскивать иглы из ладоней и ткани. Натянула на лоб съехавший обруч и, готовая сражаться за каждую прядь волос, стала выбираться из стога. Обидчик сидел на коленях внизу, уставившись в одну точку, и раскачивался всем телом. Гнев Синголь мгновенно улетучился.

– Эй! Тебя что, зацепило кактусом?

Мальчишка не шевелился. Когда, охая от боли в исколотых ладонях, Синголь сползла со стога (на всякий случай подальше от замершей фигурки), мальчик обернулся к ней. Парнишка оказался старше, чем думала девушка, наверное, её ровесник, просто низкорослый и щуплый. Одет он был в мешковатую робу, сшитую из множества мелких шкурок и стянутую на поясе плетёным ремешком. Бледная кожа паренька казалась полупрозрачной, волосы отсутствовали не только на голове, но и на лице – ни бровей, ни ресниц. А светлые глаза взирали на Синголь с выражением такого счастья, что симхаэтка обомлела.

* * *

Иногда в привычный мир вторгаются вещи настолько невероятные, что даже закоренелый скептик не рискнёт приписать их случайному стечению обстоятельств. Колючка, которой незнакомка запустила в Алзика, оказалась... цветущим Колхоем!

– Не может быть! – твердил Алзик, не веря собственным глазам.

Дрожь восторга пробежала по его телу, по щекам катились слёзы, но он этого не замечал. Наконец первое потрясение от явления чуда отпустило. Следовало действовать. Строжайший закон Дома охоев требовал убивать любого чужака, посмевшегося преступить границы подгорного Дома. Алзик был обязан незамедлительно сообщить о происшествии Жрецу и всем остальным. Может, для чужеземки, которая принесла Колхой, сделают исключение? Нет, вряд ли. Алзик так надеялся, что девушка выживет, а ради чего? Чтобы её убили? За что?

Никакой опасности для охоев незнакомка не представляла – так Алзику подсказывало внутреннее чутьё, которое редко ошибалось. Только благодаря способности заранее распознавать угрозу его рискованные путешествия всегда заканчивались благополучно. От девушки угрозы не исходило. Однако, если Алзик не донесёт, то будет считаться изменником. Ну и ладно! Ему не впервой нарушать закон Дома охоев. Лучше пусть его сочтут предателем, чем он позволит погибнуть девушке, которая принесла свет! Алзик знал одну укромную пещерку и решил на время спрятать там Колхой и чужеземку. Затем он поможет ей выбраться из Дома и придумает, как сообщить о явлении светоносного покровителя, избежав при этом щекотливых вопросов.

А Синголь замороженно смотрела на бутон, из которого струился свет. Лепестки цветка напоминали ладошки, сомкнутые вокруг горячей свечи.

– Алларет! – благоговейно выдохнула симхаэтка. – Цветок из Садов Аллара! С давних пор аллареты считаются легендой, да и ту почти никто не помнит. Мне её рассказывал Старец...

Алзику почудились подозрительные звуки. Кладовую посещали слишком часто, задерживаться в ней не стоило.

– А мне расскажешь ты, – невежливо перебил девушку охой, – но позже. Нужно скорее покинуть это место!

Он поспешно ухватил пук длинных высушенных стеблей и начал обматывать ими кактус. Синголь наблюдала за его действиями с недоумением.

Закончив мастерить для Колхоя некое подобие кокона, Алзик дёрнул незнакомку за рукав:

– Уходим!

– Как ты смеешь мною помыкать! – Голос Синголь зазвенел от гнева. – Никуда я не пойду! Находилась и набегалась, хватит! Провалиться мне на месте, если хоть шаг сделаю!

– Ты уже провалилась, между прочим. Оставаться здесь смертельно опасно для тебя.

Синголь и не подумала двинуться.

– Ну, пойдём же! Я хочу тебе помочь!

– Я тебе не верю! Зачем ты так больно дёргал меня за волосы?!

Симхаэтка вызывающе тряхнула кудрями. Юноша смутился:

– Я никогда раньше не видел волос. У охоев их нет. Думал, какие-то непонятные нити прилипли к твоей коже, и пытался тебя от них освободить. Я не хотел сделать тебе больно!

Добирались до укромной пещерки дольше, чем рассчитывал Алзик. Синголь от усталости едва переставляла ноги, а новый знакомый упорно тянул её за руку. Девушка то и дело спотыкалась, стучалась о невидимые стены и вяло удивлялась про себя, как её поводырь умудряется находить путь в крошечной тьме. Алзик, в свою очередь, приходил в ужас от мысли, что ему придётся волоком тащить спутницу, засыпающую на ходу.

* * *

Вынырнув из чёрного омута сна, Синголь не увидела и не услышала абсолютно ничего. Её окружал непроглядный мрак! Отсутствовали звуки и запахи, которые хоть что-то могли бы подсказать о месте её пребывания, но дышалось легко. Постелью ей служила какая-то разновидность мха, и Синголь с удовольствием поглаживала бархатистый ворс, приводя в порядок мысли и ощущения. Выспавшись, девушка почувствовала голод, однако благоразумие подсказывало ей не торопиться с поисками еды. Возможно, давешний проводник Алзик соблаговолит обнаружить себя и проявить гостеприимство. К тому же наконец-то выпал досуг, который следовало посвятить хотя бы поверхностному осмыслению того, что с ней приключилось. Старец передал ей какую-то вещь вроде бы в подарок и сказал, что нельзя встречаться с Апанхуром. Потом Синголь зачем-то поднялась к изваянию богов, но с какой целью она это сделала, тем более в сумерках, девушке никак не удавалось вспомнить. Вероятно, её память пострадала при падении.

Вытащив из-за пазухи тряпицу с подарком отшельника, Синголь развернула ткань и ощупала содержимое. Кулон на цепочке! Ах, если бы можно было им полюбоваться! Симхаэтка поднесла кулон близко-близко к глазам без особой надежды что-нибудь рассмотреть.

Внезапно пространство вокруг неё неуловимо изменилось. Казалось, слабые вспышки пронзили тьму. Девушка стала напряжённо озираться, но ничего не увидела. Она опять приблизила кулон к глазам и вновь уловила стрелки, наподобие тех, что оставляют разлетающиеся от ночного костра искры, только синие. Убрала руку – ничего! Синголь снова поднесла кулон к правому глазу и уставилась перед собой.

На миг к горлу подступила тошнота, заставив Синголь сделать несколько судорожных глотков, но так же быстро прошла. Тишина наполнилась неровным гулом, окружающий мрак поредел, проступили стены пещеры, казавшиеся ледяными из-за своей прозрачности, и множество призрачных стен и сводов за ними. Вихри бесчисленных синих огней подхватили Синголь и завертели в бешеном танце...

Пришла в себя девушка от того, что кто-то лупил её по щекам.

– Да что ж ты так орёшь! – отчаянным шёпотом восклицал давешний проводник. – Сюда сейчас весь Дом охоев сбежится!

Алзик хотел влечь ей ещё одну пощёчину, но Синголь успела перехватить его руку:

– Перестань! – Язык у симхаэтки едва ворочался. – Что случилось?

– От твоих воплей мог рухнуть свод! Через несколько минут здесь будет охрана, я уже слышу топот. Медлить нельзя, бежим!

Однако Синголь не могла бежать. Повесив цепочку с кулоном на шею, она попыталась подняться, но вновь почувствовала головокружение и тяжело осела к ногам Алзика.

– Ладно, будем действовать по плану номер два, – быстро шепнул охой. – Сделай торжественное лицо и ничего не говори без моего знака. На всякий случай приготовься к неприятностям.

С помощью парня Синголь приняла вертикальное положение, привалившись спиной к стене. Алзик уже собрался вложить ей в ладони кокон с Колхоем, как услышал резкие выкрики Кирхой. План номер два не был рассчитан на присутствие светоненавистника, дело оборачивалось совсем скверно. Юноша едва успел задвинуть кокон в расселину, как в пещерку ввалилась дружина, вопя во все глотки:

– Враги! Лазутчики! Измена!

Если бы Синголь могла видеть растерянное лицо Алзика, то сразу поняла бы, что план номер два провалился. Однако она созерцала только его спину и, следуя полученным указаниям, старалась придавать себе торжественный вид.

– Так-так-так, – злорадно ухмыляясь, протянул Кирхой. – Вы совершенно правы! Налицо и враг-лазутчик, и изменник! Связать их!

Громадная тёмная пещера, еле освещённая чадящими факелами, была забита людьми. Симхаэтка не столько видела толпу, сколько ощущала её присутствие по шорохам и дыханию. Синголь и Алзика, опутанных прочными верёвками, охранники прижимали к стене. А между пленниками и охоями расхаживал Кирхой.

– Слушайте меня, люди Горы! Не предупреждал ли я вас, что враг не дремлет?

– Предупреждал... – уныло откликнулись собравшиеся.

– Но вы не хотели меня слушать! И вот до чего вас довела доверчивость! Коварный предатель позволил врагу проникнуть в наш Дом!

Толпа испуганно зашумела.

– Опомнись, Кирхой! – Спокойный голос внезапно перекрыл стенания. – И вы, охой, раскройте глаза, ежели они так полюбили тьму. Где вы видите коварного предателя и врага? Это же просто дети!

К пленникам приблизился старый человек.

– Дети?! – с ненавистью завизжал Кирхой. – Или ты забыл Закон, Жрец?! Любой, кто проникнет в Дом охоев, должен быть умерщвлён! Предатель, укрывающий чужеземца,

должен быть умерщвлён!

– Не тебе, презревшему покровителя охоев и отрёкшемуся от света, напоминать мне о Законе, – строго ответил старик и вновь обратился к собравшимся: – Кого вы видите перед собой?

– Мой сын не предатель! – взволнованно выкрикнула какая-то женщина. – Придурок тот ещё, правда...

В пещере раздались сдавленные смешки.

– Кого вы видите рядом с Алзиком? – вновь возвысил голос старик.

– Кажется, женщину... – предположили в толпе и уточнили: – Молодую.

– Почти девочку. Ребёнка, который случайно угодил в наш Дом. Как ты здесь очутилась?

Старик обратился к Синголь неожиданно мягко.

– Я убежала от преследователя и сорвалась в пропасть, – еле слышно вымолвила симхаэтка. – Больше ничего не помню.

– А как ты оказалась в пещере? – гневно выкрикнул Кирхой.

– Её привёл туда я, – вступился Алзик. – Она была такая беспомощная. И красивая! Я полюбил её!

– Красивая?! – негодуяще воскликнула та же женщина. – Сын мой, ты в своём уме?! Полюбил? Такую страхолюдину?!

Хохот. Ужасный, невыносимый, издевательский хохот потряс основания пещеры. У Синголь брызнули слёзы.

– Смейтесь! – Вопль Кирхой заставил толпу примолкнуть. – Смейтесь, доверчивые! Неужели вы не поняли то, что слышали?! Этот предатель полюбил! Кого?! Дочь наших врагов! Не убил её на месте, а ПО-ЛЮ-БИЛ! Это ли не измена?! Я вас спрашиваю! Слушайте Жреца! Отпустите этих детей! Пусть девчонка приведёт к нам своих головорезов, а любящий врагов Алзик распахнёт перед ними двери подгорного Дома!

Воцарилась мёртвая тишина. Поняв, что перевес общественного мнения склоняется на его сторону, Кирхой воодушевился:

– Закон Дома охоев гласит, что любой пришелец должен быть немедленно убит! Предатель, укрывающий врага от возмездия, должен быть убит!

– Убить их! – взвыла толпа.

– Тогда вместе с ними убейте и меня! – звучно произнёс Жрец. – Мне противно жить с людьми, убивающими детей. И своих, и чужих.

Охои вновь умолкли. Вдруг чей-то голос выкрикнул:

– Знак!

– Знак! Знак! – подхватили собравшиеся.

Внезапно Кирхой сменил тактику:

– Вы правы, люди Горы! Нам нужен знак. Ведь завтра день Возрождения света? – обратился он к Жрецу.

Старик сник:

– Судя по расчётам, но...

– Никаких «но»! Если завтра расцветёт Колхой и пленники к тому моменту будут живы, люди Горы не причинят им вреда. Значит, твоя правда взяла. Справедливо ли, охои?

Единодушное одобрение.

– Если этого не случится, значит, Колхой больше не покровительствует нашему Дому, и мы съедем другого покровителя.

– Кого? – выдохнула толпа.

– Хозяина озера Хой-Лор! К которому и отведём сейчас пленников.

Синголь ощутила, что по телу Алзика пробежала дрожь.

– Это убийств о, – потрясённо прошептал старик.

– Нет! Всего лишь знак! – злорадно засмеялся Кирхой.

Толпа загудела.

– Можно мне сказать напоследок два слова Жрецу? – воскликнул Алзик.

– Конечно, – издевательски закивал Кирхой. – Хоть четыре! Более того, мы так добры,

что, когда приведём вас к озеру, даже путы снимем. А то жаль верёвки тратить понапрасну.

Но Алзик его уже не слушал, а что-то горячо зашептал на ухо старику. Тем временем подошла мать юноши и принялась бесцеремонно рассматривать связанную симхаэтку:

– И чего он нашёл в тебе? Ликом и глазами тёмная, голова вся в паутине, а губищи прямо-таки рыбы!

Синголь слушала-слушала, и губы её против воли задрожали, а глаза вновь наполнились слезами. «Птичка моя ясноглазая», – вспомнила девушка причитания тётушки Симхости. «Никогда ещё в роду нашем не рождалось такой красавицы», – вторил тётушке дед Симхарух.

– Кому рыба, кому птичка, – огрызнулась девушка.

– Не в обиду говорю, – всхлипнула женщина. – Сына жалко! Погибнет он из-за тебя ни за что ни про что!

– Никто не погибнет, мама! – Алзик, закончив шептаться с Жрецом, присоединился к женскому разговору. Внезапно напускная бодрость покинула его голос. – Мама, я не предатель! Я люблю наш Дом! Я послушался вас, да, и видел однажды свет. Он так прекрасен, что не выразить словами! Я хочу, чтобы все наши люди увидели свет!

* * *

До подземного озера добирались долго. Когда дружинники Кирхоя доставили пленников на место, то сняли путы с их рук, зато крепко обмотали ноги, прикрутили верёвки к каменному пальцу сталагмита, торчавшему вертикально почти у кромки воды, и спешно удалились. Синголь и Алзик остались одни.

– Куда нас привели? – тихо спросила симхаэтка.

– К озеру Хой-Лор.

– Что в этом месте особенного?

– Никто отсюда не возвращался.

– Почему?

– Откуда мне знать? Никто же не возвращался и не рассказывал. Попытаюсь-ка освободить наши ноги.

Алзик присел на корточки и сосредоточился на путях, стягивавших щиколотки. Поняв, что парень не расположен к разговорам, Синголь решила чем-нибудь себя занять. Достала из-под выреза туники кулон и принялась ощупывать оправу и вставленный в неё кристалл. Затем поднесла кристалл совсем близко к глазу, зажмурила второй, и...

Тьма сделалась прозрачной, перестала скрадывать окружающее. Синголь увидела неровный берег, поросший сталагмитами вроде того, к которому их привязали. Со сводов пещеры свисали натёки, похожие на слёзы, замёрзшие прежде, чем упасть. Между берегом и

полукруглой аркой грота на противоположной стороне пещеры простиралась абсолютно неподвижная водная гладь. Наверное, озеро Хой-Лор было бы красивым, если бы не холод и... не запах. В отличие от всех прочих мест в Доме охоев, где уже побывала симхаэтка, здесь пахло очень неприятно. Синголь поморщилась и перевела взгляд на своего спутника. Она всего лишь хотела спросить, чем же так пахнет, но не успела открыть рта...

«Лучше не знать тебе этого, Синголь. На своё счастье, ты не видишь в темноте. Не видишь того, что у самых твоих ног...»

Синголь испуганно уставилась вниз. До неё не сразу дошло, что перед ней – малоберцовая кость с остатком стопы. На стопе отсутствовали фаланги пальцев, кость же была криво сломана посередине. Девушка зажала себе рот, чтобы не закричать. По соседству валялась верхняя часть скелета, словно перекушенного в груди. О, боги! Кости беспорядочно усеивали берег, как будто кто-то специально расшвыривал части растерзанных людей. Милостивый Аллар! Что же это?! Синголь в ужасе обернулась к охое.

Обдирая ногти, Алзик пытался ослабить узел, хотя тщетность потуг была ему очевидна. Юноша пребывал на грани отчаяния: «Все будут считать меня предателем! И самое обидное, не увидят свет! Светоненавистник Кирхой не позволит Жрецу даже шагу ступить, не говоря уже о том, чтобы водрузить Колхой в чаше Священного зала!»

Неужели она слышит мысли Алзика?! Если бы Синголь не была столь испугана, то поразились бы своему открытию. Симхаэтка отняла от глаза кристалл, и всё исчезло. Остались тьма, холод и запах смерти! Значит, это волшебный амулет Старца! Синголь снова поднесла к глазу кристалл.

В десятый раз попытавшись ослабить натяжение жгутов, Алзик до крови сломал ноготь, и тот больно зацепился за верёвку. «Прости, Алзик! Это из-за меня! И зачем только ты взялся мне помогать!»

Охой удивлённо вскинул к ней лицо:

– Ты что-то сказала, Синголь?

Симхаэтка отрицательно покачала головой.

– Странно, а мне показалось... Узел затянут слишком туго, пока не выходит. – Тихий голос Алзика звучал почти спокойно. – Но всё обязательно получится, верь мне.

Если бы несколько мгновений назад Синголь не ощущала панику юноши и его беспомощность, то и впрямь поверила бы, что он спокоен и уверен! Значит, Алзик не хочет её пугать. «Ты очень добрый и храбрый».

Охой пружинисто выпрямился:

– Что? Что ты сейчас сказала?

Синголь молчала, глотая слёзы. «Я не хочу, чтобы ты умер здесь из-за меня!» Девушка опустила амулет. Снова тьма, холод, запах смерти... Но кроме них – ещё руки, сжавшие её плечи! Руки не могли защитить ни от холода, ни от неведомого кошмара, но дарили ощущение, что она не одна.

– Потерпи, Синголь. Как только развяжу ноги, мы выберемся отсюда.

Юноша снова присел и занялся верёвкой. Слегка успокоившись, симхаэтка подняла кулон и посмотрела на узел, над которым бился Алзик. На мгновение плотно затянутые петли показались ей живыми и что-то напомнили... Ну, конечно, игру в «путаницу»! Вот ребята сбиваются в тесный клубок, а потом распутываются...

Алзик не понял, как это произошло, – просто узел под его пальцами неожиданно расплёлся. Сам собой!

– Получилось, Синголь! Сейчас осво... – Юноша вдруг смолк на полуслове.

Не отнимая кристалл от глаза, Синголь последовала за направлением его взгляда. По неподвижной глади озера побежала рябь! То, что приближалось со стороны грота, было ещё далеко, но двигалось очень быстро. Алзик лихорадочно разматывал верёвку, опутывавшую их щиколотки, а симхаэтка, не отрываясь, вглядывалась в тёмные воды. Из них явственно несло: «Еда! Тёплая еда! Разорвать! Заглотить!»

По поверхности озера бежала уже не рябь, а настоящие волны. Они окатывали ноги пленников, облизывали мерзкими холодными языками.

– Падай! – Алзик с силой толкнул девушку.

Они распластались, насколько позволял неровный берег, и едва не захлебнулись – озеро выплеснулось из берегов. Когда вода отхлынула, над поверхностью озера вздымалась невообразимо длинная шея, которая в самой узкой своей части была толщиной с быка. Её венчала плоская голова с вытянутой мордой. Монстр медленно поворачивал головой, осматривая берег. Синголь, не отнимавшая от глаза кристалл, слышала мысли чудовища: «Мы чуем еду! Она здесь! Хотим охоты! Мы любим охоту! Мы охотимся вот так! Разрываем добычу!»

Шея мотнулась в сторону, как гибкий канат, и треугольник громадной пасти с бессчётным количеством зубов-кинжалов пронёсся над вжавшимися в окаменелый известняк телами Синголь и Алзика. Громко клацнули, не уцепив добычу, зубы. Через мгновение пасть вернулась с другой стороны. «Где наша еда?! Решила спрятаться? От нас никому не спрятаться!»

«Канат» шеи в бешенстве замотался. Пасть появлялась то справа, то слева, бились друг о друга костяные лезвия, выплёскивались из берегов ледяные воды озера... Пасть пронеслась так близко, что верхние зубы монстра полоснули по робе Алзика. Отчаянный вопль Синголь пронзил владения хозяина озера Хой-Лор. «Убирайся, тварь!» – несло через кристалл в мозг чудовища.

* * *

Очнувшись, девушка обнаружила, что её окружают тьма, нестерпимый холод и запах смерти. Но её голова покоится на мокрых жёстких коленях, а лицо гладят пальцы – тоже мокрые и холодные.

– Алзик... – всхлипнула Синголь, прижав пальцы юноши к своей щеке. – Ты... не ранен?

– Зубы твари лишь слегка порезали одежду, но до кожи добраться не успели. Выходит, ты всё видела... – пробормотал охой.

– Я больше никогда не куплюсь на твоё успокоительное враньё! – мстительно пообещала симхаэтка и передразнила: – «Всё обязательно получится! Верь мне!»

– А что я должен был сказать? Что к озеру Хой-Лор приводят приговорённых к смерти? Что берег усыпан костями? Тебе так было бы спокойней, да? Я же не подозревал, что ты всемогущая! Как ты сумела прогнать чудовище?

Синголь и сама не понимала, как это у неё получилось. Поэтому вместо ответа пожаловалась:

– К-к-кажется, я превращаюсь в сосульку.

– Во что? – не понял Алзик.

– З-з-замерзаю... Х-х-холодно...

– Значит, надо двигаться. – Охой принялся растирать окоченевшие ладони девушки. –

Движение стимулирует...

– Что?!

– Что стимулирует? Да всё! В первую очередь кровь. Она бежит быстрее и становится теплее. Но проблема в том, что двигаться особо некуда. В этой пещере только два входа. Первый – грот, откуда явился монстр. Через второй нас сюда втащили. Его снаружи запирает здоровенная плита, которую на рычагах поднимают и опускают несколько человек. Нам с тобой её никак не сдвинуть. Остаётся ждать, когда вернутся дружинники, чтобы убедиться, что с нами покончено...

Вздыхнув, юноша перешёл к лодыжкам Синголь.

– А сегодня день Возрождения света, помнишь? Я объяснил Жрецу, где спрятан Колхой, но неплохо его подстраховать. И ещё хочется посмотреть на выражение Кирхоя, когда он увидит знак. А знаком являемся мы с тобой и Колхой!

«Движение стимулирует... движение стимулирует», – крутилось в голове симхаэтки. Она определённо слышала эти слова! Но когда и от кого?

– Алзик, мне всегда хотелось иметь друга, – прошептала Синголь. – Я мечтала, чтобы он был бесстрашным, добрым, умным... Таким, как ты.

Парень смутился:

– Скажешь тоже... Мама считает меня придурком.

– Мало ли что считает твоя мама! Меня она вообще обозвала уродиной!

– А по-моему, ты гораздо симпатичнее любезного хозяина озера Хой-Лор, который так радушно нас поприветствовал! – Алзик встал. – Ладно, поищу боковой выход. Может, он всё-таки есть.

Синголь поднесла к глазу кулон и посмотрела вслед юноше. «Хотя, если даже боковой выход существует, то, скорее всего, окажется тупиком», – донёс кристалл невесёлые мысли охоя. Поджав губы, Синголь покачала головой. Ну, и как прикажете верить этому парню, если всё неприятное он утаивает?! Цепляясь за палец сталагмита, девушка поднялась и двинулась к замурованному выходу. Надо осмотреть его внимательней с помощью подарка Старца. Теперь, оправившись от потрясения, Синголь могла по-достоинству оценить кулон. Глядя через кристалл, она обретала способность видеть в непроглядном мраке, ей открывались мысли и чувства Алзика, а охой слышал её мысли. И не только Алзик! Монстр тоже её понял! «Убирайся, тварь!» – закричала Синголь, и чудовище повиновалось! Ай да амулет!

Девушка направила кристалл на отверстие, закрытое снаружи плитой. Стены пещеры сделались полупрозрачными, и Синголь увидела границы каменной плиты, затем пульсирующие огоньки, создававшие сложный узор внутри этих границ. Ещё через секунду она услышала долгий тягостный вздох о том, как прекрасно было быть частью горы, неразрывно связанной с целым. А потом что-то произошло, кусок горы откололся и стал существовать сам по себе. О, как хочется вернуться в состояние единства, снова стать одним целым с горой!

Симхаэтка повернулась туда, где Алзик изучал стены пещеры в поиске бокового выхода, и мысленно приказала: «Возвращайся ко мне!»

Парень удивлённо обернулся:

– Синголь? Ты меня позвала или мне показалось?

– Иди сюда! Сейчас мы выберемся!

Девушка вновь направила взгляд на замурованное отверстие и, когда заплясали огоньки, образующие границы плиты, обратилась к ним: «Камень слишком велик и поэтому не может вернуться в состояние единства. Но если он превратится в песок, то песчинки сольются с горой».

Голова Синголь наполнилась гулом. «Превратиться в песок и слиться с горой? Да! Как верно! Как просто!» Огоньки неистово задёргались, пытаясь стряхнуть узы, связывающие их друг с другом. Некоторым это удавалось, и они выпрыгивали из границ, подобно искрам, вылетающим из костра. Так, по крайней мере, воспринимала картину Синголь, глядя через кристалл. А подоспевший Алзик потрясённо наблюдал за тем, как каменная плита, закрывающая выход, вдруг пошла трещинами и начала рассыпаться, на глазах превращаясь в груды щебня. Это было невероятно! Так же невероятно, как узел, развязавшийся сам по себе, и чудовищный монстр, который намеревался разорвать их, и неожиданно передумал. Невероятно, но это было!

– Ну, ты даёшь! – восхищённо выдохнул охой.

– Сегодня день Возрождения света, помнишь? – победно обернулась к нему Синголь. – Если поторопишься и по-быстрому расчистишь завал, мы успеем! Лично мне очень хочется присутствовать на торжестве. На твоём торжестве!

* * *

Сначала они заглянули в пещеру, где был спрятан Колхой. Опасения Алзика подтвердились: либо Жрец не сумел отыскать место, указанное юношей, либо Кирхой взял старика под стражу. Как бы то ни было, кактус, обмотанный сухими водорослями, по-прежнему покоился в расщелине. Алзик попросил Синголь подождать, ненадолго исчез и вернулся с чем-то вроде одеяла, сшитого, как и его роба, из мелких шкурок. Следуя его руководству, симхаэтка укуталась и пригнулась.

– Нужно быть предельно осторожными сейчас, когда мы близки к цели, – прошептал Алзик.

Однако по пути в Священный зал им никто не встретился. Кирхой не сомневался в своей победе и не позаботился выставить охрану.

И снова громадная пещера, наполненная людьми. Охой жались к стенам, подальше от центра, где возле чаши с засохшим Колхоем сторбился Жрец. Старика окружали дружинники Кирхой, а их предводитель гордо прохаживался перед толпой. Алзик и Синголь замерли за спинами собравшихся.

– Вы требовали знака, люди Горы? – самодовольно вещал Кирхой. – Вы его получили! Враг и подлый изменник мертвы! Вот ваш безжизненный Покровитель!

Кирхой вырвал из чаши засохший кактус и потряс им перед соплеменниками.

– «Яви, Колхой, глазам свой свет, его мы ждали много лет...» Лишь глупцы поклоняются тому, кто производит никчёмный свет! Только Покровитель, вызывающий страх, Покровитель, которого боятся, сумеет защитить наш Дом и отпугнуть врагов! В свете нет смысла, а свет Колхоя – выдумка лживых жрецов! Таких, как этот! – Кирхой с издёвкой указал на старика. – Слышите меня, люди Горы?! Света Колхоя не существует! Или среди вас найдётся тот, кто его видел?

Толпа безмолвствовала.

Выдержав паузу, оратор набрал воздуха, чтобы продолжить речь, как из задних рядов отчётливо прозвучало:

– Найдётся!

Алзик шагнул вперёд.

– Что? Кто? Где? – заволновались охи, расступаясь.

Юноша вышел в центр пещеры:

– Я видел свет Колхоя! И свет Большого мира. Это самое прекрасное из того, что я видел в своей жизни.

– Предатель жив? – взвизгнул Кирхой, метнув испепеляющий взор на съевшихся дружинников. – Вы обманули меня?!

Алзик обернулся к нему:

– Не вини своих людей, Кирхой! Они честно исполнили твой приказ. Привязали нас к камню на берегу озера Хой-Лор, замуровали выход плитой и оставили на растерзание монстру. Но задуманная тобой казнь не состоялась! Ты говорил, что хочешь знака? Посмотри мне в лицо! Знак прямо перед тобой!

Пока растерявшийся Кирхой собирался мыслями, Алзик вновь обратился к соплеменникам:

– Люди Горы! Чего вы хотите? Света или страха?

Кирхой сделал жест дружинникам, и те стали окружать Алзика.

«Всё! Мой выход!» Синголь выпрямилась, отшвырнула «одеяло» и, придерживая одной рукой кокон с Колхоем, поднесла к глазу кулон.

– Ах... – выдохнула толпа, пропуская симхаэтку в центр пещеры.

– Ты предлагаешь поклоняться тому, кто вызывает страх? – Синголь медленно надвигалась на Кирхоя. – Хозяину озера Хой-Лор? Ты когда-нибудь его видел? Нет? А мы видели! Считаешь, что он защитит ваш Дом? Что ж, посмотри на него! И расскажи остальным!

Девушка направила в сознание Кирхоя образ громадной пасти, которая мелькает то справа, то слева, клацающая бесчисленными кинжалами зубов. Её собственная память была весьма свежа, картина получилась очень живой, а кристалл как передатчик сработал безукоризненно. Кирхой дико завизжал, скорчился и стал кататься по полу пещеры, закрывая руками то лицо, то живот. Потом забился головой о каменный пол, истошно вопя: «Нет! Не надо!» Вскоре на губах у него показалась пена, он уже не кричал, а хрипел, но симхаэтка была неумолима. Страшная пасть приближалась к лицу Кирхоя...

– Хватит! – Алзик дёрнул вниз её руку. – Перестань, Синголь! Да что с тобой?!

Девушка опустила кулон, чувствуя, как стыд заливает жаром её щёки. «В каждом человеке присутствуют и Хунгар, и Аллар, – вспомнились ей слова Старца. – Нет людей, полностью свободных от того или от другого. Я тоже боюсь Хунгара, но не изваяния в святилище, а того, который внутри меня...» Так вот что имел в виду отшельник! Боги! Милостивый Аллар! Только что Хунгар едва не подчинил себе её волю! И если бы не Алзик, она бы... совершила убийство!

Отпустив руку симхаэтки, Алзик вновь развернулся к соплеменникам:

– Люди Горы! Кирхой увидел то, к чему хотел привести и вас, будь его воля. Но к чему стремитесь вы сами? К свету или к страху?

Дружинники, во время приступа Кирхоя застывшие каменными изваяниями, подхватили своего предводителя и потащили в глубь пещеры.

Толпа беззвучно шевельнулась и выпихнула вперёд мать Алзика.

– Страху, сынок, вы уже на всех нагнали. Не пора ли показать свет?

– Пора, мама!

Алзик взял у Синголь кокон с Колхоем и передал Жрецу. По мере того как старик медленно разворачивал сплетение сухих водорослей, Синголь начинала всё яснее видеть чашу, установленную на куполообразном сталагмите. Чаша имела форму шести ладоней, расположенных так, словно они придерживали сферу. Каждая ладонь с безупречной тщательностью была выточена из кусков кварца – золотистого, лилового, розового, дымчатого, – аметиста и прозрачного горного хрусталя. Жрец опустил Колхой в чашу, и пальцы шести ладоней вспыхнули многоцветным сиянием.

– О-о-о! – выдохнули сотни людей.

– Склонитесь перед Колхоем, покровителем подгорного Дома! – торжественно произнёс Жрец.

Молитвенно сложив руки, люди замерли в благоговейном поклоне.

– Поколения охоев рождались и умирали во мраке, надеясь, что их потомки дождутся Возрождения света. Вам выпало счастье узреть этот день! Увидеть чашу, драгоценную мозаику стен Священного зала, всё, что сделано руками предков, живших при свете. Подумайте о тех, кто был лишён такой возможности, и цените её! Приумножайте красоту для грядущих поколений!

Охои восторженно оглядывали великолепие пещеры, преобразившейся в сиянии Колхоя.

– И будьте признательны тому, – возвысил голос Жрец, – кто подарил вам свет!

Старик поковылял к Алзику, положил ему на плечо руку и вновь обратился к собравшимся:

– Давно не рождались в нашем Доме такие, как этот юноша. Кирхой назвал его изменником – это ложь! Алзику хватило отваги нарушить жестокий и бессмысленный закон, рискнуть жизнью ради того, чтобы вы встретили день Возрождения света! Приветствуйте избранника света, люди Горы! Благодарите его! Поклонитесь ему!

Охои, ещё не оправившиеся от потрясения, готовы были исполнить всё, что скажет Жрец, однако протестующий юношеский возглас отразился от сводов пещеры:

– Нет!

По толпе побежал ропот.

– Нет! Не меня благодарите. Её! – Алзик указывал на симхаэтку. – Она принесла свет в подгорный Дом, ей и следует поклониться!

«Избранник избранником, а всё-таки придурок, – вздохнула мать юноши. – И, кажется, ведь действительно влюбился в эту чужеземку! Вот же горе! Всё у него, не как у людей!»

* * *

Синголь пробудилась от того, что ей привиделась зубастая пасть, кричавшая: «Еда! Тёплая еда! Вкусная еда!» И пасть эта принадлежала ей! К концу торжества девушка почувствовала себя настолько измученной, что едва добрела до приготовленного для неё ложа. Теперь ей дико хотелось есть. За все безумные последние дни у неё во рту не было даже маковой росинки. Наполняя рот слюной, в памяти всплывали яства тётушки Симхости. Однако видениями не насытишься! Синголь вскочила, едва не стукнувшись макушкой о

низкий свод пещерки, и позвала Алзика. Но вместо юного охоя явилась его мать.

– Ну, и дрыхнуть ты горазда, – проворчала женщина. – Я бы давно тебя разбудила, да сын не велел. Он сейчас у Жреца, обещал скоро вернуться. Давай-ка умывайся и поешь.

Девушка не заставила себя упрашивать. Она заглывала жидкую рыбную похлёбку, просто рыбу, плоские хрустящие лепёшки и даже каких-то поджаренных зверьков, довольно противных на вкус.

– Про твои подвиги сын порассказал, – приговаривала мать Алзика. – Я бы ему не поверила, если бы сама не видела, что ты с Кирхоем вытворяла. До сих пор жуть берёт! Говорят, всё ещё бредит наш воитель.

Женщина собиралась что-то добавить, но вбежал встревоженный Алзик:

– Мама, собери еды!

– Куда опять собрался? – всплеснула руками мать.

– Оставь нас, мама, мне нужно поговорить с Синголь.

Зная, что Алзик всегда скрывает неприятности, симхаэтка испугалась:

– Что случилось?

– Тебя ищут!

– Кто?

– Тот, кто с помощью верёвки и железных когтей спустился сверху.

И юноша рассказал, что двое охоев сегодня отправились в кладовую. Там их схватил огромный человек, свирепый и вооружённый до зубов. Объяснил знаками, что преследует добычу, которая ускользнула от него и скрывается поблизости.

– И описал тебя, – закончил Алзик.

– Апанхур! – Сердце Синголь бешено заколотилось.

– Ты с ним справишься?

– Нет! Мне нельзя с ним встречаться!

– Тогда быстро уходим! Я тебя выведу наверх, пока Жрец собирает людей, чтобы решать, как с тобой поступить. Охое, конечно, перед тобой в долгу, но страх в них очень силён. Я не уверен в решении, которое они примут.

* * *

И снова они двигались тёмными туннелями. Некоторое время шли в полном молчании, вжимаясь в расщелины при появлении любого встречного. Постепенно обжитые территории остались позади, больше им никто не попадался.

– Что этому типу от тебя надо? – наконец спросил Алзик.

– Не знаю! Он преследует меня со дня рождения, требует подарок.

Охой изумился:

– Полез в пропасть, чтобы ты сделала ему подарок? Ну и обычаи у вас!

– Нет. Он хочет отнять то, что подарили мне.

– Кто он вообще такой?

– Когда-то был лучшим воином нашего племени, а потом его разум забрал... – Синголь испуганно смолкла.

– Кто забрал его разум? – допытывался охой.

– Не могу сказать! Не сейчас! Не в темноте. Когда выберемся наверх и рассветёт.

– Рассветёт?

– Ну, когда взойдёт солнце!

Алзик резко остановился:

– Я не смогу оставаться с тобой в Большом мире, когда рассветёт.

– Почему?

– Слепящий огонь, который ты называешь солнцем, сжигает глаза охоев. В тот единственный раз, когда я поднимался в Большой мир, было темно, только яркие точки усыпали громадный купол. Потом в глазах появилось жжение, и я понял, что начинается время слепящего огня...

– Ты хочешь сказать, что выведешь меня наверх и оставишь?

– А что ещё я могу сделать?

– Придумай что-нибудь! – умоляла девушка. – Ты же умный! Наши кузнецы, когда работают с расплавленным металлом, надевают специальные маски-козырьки из дымчатого кварца, которые защищают их глаза от жара и попадания искр.

Парень не ответил, дальше шли молча. Мысль симхаэтки лихорадочно работала над тем, как бы смастерить защитную маску для охоя. Потом Синголь спохватилась, что его кожа, наверное, такая же нежная, как глаза. На солнце Алзик мгновенно обгорит, значит, ему понадобится шляпа. Тем временем юноша думал: «Какой толк будет от меня, слепого? И что я знаю о Большом мире? Здесь я в состоянии ей помочь, наверху же не сумею ничего!»

Судя по тому, что становилось всё жарче, в Большом мире было время слепящего огня.

– Ты знаешь, куда идти, когда выберешься? – спросил охой.

Синголь растерялась:

– Прежде чем за мной погнался Апанхур, я поднялась в святилище. Не помню зачем. Перед этим Старец дал мне... – Девушка вытащила из-под выреза туники кулон. – Это амулет-оберег, обладающей чудодейственной силой. Ты спрашивал: как мне удалось прогнать чудовище? почему расплёлся узел и рассыпалась каменная плита? Так вот, это всё сделал волшебный амулет! И ещё он...

Синголь собиралась рассказать, что с помощью амулета читала мысли Алзика, но, заметив, что спутник почти её не слушает, обиделась и замолчала. А юноше к тому моменту сделалось не до разговоров. Привыкший к прохладе подгорного Дома, он с трудом переводил дыхание от духоты. И всё чаще тёр слезящиеся глаза, почти утратившие способность видеть. Не заметив острый камень, Алзик споткнулся и упал, неудачно подвернув ногу. Попытался встать, но ощутил резкую боль в щиколотке.

– Передохнём. – Отвернувшись от девушки, охой уткнулся лицом в ладони.

Синголь наконец заметила, что с её проводником творится неладное. Немного подождала, но парень не шевелился. Тогда она поднесла к глазу кулон и посмотрела на юношу через кристалл.

Жжение, пронзавшее его глаза, было нестерпимым. Синголь однажды в детстве потёрла лицо пальцами, выпачканными в перце, так на её вопли сбежали все тётушки. Алзик терпел молча. Голова у него кружилась от жары. Правая щиколотка раздулась и горела, передвигаться он мог разве что ползком. Но главное, его одолевало чувство собственной никчёмности, от которого хотелось плакать, и только присутствие Синголь мешало ему выразить отчаяние.

– Дальше тебе придётся идти одной, – глухо промолвил Алзик, не поднимая головы. – И пусть хранит тебя твой амулет-оберег.

– А ты?

– Немного отдохну и вернусь обратно.

– С вывихнутой ногой?

– Пустяки.

– Я не оставлю тебя, даже не надейся! Доверься мне, как я доверялась тебе. Дай осмотреть ногу!

Упрямец не шевельнулся. Синголь пришла в голову новая мысль, и она через кристалл послала Алзику образ каменной чаши с ледяной водой, из которой умывалась. Вода наполняет ладони, промывает глаза, они становятся ясными, чистыми, жжение исчезает.

– Колдуешь? – фыркнул Алзик.

Судя по голосу, ему немного полегчало.

– А что ещё прикажешь с тобой делать? Ты же сразу понял, что не можешь идти! Старец учил меня, как вправлять вывихи, боль будет недолгой. Повернись на спину, пожалуйста.

Юноша с неохотой подчинился. Бережно устроив его раздувшуюся ногу на своих коленях, Синголь внимательно ощупала щиколотку.

– Теперь представь, что у меня во-о-т такая морда, сам знаешь какая... С во-о-т такими зубами...

Девушка сделала уверенное резкое движение. Алзик вскрикнул, его лицо мгновенно покрылось испариной.

– Всё в порядке, сейчас наложу тугую повязку, – бормотала симхаэтка, пытаясь оторвать полоску ткани от подола. – Жаль, конечно, новую тунику, мне её совсем недавно подарили на день рождения.

– Может, этот тип мечтал, чтобы ты отдала ему свою тунику и предстала без одежд, – через силу ухмыльнулся парень. – Ради этого, конечно, стоило лезть в пропасть.

– Очень остроумно.

Ткань наконец поддалась. Пока Синголь ловко накладывала повязку, Алзик протянул руку и потрогал её пояс:

– Красивая штука!

– Придумала! – радостно воскликнула девушка.

Расстегнув пояс, она показала тончайшие пластины, вставленные в кожу.

– Слюда ослабит солнечные лучи, и твои глаза смогут вынести дневной свет!

Повозившись с застёжками, Алзик закрепил пояс на голове.

– Что-нибудь видишь?

– Да как сказать... Глаза не жжёт, а на уши жмёт.

– Ещё бы с твоими-то ушами! Кстати, тебе нужна шляпа.

– Что?

– То, что надевают на голову, чтобы укрываться от солнца, дождя и снега.

– Ты говоришь загадками, – помрачнел охой. – Я в Большом мире как младенец! Не знаю ни солнца, ни дождя, ни снега, ни шляпы.

– Неужели не интересно узнать?

– Интересно... Но наверху я буду для тебя только обузой.

– Как я для тебя в подгорном Доме?

– Не сравнивай! Ты принесла Колхой!

– А с ним множество неприятностей!

– Но сама же со всеми справилась.

– Только потому, что ты был рядом! Иначе бы я сразу скисла. Пожалуйста, Алзик, не оставляй меня!

– Ты обещала сказать, кто забрал разум у этого... Апанхура.

– Хунгар, – еле слышно прошептала Синголь. – Чёрный бог.

Повисла тягостная пауза. Никогда ещё охой не видел симхаэтку такой подавленной. Алзик сжал её плечи, как на берегу жуткого озера Хой-Лор:

– Не бойся. Расскажи по порядку, что с тобой случилось в тот день, когда ты провалилась к нам.

Синголь рассказала всё, что помнила.

– Надо найти твоего Старца, – подытожил юноша. – Это и будет нашей целью.

– Нашей?! Ты решил идти со мной?!

– Если позаботишься о шляпе, – усмехнулся Алзик.

Глава 7

Большой мир

Охой остался, чтобы прикинуть, где они находятся относительно кладовой, в которую упала Синголь, а симхаэтка поднялась осмотреть местность. У выхода из лаза резвилось четверо лисят. При виде незваной гостьи они шарахнулись в сторону. Девушка постаралась не обращать на малышей внимания, и лисята снова продолжили весёлую возню. Где-то рядом шумела горная река, и Синголь направилась к ней. По пути ей попались малинник, усыпанный спелыми ягодами, и заросли лопухов, отлично подходивших для шляпы.

Неширокий, но стремительный поток нёс по камням прозрачные ледниковые воды. Против течения пробивались к месту нереста красные лососи. Старец рассказывал, что эти удивительные рыбы рождаются в верховьях рек. Повзрослев, они спускаются по течению к устью и всю жизнь проводят в море. В конце жизни лососи отправляются в последнее путешествие к верховьям, где когда-то родились. Там откладывают икру, после чего гибнут, потому что невероятно тяжёлый путь против течения забирает все их силы. Ежегодно летом в одно и то же время берега и дно горной речки вблизи пещеры Старца покрывались мёртвой рыбой, отнесённой течением с места нерестилища. Речка, скорее всего, та же самая, значит, следует двигаться вдоль течения.

Возле самой воды девушка обнаружила чьи-то крупные кости. Тот, кто отобедал их владельцем, тоже имел немалые размеры, не иначе это был медведь. Но после встречи с чудовищем из озера Хой-Лор, медведи Синголь не пугали. Она полной грудью вдыхала воздух, наполненный ароматом трав, ягод, цветов. Слушала шум потока, шелест листвы, гудение шмелей. И шептала: «Я дома».

Синголь нарвала лопухов, выдернула верёвочку из рукава туники и перевязала стебли. Славная получилась шляпа! Решив временно использовать её вместо корзины, девушка насобирала в «шляпу» дикой малины. Довольная своими трудами, она направилась к лазу и столкнулась с матерью-лисицей, нёсшей в логово задушенную куропатку. Лисица от неожиданности выронила из пасти добычу и бросилась прочь, уводя нежданного врага подальше от своего выводка. Конечно, пользоваться плодами чужой охоты было не совсем честно, но Синголь и Алзик находились не в том положении, чтобы проявлять излишнюю щепетильность. Поэтому симхаэтка с радостью подобрала куропатку, предвкушая наконец-то нормальный ужин. Трут и дощечки для разжигания огня тётушка Симхости учила её всегда носить с собой, и, несмотря за все злоключения последних дней, Синголь не потеряла висевший у талии полотняный мешочек, где они хранились. Огонь для приготовления ужина был очень кстати!

Протиснувшись в лаз, девушка спустилась к тому месту, где оставила Алзика. Парень спал в неудобной позе, уткнувшись лицом прямо в камни. Защитный пояс для глаз валялся рядом. Синголь наконец догадалась, насколько её спутник, пытавшийся всё время казаться бодрым, утомился. Симхаэтку охватило сомнение – не совершает ли она ошибку, уговаривая Алзика идти в Большой мир? Там её дом, а для него всё чужое и грозит гибелью. Может, стоит уйти сейчас одной, оставив охоя спящим? Алзик обнаружит её отсутствие и спокойно вернётся в подгорный Дом. «Это самое правильное решение», – говорил внутренний голос Синголь, в то время как она, пристраиваясь рядышком с юношей, подсовывала ему под щеку свою мягкую ладонь. «Было бы нечестно убежать от него, даже не простившись! Пусть

проснётся, и я его отговорю», – оправдывалась сама перед собой Синголь.

Проснулись они одновременно. Судя по тому, как потемнело и похолодало, солнце в Большом мире зашло.

– Я заснул? – просипел спросонья Алзик.

– Мы оба, – улыбнулась Синголь. – Зато ты уже можешь видеть без защитного пояса. Закрой глаза и открой рот!

– Я же только что открыл глаза! – возмутился охой.

– Так закрой снова! А рот открой. Пожалуйста, сделай, как я прошу!

Синголь начала по яголке вкладывать юноше в рот дикую малину. Смотреть, как он пробует, наслаждаясь новым вкусом, доставляло ей большее удовольствие, чем лакомиться самой. Алзик остановил её жестом:

– Что это?

– Малина.

Синголь попыталась сунуть ему в рот очередную ягоду, но он отрицательно помотал головой:

– Не надо. Когда съедаешь много, перестаёшь чувствовать вкус. Что такое малина?

– Ягоды. В Большом мире есть много разных ягод и фруктов. Но сегодня на ужин лиса подарила нам куропатку.

– Кто подарил? Что?

– Ужин подарили! Только его ещё нужно приготовить, а это целая история!

* * *

Закатные лучи догорели, и в сумерках охой вполне мог видеть. То, что открылось ему снаружи, завораживало настолько, что Алзик замер, потрясённый. Он впитывал в себя Большой мир, вдыхал его, созерцал, вслушивался в него. А в Большом мире всё менялось ежесекундно! Каждое мгновение дарило новые краски, запахи, звуки, ощущения! Синголь не мешала юноше, всецело погрузившись в приготовление ужина. Она споро соорудила из камней круг, нашла пологий глиняный склон, обмазала тушку птицы глиной, натаскала хвороста и занялась разведением огня. Когда куропатка запеклась, девушка отправилась за спутником. Задрав голову кверху, охой по-прежнему стоял там, где Синголь его оставила. Она пристроилась рядышком и тоже залюбовалась небом, усеянным звёздами. От куропатки Алзик отказался:

– Не могу сейчас есть.

Зато вода из горной реки ему понравилась. Симхэтке было немного обидно, что её друг пренебрёг ужином, на который она потратила столько усилий.

– Ты определил, куда идти? – спросила Синголь.

– В общем, да. Но Большой мир так изменчив, я не знаю здесь ориентиров.

– Направление обычно определяют по солнцу. Оно всегда восходит на востоке, а заходит на западе. Мы видели, куда село солнце, значит, запад – там. Ещё можно ориентироваться по звёздам. Вон та яркая звезда всегда указывает на север. Думаю, нужно идти по течению речки, и она приведёт к пещере Старца. Правда, горный поток – попутчик ненадёжный, петляет как заяц и в любой момент может оказаться в глубоком ущелье.

Алзик не понял, как кто петляет речка, слова про восток – запад – север тоже. Синголь

задумалась. Охую, конечно, лучше идти при свете звёзд, поскольку неизвестно, защитят ли от солнца его глаза и кожу слюдяные пластинки и шляпа из лопухов. Однако идти ночью без тропы равносильно самоубийству. Даже днём без тропы путь опасен и тяжёл! «Правильнее будет расстаться с Алзиком, не подвергать его жизнь риску», – напомнил о себе разум, и сердце Синголь тоскливо сжалось.

– Алзик, ты должен вернуться в Дом охоев, – еле слышно выдавила девушка.

– Вроде ты была не против моей компании? Когда ты сказала: «Не оставляй меня», я поверил, что нужен тебе. Это всего лишь уловка? Я требовался тебе только в подгорном Доме?

– Что ты говоришь, Алзик?! Я впервые обрела друга, о котором всегда мечтала! Если бы ты знал, как я не хочу с тобой расставаться! Но... Большой мир тебя убьёт! Для тебя здесь смертельно всё! Ты не представляешь, с чем придётся столкнуться! Не только солнце, но и непроходимые дебри, полные диких зверей, змей, насекомых...

– Пока не представляю, – согласился Алзик, – но ты мне покажешь. Пойми, ни одному охую не выпадал шанс побродить по Большому миру с такой проводницей! Ты отдаёшь приказы чудовищам, сокрушаешь каменные плиты, ставишь на место выскочек и вправляешь вывихи. Если я упущу такую возможность, никогда себе не прощу!

– Не верю, что ты собираешься идти со мной из чистого любопытства! Опять что-то недоговариваешь?

– Недоговариваю, верно. – парень опустил голову. – Я боюсь отпускать тебя одну. И очень боюсь, что в Большом мире вместо помощи буду лишь затруднять твой путь. Но сильнее всего боюсь остаться в Доме охоев и никогда не увидеть тебя. Ну, вот, я сказал всё. Ты довольна?

Сердце Синголь возликовало!

– Только у меня к тебе одна просьба. – Светлые глаза юноши взглянули на симхаэтку с непривычной серьёзностью. – Если считаешь меня другом, Синголь, не наставляй больше на меня эту свою шутку. Я же не Кирхой и не монстр из озера Хой-Лор. Просто доверяй мне как другу. А теперь давай свой ужин.

Крошечный кусочек птичьего мяса Алзик жевал очень долго.

– Станный вкус, нужно привыкнуть. В целом съедобно.

Синголь не знала, обижаться ей или смеяться! О вкусах не спорят! Кому ломкая лепёшка из сушёных водорослей, кому запечённая куропатка! Правда, следовало признать, что соли действительно не хватает. Убрав куропатку в шляпу-корзину, девушка спросила:

– Так в каком направлении нам идти?

– В том. – Охой махнул рукой и вдруг застыл.

Симхаэтка ничего не увидела, зато услышала пыхтение, звуки осыпающихся камушков и раздвигаемых ветвей. И мгновенно вспомнила крупные кости, валявшиеся у воды. «Наверняка, возвращается хозяин этого места! Вот, Алзик, и начинается твоё знакомство с Большим миром». Синголь схватилась за кулон. Как раз вовремя, потому что в двадцати шагах от них из кустов вывалился медведь.

* * *

Нет, он не был здесь хозяином, да и желанным гостем тоже. Запахи и следы

подсказывали, что здешний хозяин – весьма серьёзный зверь и не потерпит вторжения на свою территорию. Но запахи помёта казались старыми – вероятно, хозяин ушёл выше по течению реки, туда, где нерестится лосось. Наверняка облюбовав самое уловистое место. А он, бродяга, на хорошее место не претендует. Молод ещё и слаб, чтобы на что-то претендовать, любое местечко у воды подойдёт, лишь бы дали полакомиться рыбкой и не прогнали. Но, как назло, возжеленное место оказалось занято. Не своими! И даже не просто чужими, а страшными безволосыми существами на двух лапах, от которых исходили вибрации, как от растревоженного улья диких пчёл. С дикими пчёлами медведь однажды столкнулся, когда неловко полез за мёдом, и навсегда запомнил их ярость. А теперь здесь эти!

Мать всегда наставляла их с братишкой не связываться с безволосыми. «Они кажутся хрупкими и слабыми, но несут смерть, – не раз повторяла мать. – Хуже бешеной лисицы! Уходите, как только их почувствуете!» А вот, поди ж ты, на безволосых его и вывело! И всё потому, что ветер относил в сторону их запах, а слух у него не очень. С тех самых пор, когда братик во время игры заехал ему лапой по уху так, что в голове что-то лопнуло, и перестало одно ухо слышать. Или, может, потому что не везёт ему по жизни. Ну не безволосым же это объяснять! Надо уносить ноги, пока цел...

«Стоять!» – приказ шёл изнутри, и молодой медведь замер. Вся короткая жизнь, от несмышлёного медвежонка до бесприютного одинокого бродяги, промелькнула перед ним как в калейдоскопе.

* * *

Вот мы с братишкой в материнской берлоге, где появились на свет. Мать спит, а мы сосём жирное вкусное молоко и тут же блаженно засыпаем. Во сне мы обрастаем шерсткой, открываются ушки и глазки, появляются любопытство и интерес к жизни. Вот мать впервые покинула берлогу, мы ещё не можем следовать за ней, и мать остаётся возле дома. Она сильно исхудала и оголодала за время спячки. Наконец мать решила, что мы достаточно окрепли и пора искать еду. Так началось наше первое путешествие, в котором мы следовали за матерью как привязанные, пыхтя, сопя, стараясь изо всех силёнок не отстать от её размашистой поступи.

Ранней весной голодная мать питалась всем, что удавалось отыскать, и продолжала кормить нас молоком. Когда потеплело, мы рыскали по солнечным склонам, поедая траву, выкапывая сочные клубни, корни, вытаявшие из-под снега орехи. Потом пошли ягоды, затем настал период нереста лососей, и мать повела нас к реке. Она была очень боязливой, старалась избегать любых встреч, довольствуясь местами, где можно было поймать ослабевшую рыбу. Нам доставались материнские объедки, но мы не жаловались. Наступила осень, большую часть нашего рациона составляли орехи и жёлуди. Мать всё ещё позволяла нам лакомиться молоком. Ближе к середине осени она нашла место прежней берлоги, и мы заснули. А когда солнышко стало пригревать, проснулись от голода.

Во вторую весну мать недвусмысленно дала понять, что на молоко нам с братом рассчитывать больше не стоит. Она по-прежнему учила нас разрывать муравейники и доставать вкусных личинок, находить сладкие травы, прятаться от опасности. Но наши игры и бесшабашная возня стали её раздражать всё чаще. Когда наступил период нереста лососей,

мы с братишкой уже сами пытались отлавливать истощённых нерестом рыб. Потом пошли орехи, жёлуди, всё складывалось прекрасно до самого наступления заморозков, когда пришлось вернуться в родную берлогу.

Наступила новая весна. Мать сообщила, что этим летом на рыбалку мы отправимся одни. Братик был более сильным и смелым, чем я. Поэтому, когда Он – громадный самец – явился в наши угодья, брат не залез поспешно на дерево. В отличие от меня. Увидев мать, Он помчался к ней. Она же спокойно наблюдала за Его приближением и, похоже, не имела ничего против. Когда на Его пути возник братик, Он просто отмахнулся от досадной помехи лапой с огромными когтями и продолжил движение. Мать ушла с Ним, а я, дожидая некоторое время, спустился с дерева и подошёл к братику. Тот не шевелился и не издавал ни звука. К утру братик стал холодным и чужим. И я вдруг понял, что брат ушёл. Как мать, только по-другому. Мама просто скрылась из виду, а братишка вроде бы лежал рядом, но то, что я видел, не было им. И я бросился бежать. Не помня себя, не разбирая дороги, лишь бы уйти подальше от того страшного места, где остался кто-то, похожий на братика, но твёрдый и незнакомый. Так я стал одиноким бродягой.

* * *

– Не одиноким! – снова раздался тот же голос в голове медведя. – Вот твой брат, смотри! Медведь недоверчиво принялся к чужому существу, на которое указывало другое чужое существо, и фыркнул:

– Это – не мой брат, а безволосый!

– Да, он внешне не похож на твоего брата. Но ты ведь убежал от того, кто казался вылитым братом, но уже не был им. А этот не похож, но посмотри внимательней!

Медведь взглянул на стоящего на двух лапах и не ощутил опасности. Существо разглядывало его без испуга, с любопытством и какой-то радостью. Именно так смотрел на всё братишка! Что, если правда вернулся братик? Или всё-таки его обманывают?

– Хочешь, он тебе по второму уху даст, чтобы ты удостоверился? – дружелюбно спросил голос в голове.

– По второму не надо! – мгновенно среагировал медведь. – Только почему он такой странный? И молчит?

– У него глазки болят, да и шерстки нет. Он сейчас такой, какими вы были, когда в самую первую свою весну вылезли из берлоги. О нём надо позаботиться.

– Но я не знаю, где мама, – растерялся медведь. – Наверное, где-то бродит с Этим.

– Я не призываю тебя искать маму, поиграй в неё сам. Позаботься о братике. Отвези его в место, полное рыбы, где ни тебя, ни его никто не тронет.

– Я не знаю такого места, – расстроился медведь.

– Зато я знаю! Как тебя зовут?

– Меня? – изумился медведь. – Меня никак не зовут.

– Как тебя подзывал братик, когда вы разлучались?

Зверь издал звук наподобие «пыш-пху-у-у...».

– Мы будем тебя называть Пышка, – сообщил голос. – Двинемся прямо сейчас или ты перекусишь?

– Перекусить я не прочь, – скромно отозвался Пышка, – только ведь нечем.

– Братик поделится с тобой своим ужином!

Синголь оторвала от запечённой тушки куропатки половину и кинула медведю. В отличие от Алзика, Пышке куропатка пришлась по вкусу, и справился он с ней в два счёта.

– Иди попей, река рядом, – напутствовал Пышку голос. – Только не вздумай рыбачить – здесь стремнина и глубоко.

Медведь внезапно почувствовал себя счастливым! Кажется, он нашёл не только братика, но и маму. Просто они оба теперь почему-то превратились в безволосых существ, стоящих на двух лапах. Ну и ладно. Мало ли чудес с медведями происходит!

Напившись, Пышка вернулась, отфыркиваясь, помотал косматой головой и приветливо ткнул носом Алзика в грудь, чуть не сбив того с ног. Юноша удержался, обхватив медведя за шею, и рассмеялся.

«Кажется, они нашли общий язык», – удовлетворённо подумала Синголь.

Она протянула ладонь с горсткой малины, и Пышка, сопя, вылизал с руки ягоды. После чего девушка приказала медведю улечься и помогла охоту забраться зверю на спину. В сознании Пышки возникла картинка местности с пологим спуском к реке, берега и дно которой были покрыты мёртвой рыбой. И ни единого конкурента поблизости!

– Туда, Пышка, мы и пойдём.

Компания двинулась. Внезапно у Синголь закружилась голова.

– Сейчас я начну счёт, а когда закончу, вы проснётесь, – произнёс приятный женский голос. – Но не будете помнить того, что происходило с вами, пока я не скажу...

Тугой на ухо медведь переставлял лапы как ни в чём не бывало. Алзик даже не шелохнулся, и девушка догадалась, что они ничего не слышат, потому что неведомый голос обращается хоть и на «вы», но к ней одной.

– Десять... девять...

Глава 8

Маньяк

Сквозь плотно закрытые жалюзи не проникало ни лучика. Комната по-прежнему освещалась лишь мягким светом Колхоя. Лёшка поднялся, потянулся, сделал наклон, и... включился мозг. «Ваша задача узнать как можно больше!»

Мальчик в растерянности снова плюхнулся на ковёр и сжал виски, пытаясь восстановить хоть малейшую часть путешествия по живой памяти. Но память отшибло начисто! По всему выходило, что, намахавшись утром лопатой, он после обеда просто-напросто заснул без задних ног и сновидений! Лёшка покраснел от досады на себя и покосился на подругу. Алька растерянно морщила лоб и кусала губы. Очевидно, с ней случилась то же самое.

Мадам Добрэн подошла к окну, раскрыла жалюзи и распахнула дверь, ведущую в сад. Комната наполнилась соловьиными пощёлкиваниями, запахами свежескопанной земли и недавно прошедшего дождика. Француженка водворила кактус обратно в корзину и накрыла крышкой. Талисман, бережно завернутый в шёлковый шарф, нырнул в её карман.

– У нас не вышло, – всхлипнула Алька.

Лёшка уставился в ковёр.

– Я не путешествовал по живой памяти, – угрюмо сообщил он, не отрывая глаз от красного шерстяного ромбика, вписанного в синий треугольник. – Просто всё это время спал и ничего не помню.

Мадам Добрэн с улыбкой обняла ребят:

– Не огорчайтесь! Вы всё вспомните, но сначала вам следует снова укорениться в настоящем. Это нужно для безопасно...

Не окончив фразы, француженка вдруг втянула ноздрями воздух. Алька и Лёшка сделали то же самое. Нет, не померещилось! Снаружи действительно пахло дымом. Не тем, что стелется над собранными в кучки прошлогодними листьями, которые сжигают аккуратные дачники. Не тем, что приносит ветер от мангалов, на которых шипят нанизанные на шампуры аппетитные кусочки шашлыка. Этот дым имел запах беды и вызывал инстинктивное желание бежать.

Со стороны веранды раздался настойчивый стук.

– Мадам Добрэн, прервите погружение! В посёлке пожар!

Француженка повернула ключ, и в комнату ввалилась перевозбуждённая тётя Липа. Все четверо выскочили в сад. Из-за крыш соседских домов, уродуя синеву майских сумерек, тянулась жирная чёрная полоса.

– На второй линии горит, – бормотала тётя Липа, нервно хрустя пальцами. – И на второй линии, и на нашей все дома деревянные. Ветер чуть дунет, и огонь на них перекинется. Вспыхнет всё как солома! Пока пожарные сюда доберутся, посёлок в пепелище превратится! Соседка уверяет, дом маньяк поджёт.

– Ваша соседка его видела? – встревожилась мадам Добрэн.

– И видела, и слышала! Ростом под два метра, заросший, закутан в плащ до пят. Соседка сперва приняла его за бомжа. Раньше иногда являлись к нам в посёлок бомжи, да только было это лет двадцать назад. И никогда прежде бомжи в разговоры с дачниками не вступали. А этот остановил соседку и давай расспрашивать, где ему найти какую-то женщину. Откуда мне знать, отвечает соседка, кто вам нужен. Здесь в каждом доме женщины! И рукой

махнула. А на обратном пути из магазина видит, полыхает дом. Времени-то не больше четверти часа прошло, как она с бомжом разговаривала. Вспомнила соседка, что когда рукой махнула, то словно на горящий дом указала. Так и догадалась, что не бомж это вовсе был, а маньяк!

Француженка побелела.

– Уезжаем немедленно! – бросила она ребятам.

Тётя Липа с готовностью её поддержала. Оставлять свой дом на растерзание огню хозяйка не собиралась, но считала, что иностранке с детишками при столь опасных обстоятельствах задерживаться на даче не стоит. Лишь попросила мадам Добрэн приглядеть за племянницей до своего возвращения. Сборы заняли считанные минуты.

Узкая грунтовка, ведущая к трассе, имела множество развилок, и Алька на переднем сиденье указывала француженке нужные повороты. Навстречу с воем вынеслись две пожарные машины, джипу пришлось дать задний ход, чтобы пропустить их. Когда выбрались на трассу, мадам Добрэн, наклонившись к Альке, шепнула: «Навьявь-правь». И живая память, подобно майской грозе, ворвалась в сознание девочки.

* * *

Подавшись вперёд с заднего сиденья, Лёшка вытянул шею и восхищённо ловил каждое слово подруги. «Везёт же людям! Какие классные приключения! – с завистью думал мальчик. – Может, и я что-то вспомню в том же духе».

Мадам Добрэн заехала на заправку. Пока наполнялся бак, француженка купила всем по сэндвичу, штурделю и бутылочке сока. Когда все, включая джип, подзаправились, мадам Добрэн попросила Лёшку занять место рядом с собой, а Альку – перебраться на заднее сиденье. Ребята прекрасно поняли, что означает это предложение.

Убедив себя, что ему в путешествии по живой памяти досталась роль Алзика, Лёшка прикидывал, с чего начать рассказ. И настолько увлёкся сочинительством, что не уловил момента, когда француженка шепнула ему: «Навьявьправь». Память выгнулась дикой кошкой и ударом когтистой лапы зашвырнула мальчика совершенно в другую реальность...

Глава 9

Демоны

Алейн и Хэммил удерживались во второй группе А-потока вот уже четыре курса, иными словами, являлись самыми сильными демонами Аллара.

Всего потоков было три. На одном главном потоке учились А-демоны, стремившиеся к Свету, на другом – Х-демоны, избравшие Чёрную Пустоту. Третий поток, прозванный нулевым, отводился для тех, кто оказался не способен продвинуться ни к Аллару, ни к Хунгару. Особую группу составляли демоны Ашмара, но о них было мало известно, за исключением того, что на всех потоках именно демоны Ашмара выполняли функции кураторов.

Курс состоял из трёх семестров. Большую часть каждого семестра демоны проводили, выполняя «тесты», то есть воплощаясь в пригодных для жизни мирах. Пребывание в воплощённой форме давало максимальные возможности для эволюции духа, но также содержало и наибольшие риски. Ибо, наделив воплощение собственными свойствами и характером, демон «засыпал». И результат «теста» зависел от того, чем на протяжении жизни руководствовалось воплощение: духовной наследственностью демона или сиюминутными интересами. По итогам трёх «тестов» куратор определял уровень демона – показатель того, насколько дух эволюционировал в избранном направлении (к Свету или к Чёрной Пустоте). И назначал номер группы на следующем курсе.

Предполагалось, что рано или поздно каждый демон, кроме посвятивших себя служению Ашмару, достигнет первого уровня на одном из главных потоков и соединится либо с Алларом, либо с Хунгаром. На практике же группа под номером один, предназначенная для демонов первого уровня, всегда пустовала.

Сохранять второй уровень более одного курса тоже удавалось немногим. По крайней мере, планки Хэммила и Алейн ни один из А-демонов не мог достичь. Неудивительно, что им завидовали. Алейн и Хэммил внимания на завистников не обращали и беззастенчиво пользовались главной привилегией второго уровня – возможностью влиять на выбор воплощений. Во время каждого «теста» воплощения Хэммила и Алейн часть жизненного цикла проводили вместе. Планет, пригодных для жизни, имелось немного, и демоны воплощались строго в назначенных им мирах. Алейн и Хэммил – в мире Йот, называемом также Землёй.

* * *

Хэммил дожидался Алейн на Берегу Пробуждения, как именовалось в Садах Аллара место, куда возвращались А-демоны после очередного воплощения. Нынешний «тест» завершал курс, скоро пройдёт разбор, куратор назначит им группу на следующем курсе, и да здравствуют каникулы! Наконец-то они будут вместе в своём истинном образе! Хэммил так соскучился по Свету Алейн! Заметив робкое жемчужное мерцание, Хэммил ослепительным лучом устремился навстречу:

- С пробуждением! Добро пожаловать в Сады Аллара!
- Я тебя знаю?

Луч Хэммила рассыпался искрами смеха. В нетерпении он всегда забывал, что память после воплощения возвращается не сразу.

– Конечно! Сейчас ты вспомнишь себя и меня! – И он смешал свой Свет с мерцанием Алейн.

Идея смешать Свет пришла Хэммилу три курса назад. В первый раз у них ничего не получилось. Он догадался о причине неудачи:

– Ты боишься, Алейн?

– Боюсь! Никто из А-демонов никогда не смешивал Свет с другим демоном!

– Значит, мы с тобой будем первыми! И сделаем эту практику всеобщим достоянием.

Во второй раз снова не вышло.

– Тебя тревожит, что нас могут застать за экспериментом? Я знаю потаённое место за пределами Садов, туда за нами никто не увяжется.

Но Алейн по-прежнему раздирали сомнения:

– Разве можно покидать Сады Аллара, кроме как для выполнения «тестов»?

– Мне ничего не известно о запрете, – возразил Хэммил.

– Ни один А-демон этого не делал!

– Один, положим, делал, – заискрился смехом Хэммил. – Следуй за мной!

И он повлёк Алейн к устью световой раковины-вселенной. В отличие от яркого дня, всегда царившего в Садах Аллара, это пространство словно наполняли сумерки, ранние и светлые из-за близости Садов. В потаённом месте им не мешали, однако преодолеть страхи Алейн оказалось не так-то просто.

– Ты всё время отталкиваешь меня, – огорчился Хэммил. – Не сопротивляйся, Алейн!

К концу каникул им удалось. Результат оказался ошеломляющим! Алейн и Хэммил даже не подозревали, что возможно блаженство, подобное тому, которое они испытали, смешав свой Свет! Их сознания слились, открывая каждую ячейку памяти, каждое желание другого! Узы, связывающие А-демонов, стали неразрывны. Увлёкшись, они не позаботились о выборе воплощений. Однако их взаимная тяга оказалась столь велика, что и в случайных воплощениях Алейн и Хэммил сумели-таки найти друг друга. Память о той встрече, самой короткой и печальной из всех, навсегда осталась с ними.

* * *

Закончив с могилкой для отрока-послушника, молодой монах зачем-то свернул в глухой монастырский сад. Продираясь через крапиву и сгоняя с лица настырных слепней, он изумлялся самому себе: какого дьявола его понесло в сад? Вдруг кто из братьев увидит и доложит настоятелю? Ладно, возникнут вопросы – отговорится, что пошёл через сад, чтобы крапивные жала и укусы слепней дополнили практики усмирения плоти. Хотя вряд ли ему поверят. Для усмирения плоти настоятель придумывал столь изощрённые истязания, что отроки-послушники переходили в лучший мир один за другим.

Внезапно лодыжку монаха что-то царапнуло. Он раздвинул лопатой крапивные стебли и присел. Из сухой земли торчали две голые веточки с короткими шипами. Отчего-то в глазах у него защипало. Остриём лопаты он обрубил крапиву вокруг веточек и взрыхлил землю. После ночной молитвы монах не лёг спать, а бесшумно выбрался из кельи, сжимая кружку, которую во время ужина стащил из трапезной. Лето стояло засушливое, и он нёс веточкам

воду. По счастью, никто его не заметил. Исчезнувшую кружку так и не нашли, но слежка братьев друг за другом усилилась, и в течение недели монах не решался предпринимать ничего, что могло бы навлечь на него подозрения. Возможность попасть в сад представилась, когда его снова послали на погост^[1]. И какова же была его радость, когда на месте двух голых веточек монах увидел маленький зеленеющий кустик! Он ещё раз взрыхлил почву и помолился о дожде.

Каждый день в час, посвящённый размышлениям о смерти, перед его глазами возникал кустик с аккуратными зелёными листиками и маленькими шипами на веточках. В часы, отведённые для молитв, монах молился за кустик – чтоб не засох, чтобы корни не подгрызли мыши...

До конца лета ему удалось навестить кустик ещё трижды. Заботами ли монаха или его молитвами, но тот уверенно рос и становился всё краше. Потом зарядили дожди, ветры сдували с деревьев листву, крапивные стебли пожухли – приближалась зима. Монаха послали на заготовку дров. Воспользовавшись таким удачным заданием, он нарубил лапника и поспешил к своему кустику, чтобы укрыть его от скорых заморозков. А добравшись, обомлел: ему навстречу тянулся побег с алеющим бутонем!

Благоговейно опустившись на колени, монах прикоснулся к лепесткам. Словно дожидаясь этого момента, крайние лепестки раскрылись, и воздух наполнился таким благоуханием, что у монаха закружилась голова! Ему хотелось сорвать цветок, который дарил ему кустик, и хранить возле сердца, никогда с ним не расставаясь. Но даже под рясой цветов не спрячешь, не скроешь его аромат. Вздохнув, монах поцеловал лепестки и укрыл кустик еловым лапником.

Всю бесконечную зиму монах мечтал лишь о том, чтобы скорее снова увидеть кустик с прекрасным цветком! Мечтал, когда ворочался на плите в стылой келье, не в силах уснуть из-за холода и голодных резей в животе. Мечтал, копая подземные туннели, коля дрова для кухни, выдалбливая домовины для усопших...

Наконец зажурчали ручьи. Вся братия ещё спала, когда монах покинул келью. До подъёма оставалось часа два, и он надеялся успеть. Сугробы осели, но снег вокруг маленького холмика из лапника ещё лежал. Монах осторожно приподнял ветви, и его сердце бешено заколотилось: к нему тянулся бутон!

В стылом воздухе разлилось дивное благоухание, и монах забыл обо всём! О раннем подъёме, о том, что его хватятся и доложат настоятелю... Бог явил чудо! Постигание истины пронизало его восторгом, острым до слёз! А в следующий момент на его затылок обрушился удар посоха, и двое братьев выкрутили ему руки.

– Так-так, – усмехался настоятель. – Я-то думал, ты просто прелюбодействуешь, но всё обстоит гораздо хуже... Что у нас тут?

Толстый сучковатый посох принялся расшвыривать ветви лапника, монах рвался, чтобы защитить свой кустик, но братья, вцепившиеся в него, держали крепко. Вдруг настоятель взвыл:

– Дьявол! Здесь дьявол!

Солнечный луч упал на кустик, и алые бутоны вспыхнули светом.

– Нет! – пронзительно закричал монах. – Это чудо, явленное Богом! Богу не угодны страдания! Не угодны ваши истязания плоти! Бог есть Свет! Богу угодна красота! Богу угодна любовь!

Тяжёлый посох разбил ему губы, превратив зубы в крошево, а затем стал сбивать

пламенеющие бутоны.

– Одержимого дьяволом в цепи! – орал настоятель. – Дьявольский куст сжечь!

* * *

– Воплотиться в розовый куст! – кипел от негодования куратор, разбирая тот «тест». – Это выбор, достойный А-демона второго уровня?! Отвечай, Алейн! Почему бы тебе не воплотиться в лишайник? Или в планктон?

– Но именно розовый куст привёл монаха к постижению того, что бог есть Свет, – попробовал выгородить друга Хэммил.

– Я на твоём месте молчал бы! – Возмущение куратора перебралось на Хэммила. – Объясни, что заставило тебя выбрать это жалкое воплощение?! О чём вы с Алейн думали?! Вам дана возможность выполнять «тесты» в условиях, благоприятствующих эволюции духа! А что сделали вы?! Или условия жизни растения и ничтожного монаха на положении раба благоприятны для вашего развития?! Говорите!

– Мы не выбирали, куратор, – ответил Хэммил. – Это случайные воплощения. Вина целиком на мне, я отвлёк Алейн.

Куратор внезапно успокоился:

– Тот, кто не ценит имеющиеся возможности, их теряет. Ещё одно случайное воплощение – и лишитесь второго уровня. Оба!

Ошибку демоны не повторяли. Хэммил предпочитал воплощаться в мужчин, Алейн – в женщин, но они довольно часто экспериментировали, выбирая то разнополюе воплощения, то однополюе, то связанные кровным родством, то максимально отличные. Неизменно было одно: их воплощения вместе преодолевали трудности и обеспечивали демонам эволюцию духа.

О первом уровне ни Алейн, ни Хэммил не помышляли. Лучшие демоны Аллара, открывшие смещение Света, были и так счастливы. Своё открытие они не стали предавать огласке, понимая, что таинство смещения Света никогда не станет всеобщим достоянием.

* * *

В отличие от А-демонов, принимавших любые световые образы, демоны Ашмара сохраняли постоянство форм. Фигура куратора группы, в которой учились Хэммил и Алейн, очертаниями напоминала человека с Йот, высокого и слегка сутулого. Внутри этого контура золотые пятна света и текучие полосы чёрного оникса находились в непрерывном движении – словно поверхность озера, по которой в яркий ветренный день бежит рябь и проносятся тени облаков.

– Хорошая работа. – Куратор остался доволен обзором последнего «теста» Алейн. – Тебе удалось подтолкнуть воплощённую личность к очень сильному поступку! Покажи фрагмент ещё раз. Вы все видите? Алейн через своё воплощение пытается привести к Аллару личность, в которую воплощён демон Хунгара вашего уровня. И почти преуспевает! Дух Алейн уверенно эволюционирует. Сохранение второго уровня на следующем курсе тебе гарантировано, Алейн! Теперь перейдём к обзору твоего «теста», Хэммил. Он, наверняка в

чём-то пересекается с работой Алейн.

– Конечно, в одиночку им слабо! – замигали огни согруппников.

Хэммил, не обращая внимания на насмешки, начал обзор. А когда друг закончил, Алейн показалось, что куратор взволнован.

– Поздравляю! – кивнул демон Ашмара Хэммилу. – Твой истинный образ не один раз прорывался сквозь воплощённую форму! Такая сила соответствует первому уровню. Но главным мотивом, побуждавшим твоё воплощение к действию, являлась привязанность. Это не первый уровень.

– Куратор, разве ты не заметил, что первой привязанностью, проявленной Хэммилом в этом воплощении, был Свет?

– Твоя правда, Алейн. Что ответишь, Хэммил, если на следующем курсе тебе будет предложена первая группа?

Одному из них дают первый уровень?! Грандиозно! Невероятно! Мечта! А-демоны вспыхивали восторженными салютами, даже зависть отошла на второй план. Только Хэммил сохранял спокойствие:

– Как насчёт того, чтобы предложить первую группу и Алейн, куратор?

– Алейн немного не дотягивает.

– Тогда позвольте мне остаться с Алейн.

Фигура куратора потемнела:

– Не торопись, Хэммил. Дай взвешенный ответ.

– Для меня это предложение огромная честь, но мой уровень не выше, чем у Алейн. Мы вместе выполняли все «тесты», и я не раз мог в этом убедиться. Если Алейн не дотягивает до первого уровня, то я тоже.

До сознания согруппников не сразу дошёл смысл сказанного. Хэммил отказывается от первого уровня? Хочет остаться с Алейн? Да он просто безумец! Торговаться с куратором?! Его наглость дошла до предела! Хэммил всегда был дерзким выскочкой, но позволить себе такое?!

Зависть, отступившая было, прорвалась гнойным нарывом.

– Хэммил привязан к Алейн больше, чем к Аллару!

– «Тесты» выполняются индивидуально, а эти двое постоянно вместе! Так нечестно!

– Любой из вас имел право в семестре пересекаться с членами своей группы, – остановил поток возмущения куратор. – Только никто, кроме Хэммила и Алейн, почему-то этим правом не воспользовался.

– Потому что наша цель соединиться со Светом Аллара, а не с другим демоном!

– Вот и посмотрим, насколько успешно вы продвигаетесь к вашей цели.

Хэммил заметил, что жемчужное сияние Алейн дрогнуло, и ободряюще померцал: «Не огорчайся! Пусть нас выследили, что с того? Смещение Света – наше личное дело и никого не касается!»

* * *

Сообщив каждому номер группы на следующем курсе, куратор пожелал всем отличных каникул и отпустил. Хэммил и Алейн собирались выскользнуть в числе первых, но куратор попросил их задержаться. Когда они остались одни, демон Ашмара более не сдерживался и

почернел от бешенства:

– Что ты наделал, Хэммил?! Отказом от первого уровня ты подписал смертный приговор! И себе, и Алейн!

– Какой смертный приговор, куратор?! – в недоумении замигали световые демоны. – Ты что, нас разыгрываешь?

– Первая группа на потоке Хунгара перестала пустовать! Демон, получивший первый уровень, вам прекрасно известен! Разумеется, не в своём истинном образе.

Контакты в истинном образе между демонами Аллара и Хунгара были исключены. Они пересекались только, когда воплощались, выполняя «тесты».

– Вы постоянно сталкивались с ним на Йот, – продолжал куратор. – И всегда, кроме истории со случайными воплощениями, одерживали верх. Но теперь у него первый уровень, а у вас второй! Это значит, когда вы встретитесь с ним в следующем семестре, вам его будет не одолеть ни порознь, ни вместе. Второй уровень, как вы знаете, даёт некоторые привилегии. Однако они несоизмеримы с полномочиями Первого. Противостоять демону первого уровня может только Первый. Именно поэтому первая группа на главных потоках пустует. Но уж если на одном появляется Первый, то на другом самому достойному тоже предлагается первый уровень. Теперь ты понимаешь, что наделал своим отказом, Хэммил?!

– Я же не знал... – оправдывался ошеломлённый А-демон.

– Предоставление любой информации, способной повлиять на свободный выбор, запрещено. Таковы правила. Возможно, твой случай создаст прецедент, хотя вряд ли. Никто, кроме тебя, так не поступил бы!

– Я признаю, что совершил ошибку, куратор! Но зачем ты запугиваешь нас?

– Не запугиваю, а предупреждаю! Демон первого уровня имеет право убивать! Не воплощения демонов, а их самих! И Хунгаров Первый непременно воспользуется этим правом, чтобы уничтожить вас при любой удобной возможности! Вы оба ему изрядно надоели!

А-демоны растерялись ещё сильнее:

– Мы что-то можем сделать?

– Право Первого на убийство демонов не распространяется на служителей Ашмара. Если вы решите перейти к Безликому, я буду лично просить за вас. Хотя получить статус демона Ашмара довольно сложно.

– Нам почти ничего не известно о демонах Безликого, – заметил Хэммил.

– Их готовят по специальной программе. Достигнув второго уровня на А-потоке, на следующем курсе они переходят на Х-поток и учатся по программе демонов Хунгара второго уровня. Затем снова возвращаются на А-поток. Чтобы получить статус демона Ашмара, второй уровень нужно удерживать на обоих главных потоках на протяжении шести курсов.

– Разве это возможно вынести? – Свет Алейн задрожал, как огонёк на сквозняке.

– Я тоже не могу себе представить, – согласился с другом Хэммил.

– Тем не менее попробуйте! Перейти в демоны Безликого – для вас единственная возможность спастись.

– А если мы останемся на А-потоке?

Куратор покачал головой:

– Без шансов! Теоретически существует способ передачи силы, называемый «Три если». Условие первое: если вы оба, будучи воплощёнными, вдруг сумеете пробудиться и проявить свой истинный образ. Второе: если один из вас сможет соединить Свет с другим и передать

ему всю свою силу. Наконец, третье: если вашей совокупной силы окажется достаточно, чтобы отбиться от демона Хунгара. Что очень маловероятно. И подчёркиваю, этот способ гипотетичен. Ни в одном источнике не говорится, чтобы передача силы кем-либо применялась на практике.

– А в источниках говорится об убийстве А-демона? – спросил Хэммил.

– Да.

– Почему же нам ничего об этом не известно? – допытывался Хэммил.

– Потому что такова воля Аллара! В подробности прошлой игры Первых посвящены лишь старшие демоны Хранителя равновесия.

– Игры Первых? – недоверчиво переспросил Хэммил. – Той, что упомянута в Слове Ашмара? «Кто от воплощения к воплощению будет внимать Аллару, в истинном образе наполнится Светом. Тот, кто устремится к Хунгару, станет подобен Чёрной Пустоте. Сильнейшие сразятся за своих богов в поединке, именуемом игрой Первых». Разве такой поединок уже имел место?

– Вам это знать не полагается! – отрезал демон Ашмара.

– Так нечестно, куратор! – Свет Алейн вспыхнул негодованием. – Если бы мы узнали раньше то, что ты сообщил теперь, Хэммил никогда бы не отказался от первого уровня! Пожалуйста, не держи нас в неведении! Нам и так грозит гибель! Мы имеем право знать!

– Вряд ли информация о прошлой игре Первых поможет вам!

– Куратор, ты просто поделись ею, – сдержанно попросил Хэммил. – А там видно будет, поможет или нет.

– В поединке демон Аллара был убит. Победитель соединился с Хунгаром и отдал ему свою силу. А дальше...

Фигура куратора расплылась, превратившись в громадный купол-экран, на котором из калейдоскопа света и тени стала складываться картина. Появилась спиральная раковина, блестящая, как золото. Сады Аллара! Оникс загустился в нечто, похожее на спрута с бесчисленными извивающимися щупальцами. Войд^[2] Хунгара! А между ними Вселенная Ашмара, формой напоминающая тор^[3]. Вдруг чёрные щупальца рванулись к тору, из Войда хлынула тёмная энергия. Она пожирала скопления звёзд, галактики исчезали одна за другой, а на их месте возникали гигантские пустоты, без малейших следов света...

Алейн и Хэммил содрогнулись! Фигура куратора вернула себе привычный абрис высокого, слегка сутулого человека с Йот:

– После прошлой игры Первых Хунгар обрёл такую мощь, что его тёмная энергия едва не разорвала Вселенную Ашмара. Бессчётные миры, пригодные для жизни, были уничтожены в одно мгновение! Безликий остановил Большой разрыв, но нынешнее равновесие сильно отличается от прежнего – позиция Света в нём гораздо слабее, чем была раньше. Аллар не желает, чтобы А-демоны это знали. Я удовлетворил ваше любопытство?

– Не до конца, – мрачно отозвался Хэмми л. – Если при прошлом равновесии позиция Света была сильна, то почему оказался столь слаб демон Аллара? Каким образом враг его убил?

– Бесчестным, – сухо ответил куратор. – Его заманили в ловушку, из которой он не смог вырваться, и тёмная энергия вытянула из него Свет.

Две сияющие сферы зависли над Берегом Пробуждения.

– Не падай духом, Алейн! Давай отрабатывать способ «Три если».

– Каким образом? Для первого условия требуется быть в воплощённой форме.

– Начнём со второго. Думаю, для передачи силы нужно максимально увеличить плотность свечения. Я хочу попробовать соединиться с тобой и отдать тебе силу.

– Что произойдёт с тобой, если получится?

– Даже куратор не знает. Никто же этого не делал на практике.

– Аллар рассчитывал на тебя, поэтому пробовать буду я. Разделимся.

Каждый демон, насколько мог, уплотнил свечение. Сферы стали сближаться, коснулись друг друга и... Берег Пробуждения накрыла световая волна! На мгновение Алейн и Хэммила затопило блаженство, но единственное, чего они достигли, было смещение Света. Передачи силы не произошло, зато экспериментаторы привлекли к себе внимание. Разноцветные огни закрутились вокруг них насмешливым вихрем:

– Что тут происходит, рождение сверхновой?

– Нет, просто Хэммил и Алейн решили превратить Сады Аллара в сады своих утех!

– Хэммил, тебе правда демоны нравятся больше, чем бог?

– Соединяйся со мной, Алейн, я тоже демон! Выйдет ярче, чем с Хэммилом!

Двумя лучами друзья ускользнули от насмешников в своё потаённое место за пределами Садов и снова вернули себе образы световых сфер. Заметив подавленность Алейн, Хэммил неуверенно предложил:

– Может быть, всё-таки последуем совету куратора и перейдём в демоны Ашмара?

– Ты представляешь нас в Войде?! Представляешь, как мы учимся по программе демонов Хунгара?! Нет, Хэммил, уволь! Можешь последовать совету куратора, только без меня!

– Представить себя без тебя мне ещё сложнее, чем нас с тобой в Войде.

– В конце концов, мы умираем каждый семестр. Ничего нового.

– Мы не то же, что наши воплощения, – возразил Хэммил.

– Мы являемся их сущностью, определяем их устремления, помним каждый миг их жизни. Если они – не мы, то кто же?

– В определённом смысле они – это мы, однако обратное неверно. Впереди целые каникулы, Алейн, мы сумеем осуществить способ «Три если». И клянусь: я не позволю демону Хунгара лишить тебя вечности. Верь мне!

Жемчужная сфера начала рассеиваться. Хэммил обрадовался: если Алейн хочет играть, значит, настроение друга чуть-чуть улучшилось! Трюк с рассеиванием удался Алейн лучше, чем ему, и Хэммил никогда не мог угадать, где в следующий момент Алейн соберёт свой Свет. Демон обратился в комету и помчался к устью «раковины», но на полпути затормозил. Вряд ли Алейн захочет сейчас вернуться в Сады. Искать нужно не там!

Хэммил метнулся обратно. Сумеречное пространство не имело ориентиров – носиться по нему можно было все каникулы! Внезапно Хэммил заметил крошечную световую неоднородность и удивился: раньше её не было. Чёрная точка быстро росла, превратилась в чернильную кляксу и начала растекаться, наполняя сумерки субстанцией ночи. Что это?! Как такое возможно здесь? Вблизи Садов Аллара! Хэммила охватила тревога: где же Алейн? И вдруг он увидел! На фоне сгущавшейся тьмы вспыхнула яркая жемчужная звезда и рванулась к нему. За ней метнулись щупальца ночи.

– Алейн!!! – Хэммил обратился в луч, устремился навстречу звёздочке и... был отброшен

назад невидимой преградой.

А-демон повторил попытку. С тем же успехом! Непроницаемая стена отрезала его от Алейн, и Хэммил бился в неё, как мотылёк в стекло.

– Кто-то тут в чём-то клялся? – вполз в его сознание издевательский голос. – «Я не позволю лишить тебя вечности! Верь мне!» Ха-ха! Какой дивный жемчужный Свет, не так ли? Смотри, как трепещет, как жаждет меня! Разве можно отказать такому прекрасному Свету? И я не откажу, приму в себя весь, до последнего лучика!

Чёрные щупальца метнулись к звёздочке и потянули из неё Свет. Хэммила пронзила нестерпимая боль, словно Свет вытягивали из него. Не помня себя, он сжался, уплотнился, превратился в раскалённую до предела точку. И на самой грани исчезновения внутри него словно что-то треснуло. Ослепительный луч пронзил невидимую преграду, выплёскивая в потускневшую жемчужину всю свою силу.

* * *

– Хэммил и Алейн вам не попадались?

Абрис фигуры, в которой пятна золота сменялись текучими полосами оникса, возник перед троицей согруппников искомой пары. Точнее, бывших согруппников. Отчисленные из второй группы, эти трое как раз перед появлением куратора сетовали на его необъективность: к другим проявляет чрезмерную строгость, а на все выходки своих любимчиков смотрит сквозь пальцы!

– Попадались, – неохотно откликнулись обиженные А-демоны. – Поразвлекались на Берегу Пробуждения и сгинули.

– Теперь в другом месте эволюционируют.

– Если где-нибудь полыхнёт, там их ищите. Они, знаете ли, любят световые спецэффекты.

– Срочно найдите их. – Куратор, крайне озабоченный чем-то, не вникал в болтовню. – Предупредите, чтобы ни в коем случае не покидали границы Садов Аллара.

– Да какой идиот покидает Сады?!

– Ты ещё спроси, какой идиот отказывается от первого уровня!

Внезапно один из троицы перестал ёрничать.

– Что это? – Луч демона указывал на едва заметное затемнение в устье светового пространства.

– Далеко, за пределами Садов...

И вдруг вспышка!

– Кажется, они там...

* * *

Слух о демоне, отказавшемся от первого уровня из-за того, что его друг остался на втором, облетел Сады Аллара, и они шумели пересудами, как шумят под ветром обычные сады. А-демоны верхних уровней откровенно завидовали, средних – негодовали, а нижних – мечтали увидеть легендарных друзей. Теперь любопытство подхлестывали ещё и странные

световые явления. Бесчисленные огни заполнили нижний виток, соседствующий с устьем, в которое вливалась звезда. Медленно и неуверенно, так, как двигаются старые или больные. И удивлённо перемигивались А-демоны, не знавшие в Садах Аллара ни старости, ни болезней. Появился куратор и приказал любопытным удалиться. Когда все огни исчезли, демон Ашмара спросил:

– Зачем вы покинули Сады?

И, терпеливо дожидаясь ответа, гадал, кто же перед ним: Алейн или Хэммил? Куратор никогда их не путал, хотя по окраске и яркости Света его любимые воспитанники были очень похожи. Теперь же не мог признать. Наконец звезда замерцала:

– Мы отработывали способ передачи силы. Здесь нам помешали.

– И вы осмелились покинуть Сады?

– Да. Но явился демон Хунгара в истинном образе. Он решил реализовать своё право на убийство, не дожидаясь начала семестра.

– Только решил?

Зная Хунгарова Первого, куратор предполагал худший исход. Однако как минимум один из двоих был жив.

– Хэммил ему не позволил...

Всё стало ясно. Дальше можно было не мучить Алейн, вытягивая объяснения.

– Что с Хэммилом?

– От него осталась лишь крошечная искорка. Она со мной, но ты её вряд ли различишь.

– Жди меня на витке Йот. Я буду ходатайствовать, чтобы Белый конус тебя впустил. Ты ведь собираешься обратиться к Аллару, не так ли, Алейн?

* * *

Сияющие витки переливчатой раковины-вселенной закручивались спиралью вокруг узкого конуса ослепительно-белого Света. Белый конус Аллара являлся священным пространством, куда никто не попадал без приглашения бога. Трудями куратора Белый конус впустил Алейн. Но Свет Аллара был холоден и жёсток, как и его Слово.

– О чём ты хочешь просить?

– О Хэммиле. От него осталась эта искра...

– Могу позволить ей соединиться с моим Светом. Ты хочешь этого?

– Нет, Аллар! Молю, возроди Хэммила!

– Зачем?

– Хэммил – твой лучший демон!

– Его легко заменит А-демон с двойной силой, а сила Хэммила в тебе.

– Мне никогда не повторить того, что сумел Хэммил! Этого не делал никто до него!

– Никто до него не додумался смешать Свет с другим демоном?! Никто до него не осмеливался покидать Сады?! Это ты хочешь сказать?!

– Нет! Хэммил сумел исполнить способ передачи силы! Потому что он – твой лучший демон! Он нужен тебе, Аллар!

– Не нужен! Мне требуется демон, способный победить в игре Первых! А отнюдь не Хэммил, который отказывается от первого уровня, смешивает Свет с другим демоном и передаёт всю силу ему. Я больше не желаю слышать о Хэммиле! В тебе ваша совокупная

сила, и ты получишь первый уровень.

– Прости, Аллар, но без Хэммила наша совокупная сила тебе не послужит.

Свет бога стал не просто жёстким, но грозным.

– Ты отказываешься от первого уровня, Алейн?!

– Не отказываюсь. Но победы от меня не жди.

Жемчужная звездочка превратилась в песочные часы с разбитым дном. Световые «песчинки» текли через узкое горлышко, сыпались через дыру и угасали.

– Сила истечёт моей тоской... Демон Хунгара просто убьёт меня, соединится со своим богом, и повторится то, что случилось после прошлой игры Первых.

Повисло молчание. Когда песочные часы опустели, пришло Слово Аллара:

– Мой лучший демон будет возрождён из искры Хэммила. Но знай, Алейн, тебя он забудет!

– Благодарю за милость, Аллар!

* * *

Спиральная световая вселенная имела коническую форму, напоминающую раковину моллюска. Каждый виток спирали соответствовал одному из миров, где воплощались А-демоны. На всех витках пространство делилось одинаково – на четыре кольца. Крайнее кольцо развлечений отводилось для чистой радости, игр и веселья. Всё здесь было ярким и непостоянным. Следующее кольцо, именуемое кампусом, предназначалось для учебных целей. Здесь преобладали строгий архитектурный стиль и Свет пастельных тонов. За кампусом начинались «заповедники постоянства», в которых А-демоны уединялись для медитации и серьёзного творчества. В центре каждого светового мира располагалось то, что не менялось никогда – Белый конус Аллара.

Осмотрев несколько витков, алмазный луч добрался до Йот. Каникулы подходили к концу, а он пока не нашёл того, кого искал. Не задерживаясь в кольце развлечений, луч проскочил пустующий кампус и заскользил по «заповедникам постоянства». Мимо замков и мостов, фонтанов и водопадов, сотканных из Света А-демонов, над аллеями парков и шпилями дворцов...

Он так боялся не найти кого-то, что едва не пронёсся мимо. То есть умчался уже далеко и точно споткнулся в полёте, когда промелькнувшая картинка дошла до его сознания. Заросший пруд с каменным островком посередине, созданный из жемчужного Света! Такого немислимо прекрасного Света луч не встречал ни в одном из блистающих миров! Он обратился в облако, вернулся к островку и завис высоко над ним. Из трещины в камне сиротливо торчали две голые веточки с короткими шипами – от них веяло одиночеством и пронзительной печалью. Откуда взяться такой печали в Садах Аллара, обители радости?! Облако опустилось пониже.

Веточки задрожали, словно ждали именно его. На них появились листики, пошли отростки, на одном набух бутон. Желание прикоснуться к лепесткам бутона, к камню, к жемчужной воде – прикоснуться каждой искоркой своего Света – становилось всё сильнее. Но вдруг он обидит того, кто это создал? Вдруг вся эта красота исчезнет? Облако опустилось совсем низко:

– Ты мне позволишь? Не растаешь, если я прикоснусь?

Бутон потянулся навстречу и раскрыл лепестки.

* * *

Расходящаяся волна Света достигла кампуса, накрыв демона Ашмара. В мгновение ока куратор перенёсся к её эпицентру в «заповедниках постоянства». Посреди жемчужного пруда островком возвышался большой камень. На нём, искрясь алмазным сиянием, застыла коленопреклонённая фигура человека в рясе. Розовый куст тянулся к нему всеми веточками. От монаха и розы исходила такая невыразимая нежность, что гнев куратора бесследно растворился. Однако медлить было нельзя: воспитанники уже натворили глупостей, едва не стоивших им вечности, и опять за своё!

– К тебе вернулась память, Хэммил?

Некоторое время монах с недоумением смотрел на демона Ашмара, словно не понимая, кто перед ним, затем кивнул.

– Алейн, исчезни, – приказал куратор.

Розовый куст, камень и пруд замерцали и стали рассеиваться.

– Зачем, куратор?! Ведь мы едва встретились! – с горечью воскликнул монах.

– Следуй за мной, Хэммил, и не задавай вопросов. Поторопись.

Сбросив привычную форму, демон Ашмара двигался как штрих-пунктир, то объявляясь, то исчезая. Алмазный луч едва поспевал за ним. Через устье они вылетели в пустое сумеречное пространство. Невзирая на полное отсутствие ориентиров, куратор двигался уверенно. Вот впереди появилась затемнённая воронка, в неё-то и увлёк Хэммила демон Ашмара.

Полость, в которую они влетели, напоминала пустое чрево гигантского червя, из неё отходили в стороны какие-то отростки. Куратор остановился и вернул себе обычный образ:

– Мы поговорим здесь, Хэммил. Приглуши свечение.

А-демон исполнил просьбу, но куратор покачал головой:

– Ты всё равно слишком ярк. Впрочем, чего ещё ждать от А-демона первого уровня.

– У меня первый уровень?

– Аллар милостив.

– Постараюсь оправдать доверие.

– Ты его не оправдаешь, если будешь смешивать Свет с Алейн!

– Кого это касается?

– Бога, глупец! Неужели ты ничего не понял, Хэммил?! Аллар был в гневе на вас обоих за смешение Света! Гнев усилился, когда ты отказался от первого уровня! И дошёл до предела после того, как ты перебросил Алейн свою силу. Аллару нужен демон первого уровня, который победит в игре Первых и отдаст силу ему! Ты нарушил планы бога, и он не собирался возвращать тебя к жизни. Как Алейн удалось его переубедить, не знаю. Но Аллар поставил жёсткое условие: возрождённый демон первого уровня должен забыть Алейн.

– Это условие невыполнимо, куратор! Я забыл всё, включая собственное имя, но не Алейн! Я искал жемчужный Свет по всем Садам и наконец нашёл!

Куратор отвернулся:

– Я и не думал, что условие Аллара выполнимо. Памятью об Алейн пронизано каждое твоё воплощение, каждое возвращение к Берегу Пробуждения. Я был уверен, что стереть её

всю не под силу даже богу. Но не ожидал, что, едва покинув Белый конус, ты сразу бросишься на поиски Алейн. И что, не успев встретиться, вы тут же смешаете свой Свет! И где?! В «заповедниках постоянства»! В самом центре Садов! О вашей встрече уже известно всем! И Аллар в курсе, что вы нарушили его запрет!

– Какой запрет? Я ничего не знаю!

– Зато Алейн знает. Теперь гнев бога будет направлен на Алейн!

– Что же нам делать? – растерялся Хэммил.

– Не приближайся к Алейн! Пустите слух, что вы поссорились, и больше не встречайтесь!

– Но... Это пытка, куратор. – Алмазное сияние Хэммила на мгновение померкло, затем вспыхнуло вновь. – Если Аллару нужна победа в игре Первых, то мне остаётся лишь убить демона Хунгара. И как можно быстрее!

Куратор зашёлся рябью смеха:

– Всего лишь убить Хунгарова Первого? И как же ты намерен это сделать?

– Последую его примеру. Он явился к Садам, а я отправлюсь в Войд. Ты ведь знаешь, как туда попасть, куратор?

Демон Ашмара мгновенно посерьёзnel:

– Едва ты достигнешь владений Хунгара, как тёмная энергия вытянет весь твой Свет. Успокойся, Хэммил! Хочешь победить – дождись начала семестра.

– Я должен увидеть Алейн! Ещё хотя бы раз перед началом семестра! Пожалуйста, куратор, помоги!

Демон Ашмара не спешил с ответом – он и так уже сильно превысил полномочия, полагающиеся по статусу куратора. Согласиться исполнить просьбу воспитанника означало пойти против воли Аллара. Однако куратор помнил упрёки Алейн, и его не покидало чувство вины за то, что он не предупредил Хэммила о последствиях, которые повлечёт отказ от первого уровня.

– Хорошо. Я приведу сюда Алейн. Жди.

– Что это за место, куратор? Ты не сообщил, где мы находимся.

– В туннеле Ашмара, который называют туннелем трансформации. Это прямой путь, соединяющий Сады Аллара и Войд. Я ведь рассказывал вам, что демоны Ашмара учатся по особой программе?

– Да. Мы с Алейн не могли себе представить, как это возможно.

– Невозможно, если не пройти туннель трансформации. С конца, где находимся мы с тобой, они входят в туннель А-демонами второго уровня. По мере удаления от Садов Аллара их уровень падает, и в зоне Ашмара они становятся «нулями». Когда пересекают границу Войда, их уровень начинает возрастать, но уже другого главного потока. В Войд они выходят Х-демонами второго уровня. Завершившие курс в Войде претерпевают трансформацию обратного порядка.

– Этот путь использовал демон Хунгара, чтобы напасть на Алейн? – спросил Хэммил.

Куратор кивнул.

– Почему же он не трансформировался?

– У него первый уровень.

– Когда ты приведёшь сюда Алейн, он может снова явиться?

– Может. Но если он сунется в туннель, я попрошу Ашмара придержать его до того момента, пока не уведу Алейн. Дальше будешь разбираться с ним сам. Выводить буду вас по

очереди. Сначала Алейн, потом тебя.

– Спасибо, куратор! Ты делаешь для нас даже больше, чем я осмелился бы просить! Почему?

– Не хочу, чтобы лучшие демоны Аллара потеряли свою вечность. И вот что, Хэммил, постарайтесь поменьше светиться. Вы слишком яркие даже для Садов, а в туннеле от вас вообще можно ослепнуть.

* * *

Будущие демоны Ашмара с неохотой подтягивались к воронке, чтобы направиться в Войд. Трансформация являлась процессом неприятным и болезненным, поэтому собирались всей группой. Дождаясь запаздывающих, непрерывно шутили, чтобы скрыть страх перед моментом, когда придётся войти в туннель. Даже не оглядывались в сторону воронки, а смотрели в направлении Садов, угадывая, кто последним их покинет. Один из группы всё-таки обернулся:

– Смотрите, в туннеле что-то происходит!

Все немедленно повернулись к воронке и разразилась изумлёнными возгласами.

– Свет! Вот слепит-то!

– Обалдеть! Просто белый фейерверк! И вспышки пронизаны восторгом! Ребята, хочу к ним на свадьбу!

– На свадьбу?! В туннеле трансформации?! Ну, ты шутник!

– Может, глянем, кто из А-демонов там резвится?

– Вот ещё! Не суйся, куда тебя не просят!

– Вроде поутихло...

– Давайте-ка уберёмся подальше, лишние встречи нам ни к чему. Приветствия, всякие там формальности... Не люблю!

Группка успела рассеяться как раз вовремя. Из туннеля вихрем вынеслись двое, мелькнули и исчезли. Будущие демоны Ашмара снова собрались вместе.

– Очень любопытно... Зачем куратор притащил А-демона в туннель? На экскурсию?

– Точно! Где уж Садам Аллара до красот туннеля трансформации!

Подлетел последний из группы. Наблюдавшие фейерверк бросились к нему:

– Тебе никто по пути не попадался?

– Нет, а кто мне мог попасться? Ой! Ребята, в туннеле Свет!

– Опять? – ахнули демоны. – Что ж они там творят-то?

– Кажется, теперь играют в войну.

– Гляньте, что делается! Сплошная белая ярость!

– Нет! Кроме белой ярости там что-то ещё...

Из туннеля вырвалось щупальце мрака.

– Прячемся, быстро! Один из них точно не А-демон.

Едва демоны Ашмара слились с устьем воронки, как из туннеля стремительно вылетел световой сгусток. За ним рванулись чёрные щупальца. Сгусток рассыпался бесчисленными лучами, пронзавшими щупальца, те одёргивались, втягивались в туннель и снова лезли наружу. А-демон отлетел подальше, а из воронки поплёрла бесформенная тёмная масса. Длинные чёрные нити вырывались из неё, устремляясь к световому пятнышку.

– Это ж Хунгаров Первый! Нам конец!

– Может, он за А-демоном погонится?

– Чего за ним гнаться-то? Вон, скукожился и завис. Его и не видно почти.

Действительно, сгусток Света сжался до размера крошечной точки, впрочем, вполне видимой из-за яркости. Внезапно точка рванулась навстречу чёрной массе, и наблюдатели ослепли. Когда к ним вернулась способность воспринимать происходящее, драка снова переместилась в туннель. Из глубины неслись удаляющиеся сполохи.

Появился куратор Алларовых демонов, и группка дрожащих свидетелей драки бросилась к нему, восклицая наперебой:

– Тут такое творится! А-демон изрешетил Хунгарова Первого и теперь гонит в Войд! Что делать?

– Ждите здесь, – приказал куратор, исчезая в туннеле.

Немного придя в себя от потрясения, демоны зашумели:

– Вот даёт Алларов Первый!

– А ты ещё к нему на свадьбу хотел незваным гостем вломиться! Жаль, я тебя остановил!

Смеху-то было бы!

– Точно! Вон он как обласкал дорогого гостя из Войда!

– Хвала Ашмару, они нас не заметили!

– Да сдались мы им! У них же игра Первых!

– А чего второй А-демон в туннеле делал?

– Поднимал боевой дух Первому! Ха-ха! И, надо сказать, немало в этом преуспел!

* * *

«Организация тайных свиданий – мой конёк, – невесело усмехался про себя куратор, сопровождая Хэммила к устью световой вселенной. – А я-то ещё упрекал воспитанников, что об их встрече знают все Сады! С моей помощью об их встрече стало известно даже в Войде! Как мне теперь объясняться с Алларом?»

Хэммил словно услышал его мысли:

– Спасибо за всё, куратор. Я направляюсь в Белый конус. Если победа в игре Первых входит в планы Аллара, он получит её при условии...

– Хэммил, ты сошёл с ума! Собираешься торговаться с богом?!

– Не собираюсь.

Жемчужная звёздочка образовалась, словно ниоткуда.

– Не ты направляешься к Аллару, Хэммил, а мы.

«Ашмар вам в помощь», – подумал куратор.

* * *

Белый конус встретил друзей жёстко.

– Я согласился возродить Хэммила при условии, что ты не будешь возникать на его пути, Алейн!

– Можешь покарать меня, Аллар, за то, что я не сумел забыть Алейн! – вспыхнул

Хэммил. – Зачем устраивать нам эту пытку?! Как наша дружба может помешать твоим планам?

– Дружба?! Связь, возникающая в результате смешения Света, не называется дружбой, Хэммил! Смешение Света – это высшее таинство, образующее неразрывные узы! Которые должны связывать только с богом!

– Узы, соединяющие нас с Хэммилом, нисколько не умаляют нашей преданности тебе, Аллар! Она была и будет безгранична! Мы никогда не попадали на нулевой поток, потому что не сомневались, в какую сторону двигаться! Не сомневались в своём выборе! И мы готовы понести любое наказание, если ты считаешь его заслуженным. Самым страшным для нас будет разделение. Друг без друга мы не можем! Но если ты позволишь нам быть вместе, то получишь двойную силу, умножающую твою мощь. В туннеле Ашмара Хэммил едва не лишил демона Хунгара вечности!

– Не разделяй нас, Аллар, и я обещаю тебе победу в игре Первых!

– А я сделаю всё, чтобы помочь Хэммилу добиться победы!

Качество Света вдруг изменилось, наполнив друзей благодатью. Бог больше не гневался!

– Будь по-вашему. Благословляю вас, Хэммил и Алейн! Надеюсь, вы проявите себя в игре Первых.

Глава 10

Талисман уходит

– Лёш, ты чего? – Алька, сидевшая сзади, нетерпеливо подёрнула друга за рукав. – Заснул, что ли?

– Нет. Просто в голове каша, – пробормотал Лёшка. – Я попал в другой мир... Там всё слишком непонятно. О талисмане мне ничего не удалось узнать. Простите, мадам Добрэн.

Француженка промолчала, ей было не до разговоров. Охотник за талисманом вышел на финишную прямую, и мадам Добрэн не знала, что предпринять. Может быть, отдать талисман Але или Лёше и держаться от них подальше, чтобы отвлечь охотника на себя? Если ребята не будут смотреть через кристалл, это самое верное решение. Только сумеют ли они удержаться?

Алька, убедившись, что Лёшка ничего не собирается добавить к сказанному, разочарованно вздохнула, пристроила под голову рюкзачок и вытянулась на сиденье.

А Лёшка недоумевал: какая связь между тем, что открылось ему в путешествии по живой памяти, и задачей, поставленной перед ним и Алькой мадам Добрэн. Француженка рассчитывала, что ребята соберут информацию, которая поможет избавиться от охотника за талисманом. Вместо этого Лёшка попадает в другую вселенную, где узнаёт о какой-то игре Первых и неразрывных узах, связывающих двух А-демонов... Сведения чертовски любопытные, но не имеющие практической ценности. По крайней мере, на данный момент.

Решив, что демоны могут подождать, Лёшка вернулся к насущной проблеме и ещё раз прокрутил в памяти Алькин рассказ. Алька узнала, что талисман не просто читает мысли, а передаёт волю того, кто смотрит через кристалл. Что если взять и приказать преследователю убраться? Только вряд ли на охотника подействует этот приём. Если бы всё обстояло так просто, Синголь не бегала бы от Апанхура! Требуется другое решение.

Покосившись на мадам Добрэн, Лёшка ощутил её нервозность. Неудивительно! Пока кристалл настроен на сознание француженки, охотник от неё не отвяжется. Чтобы сбить его со следа мадам Добрэн, нужно настроить кристалл на кого-то другого. Или на что-то другое...

Ремонтные работы на разбитом участке трассы перед въездом в город ещё не закончились. Джип попал левым колесом в яму, и, несмотря на отличные амортизаторы, машину резко трянуло. В этот миг Лёшку осенило.

– Мадам Добрэн, идея одна появилась. Если сработает, охотник от нас отстанет. Дайте, пожалуйста, талисман!

Француженка удивлённо взглянула на мальчика и снова въехала в яму, теперь уже правым колесом. Высказав в адрес дороги всё, что она думает, мадам Добрэн выудила из кармана завернутый в шёлковый шарф кулон и протянула пассажиру. Получив талисман, Лёшка расстегнул верхний карман курточки и достал смартфон. Для того чтобы реализовать свою идею, ему требовалась Сеть. Но слабенький сигнал то и дело пропадал...

* * *

Когда въехали в город, часы показывали четверть первого ночи. Без заминок проскочив

центр, джип добрался до западного шоссе. Началась промзона. В отличие от празднично освещённых центральных проспектов, здесь электричество сэкономили, редкие фонари горели тускло. Единственным светлым пятном в этом тёмном царстве была автозаправка, за которой следовало повернуть на мост. Возле заправки крутилась пара бродячих собак, и мадам Добрэн притормозила. При виде машины псы зашлись недружелюбным лаем и помчались вдоль края шоссе. Альку лай не разбудил, а Лёшка, оторвавшись от смартфона с подвисшей Сетью, следил за агрессивным поведением животных с лёгким беспокойством. На повороте один из псов вылетел на дорогу прямо перед джипом. Завизжали тормоза, но избежать столкновения не удалось. Получив толчок бампером, пёс заскулил и стал удаляться, припадая на одну лапу.

– Вот дурной! – воскликнул Лёшка. – Псих четвероногий!

Кивнув, француженка повернулась к мальчику, намереваясь что-то сказать, и окаменела. Со стороны заправки к ним быстро приближался человек огромного роста. Стряхнув оторопь, мадам Добрэн утопила педаль газа, и джип рванулся вперёд. Резкое ускорение вдавило Альку в сиденье, и та проснулась. В салоне зависло напряжённое молчание. Узкий съезд с моста не давал возможности разогнаться, поглядывая в зеркало заднего вида, француженка нервничала всё сильнее. Лёшка, опустив солнцезащитную шторку, уставился в зеркальце, вмонтированное изнутри. Альке было очень страшно оборачиваться, но она пересилила себя и прильнула к заднему стеклу. Громадный заросший человек нагонял их!

От визга подруги Лёшкина рука дёрнулась. Чертыхнувшись, он вновь направил взгляд в маленький прямоугольник зеркала, отчаянно твердя самому себе:

– Смотри точно через кристалл! Точно через кристалл!

Однако рука с талисманом дрожала, и точно смотреть не получалось. Лёшка утомлённо моргнул, глянул в зеркало и в это мгновение его зрачок, кристалл и отражение кристалла совместились! Мир завращался с бешеной скоростью, утягивая сознание мальчика в воронку. Но, как боец, который в последнем ударе выбрасывает навстречу врагу сжатый кулак, Лёшка швырнул в отражение талисмана приказ.

Оторвав ладони от лица, Алька вгляделась в темноту за задним стеклом. Движения преследователя потеряли былую уверенность. Пробежав ещё немного, охотник опустил на четвереньки и склонился к асфальту, не то пригнувшись, не то всматриваясь во что-то.

– Он отстал! – закричала Алька. – Прекратил за нами гнаться!

Джип въехал на дорогу, ведущую в их микрорайон. Лёшку мутило всё сильнее. Пока мог, он крепился, а почти у самого дома почувствовал, что больше не вытерпит.

[Купить полную версию книги](#)

Кладбище.

В переводе с англ. – пустота. Пространство, свободное от галактик и звёзд. Предположительно, заполненное тёмной энергией. В данном контексте – вселенная Хунгара.

Пространственная фигура, похожая на бублик. Одна из вероятных форм Вселенной.